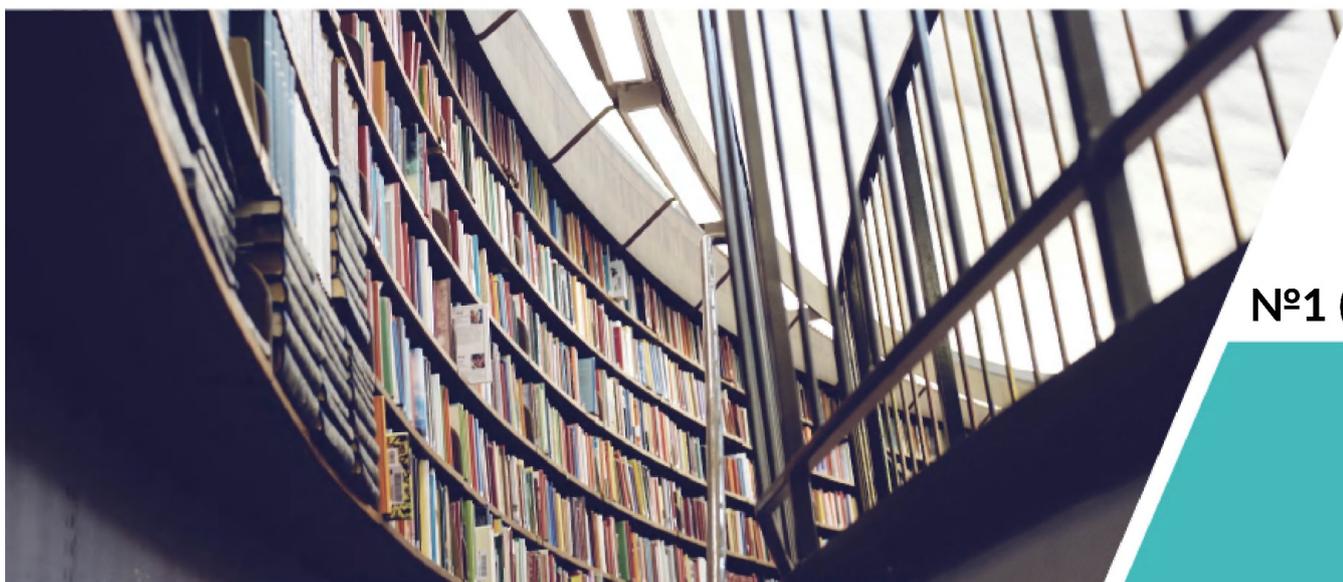

▶ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ

№1 (5) 2018

В НОМЕРЕ:

Психологические науки

Педагогические науки

Социологические науки

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средствам массовой коммуникации

Свидетельство о регистрации

Эл № ФС77-64254 от 25 декабря 2015 года

Над выпуском работали

Паршина Ю.С.

Пирогова Е.В.

Адрес редакции:

141070, Королев,

Ул. Октябрьская, 10а

Тел. (495)543-34-31

e-mail: sgtjournal@mail.ru

www.sgtjournal.ru

25.04.2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

Д.В. АКОПЯН
МОЛОДЁЖНАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ.....3

А.В.ГЕРМАНОВА
ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА СБЕРЕГАТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН.....9

Т.Ю. КИРИЛИНА, М.А. ТКАЛИЧ, С.В. ЮРИНА
РЕКЛАМА КАК МЕХАНИЗМ ПРЕВРАЩЕНИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ В НОВЫЙ ТИП СОЦИАЛИЗАЦИИ.....15

А.И. КРАВЧЕНКО
ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА К. ПАЖИТНОВА.....21

К.В. ЛАПШИНОВА, А.В. ПАНЯВИН
ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ПАТТЕРНЫ ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....26

М.А. ТКАЛИЧ
ПЛАНИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПРЕДПРИЯТИЯ.....32

ПСИХОЛОГИЯ

Н.И. БАСМАНОВА, М.В. КАПРАНОВА
КОНЦЕПЦИЯ РАЗРАБОТКИ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО РЕЗЕРВА.....37

Ю.С. БЛИНОВА, Д.В. ЛАСТОВЕНКО, Т.В. ТОЧИЛИНА
К ВОПРОСУ О ПРОФИЛАКТИКЕ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ.....43

Ю.Н. КАЗАКОВ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ САМООЗДОРОВЛЕНИЯ.....48

Ю.Ю. КАЗАКОВА, Ю.Н. КАЗАКОВ
САНАПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ВОЛЕВОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ РИСКАМ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ.....58

И.Л. ПЛАСТУН, А.А. ЗАХАРОВ, Н.А. ЕРЕМИН
АВТОМАТИЗИРОВАННАЯ СИСТЕМА ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО ДИНАМИКЕ РЕЧЕВОГО СИГНАЛА.....74

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Кирилина Татьяна Юрьевна,
доктор соц.н., доцент, заведующий кафедрой
гуманитарных и социальных дисциплин
«МГОТУ»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Басманова Нина Ивановна, к.псих.н.доцент
Бузмакова Тамара Ивановна, к.пед.н., до-
цент
Гайдабрус Наталья Викторовна, к.фс.н.
Долгорукова Ирина Владимировна, д.соц.н.,
доцент
Казаков Юрий Николаевич, д. мед.
н., профессор
Капранова Марина Валерьевна, к.псих.н.
Ковалев Вячеслав Григорьевич, к.пед.н.
Красикова Тамара Ивановна, к. филол. н.,
профессор
Лапшинова Кира Викторовна, к.соц.н.
Ларионов Алексей Эдиславович, к.и.н.
Магомедов Керем Османович,
д.соц.н., профессор
Морозюк Светлана Николаевна, д.псих.н.,
доцент
Морозюк Юрий Витальевич, д.псих.н, про-
фессор
Романов Петр Сергеевич, д. пед.н., доцент
Старцева Татьяна Евгеньевна, д.пед.н.,
профессор
Флоря Василий Михайлович, д.соц.н., про-
фессор

ПЕДАГОГИКА

Н.Г. ЖАРКИХ, С.С. КОСТЫРЯ
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ВОПРОСУ ПРОФЕССИО-
НАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИ-
ЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ.....79

Т.В. УРАЖОК
ВТОРИЧНЫЙ АНАЛИЗ ДАННЫХ МОНИТОРИНГА ЭФФЕК-
ТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБ-
РАЗОВАНИЯ.....89

УДК 323.2

МОЛОДЕЖНАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ

Д.В. Акопян, аспирант направления подготовки «Экономика»
Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего образования «Государственный университет управления», Москва

В данной статье рассматривается молодежная кадровая политика с точки зрения политики Правительства Москвы. Статья посвящена теоретико-прикладному анализу этапов молодежной политики и ее структурных элементов, которые в исследовании нашли свое отражение с точки зрения теоретического определения категориального аппарата и прикладного выражения в условиях современных общественных и государственно-политических процессов в России.

Молодежная политика, этапы молодежной политики, аспекты молодежной политики, молодежная политика занятости, минимизации безработицы, рыночная экономика, профессиональная подготовка, биржа труда.

YOUTH PERSONNEL POLICY OF THE MOSCOW GOVERNMENT

D.V. Akopyan, post-graduate student in «Economics»
Federal State Educational Institution of Higher Education
«State University of Management», Moscow

This article considers the youth personnel policy from the point of view of the policy of the Moscow Government. The article is devoted to theoretical and applied analysis phases of youth policy and its structural elements, which in the study are reflected in terms of the theoretical definition of categorical apparatus and application of expression in contemporary social and public-political processes in Russia.

Youth policy, the stages of youth policy, aspects of youth policy, youth employment policy, minimizing unemployment, market economy, vocational training, labor exchange.

В современной России социология молодёжи стала не только неотъемлемой частью междисциплинарных социологических исследований, но и важным направлением государственной политики. Связано это, прежде всего, с существованием явных отличий молодёжи от других социально-демографических групп, а также наметившимся устареванием управленческого аппарата государственных организаций, что приводит к отсутствию взаимопонимания между молодыми людьми и представителями старшего поколения. Молодое поколение серьезно отличается от более взрослого населения страны в первую очередь тем, что его представители родились и воспитывались в иных условиях, а следовательно, обладают другими ценностными ориентациями и установками [6-9; 18].

Однако именно молодёжь является драйвером развития общественной инфраструктуры и позитивных изменений во всех отраслях экономики и народного хозяйства.

Изучение молодёжи как социальной группы ставит перед государством и исследователями необходимость анализа поведенческих особенностей и уделения особого внимания вопросам качества жизни, детства, семьи, воспитания. Этот вопрос актуален, потому что, во-первых, государство должно быть заинтересовано в улучшении жизни своих граждан; во-вторых, в условиях глобализации и явно прослеживающейся антироссийской политики западных стран существует высокий риск потери национальной идентичности и деградации человеческого капитала.

Люди – основа конкурентоспособности любого государства в эпоху экономики знаний. Именно человеческий капитал, а не природные ресурсы или производственные комплексы, определяют успехи стран в экономическом, политическом, социальном и других направлениях. И от того, насколько активно государство вкладывается в молодёжь, изучает её потребности и проблемы, разрабатывает федеральные и региональные программы поддержки, зависит политическая и социальная стабильность.

Одним из определяющих факторов политического развития, обеспечения положительной динамики социальных и экономических преобразований выступает молодежная кадровая политика, которая способствует политической социализации молодого поколения, институционализации политической деятельности молодежи, воспитанию и образованию молодых людей. Эффективные механизмы молодежной кадровой политики способны реализовывать важные общественные задачи формирования и реализации демократического политического процесса, влиять на осуществление потенциала молодежи, с точки зрения участия в избирательных кампаниях, выдвижение молодых политических лидеров, общественной активности в публичной политике.

Исследование механизмов молодежной кадровой политики России, анализ эволюции и определение тенденций ее развития выступают актуальным направлением современных социологических и политологических исследований, что обусловлено демократизацией взаимодействия власти и общества, реформами в социальной и экономической сферах [11, с. 45].

Эффективная кадровая политика государства в целом и в государственном управлении в частности – это залог успешного развития любого государства, один из факторов достижения положительных результатов реформ. Только хорошо подготовленные кадры, владеющие современными знаниями, умениями и навыками управления, способны обеспечить воплощение нововведений, достичь поставленных целей, работать над формированием эффективной системы государственного управления, решать насущные проблемы, стоящие перед обществом.

Развитие демократии и введение подходов концепции «надлежащего управления» в систему государственного управления привели к пересмотру роли и функций государственных служащих, изменению философии в исполнении профессиональных обязанностей. В современных условиях значительно возросли требования к персоналу в системе государственного управления, перед государственными служащими ставятся новые задачи и соответственно критерии оценки их работы.

Развитие персонала на государственной службе, составляющими которого является обучение, повышение квалификации государственных служащих, внедрение новых форм и технологий управления кадрами становятся одними из приоритетных направлений модернизации системы государственного управления в России.

Отечественные ученые и практики отмечают существование ряда кризисных явлений в системе работы с кадрами на государственной службе в России. Исследуя государственную кадровую политику, следует учитывать, что среди ученых не существует единого подхода к трактовке данного понятия. Традиционным является определение государственной кадровой политики как целенаправленной, рассчитанной на длительный период стратегическую деятельности государства по формированию, сохранению, укреплению, развитию и рациональному использованию человеческих, трудовых, кадровых ресурсов страны, определению для достижения этой цели долгосрочных целей социально-экономических и политических задач, конкретных мер по идеологического, программного и ресурсного обеспечения главных предпосылок для реализации национальных интересов в контексте построения демократического, правового, социального государства с рыночной экономикой [10].

Основными компонентами молодежной кадровой политики является:

- цели, ближайшие и долгосрочные задачи;
- приоритеты и важнейшие направления кадровой деятельности государства;
- субъекты, объекты и характер их взаимодействия;
- принципы и механизмы реализации; система работы с кадрами;
- технологии профессионального развития персонала государственной службы.

Основой для формирования эффективной молодежной кадровой политики, в частности в государственном управлении, является правовая база, соответствующая современным мировым требованиям и базирующаяся на новейших подходах. Ведь соответствующие нормативные акты закрепляют приоритеты, цели развития и использования кадровых ресурсов государства, определяют принципы, формы и механизмы работы с кадрами [2, с. 345].

Таким образом, в последние годы произошла переоценка роли кадровой политики в налаживании эффективного функционирования различных сфер общественной жизни. Осознание ряда кризисных явлений в формировании кадрового потенциала страны, возникших вследствие отсутствия системных действий по стороны государства, способствовало изменению подходов к формированию и реализации кадровой политики.

По нашему мнению, анализ этапов и элементов молодежной политики следует осуществлять, опираясь на определение понятия «молодежная политика». Аккумулируя концептуальные подходы к пониманию данного понятия, следует отметить, что исследованию молодежной кадровой политики в современном российском обществе уделяют внимание не только законодатели, но и общественные деятели, историки, философы, политологи, педагоги, социологи, экономисты, психологи и правоведы [13]. В круг их научных интересов входят различные аспекты молодежной кадровой политики: политическая и социальная активность молодежи, ее социальное «самочувствие» и социальный образ, проблемы личностного роста и развития потенциала, адаптация молодежи к условиям проживания в российском обществе, развитие соответствующих молодежных и связанных с молодежью институтов гражданского общества [12].

Анализ научных источников позволяет отметить преемственность разных поколений исследователей молодежной политики, междисциплинарные связи в исследованиях, поиск новых путей решения проблем теории и практики понятие «молодежная политика» в выработке конкретных рекомендаций по формированию и реализации отдельных аспектов молодежной политики [3, с. 255].

Не останавливаясь более подробно на анализе научных подходов к определению понятия «молодежная политика» возьмем за отправную точку нашего исследования следующее определение данного понятия в рамках социологического подхода: молодежная кадровая политика – это направление действий государства, по регулированию социальных явлений среди молодежи с целью управления социальными взаимоотношениями и распределением социальных ресурсов в данной сфере, а также система специальных программ или мероприятий для обеспечения благосостояния, повышение уровня и качества жизни молодежи [14, с. 209].

Считаем, что такое определение молодежной политики также охватывает деятельность и негосударственных учреждений – субъектов молодежной политики, все же действуют в рамках правового поля государства, в свою очередь основывается на социальных нормах общества. Как любой вид социальной политики молодежная кадровая политика имеет свои этапы.

А. Л. Иванова отмечает, что «процесс выработки политики состоит из пяти взаимосвязанных этапов, которые могут быть значительно оторваны друг от друга во времени, а именно:

- 1) этап определения проблемы (проблема формируется, определяется ее суть, актуальность, и проблема принимается как таковая, не может быть решена в существующих условиях)
- 2) этап намерений (выясняются различные идеи по решению проблемы, определяются альтернативные предложения)
- 3) этап решения (выбор и утверждение одной из предложенных предложений полномочным органом)
- 4) этап планирования и внедрения (определяется механизм выполнения принятого варианта)
- 5) этап оценки реализации политики (контроль за фактическим ходом действий, текущая оценка результатов воздействия, определение необходимых изменений)». По нашему мнению в продолжение к указанному, следующими этапами молодежной кадровой политика являются:
 - 6) этап внесения изменений на основе определенных на этапе оценки реализации политики недостатков реализации молодежной политики;
 - 7) этап оценки окончательных результатов определенного направления молодежной политики;
 - 8) этап определения новых направлений развития молодежной политики, на основе ранее достигнутых результатов [19, с. 650].

В теории государства и права к элементам политики относятся: политические нормы и принципы; субъекты и объекты политической системы, политические отношения (политические функции, политических процесс и режим), политическую культуру (политическое сознание, идеология, психика), политическую деятельность [16].

Сочетание элементов политики составляют систему ее основных аспектов:

- 1) институциональный (организации, учреждения);
- 2) регулятивный (нормы и принципы);
- 3) функциональный (политические функции, политический процесс и режим);
- 4) идеологический (политические взгляды, политическое сознание и культура);
- 5) коммуникативный (связи, объединяющие указанные компоненты политической системы) [5, с. 258].

На основе анализа элементов политики как социально-государственного явления, можно выделить следующие элементы молодежной политики:

1. Институциональный аспект молодежной политики – это система субъектов молодежной политической системы в их взаимодействии:

а) государство, как субъект молодежной политики реализует свои функции через систему соответствующих государственных институтов;

б) общество, как субъект молодежной политики реализует свои функции через систему соответствующих самоуправляющихся институтов;

в) политические организации – совокупность государственных и негосударственных институтов, выражающих интересы молодого человека, молодежных групп и приоритетные направления развития общества путем поддержки «молодой» его части;

г) общественные объединения, как субъект молодежной политики.

В сфере молодежной политики статус молодежи как объекта-субъекта закреплено в Стратегии развития молодежной кадровой политики до 2020 года, где «молодежь признается не только объектом, но и активным субъектом молодежной кадровой политика, который предлагает собственные пути решения молодежных проблем и может действенно влиять на ключевых субъектов политики в центре и на местах» [2, с. 213].

Следует отметить, что мы не согласны с мнением указанных ученых и соответствующих законодателей, ведь молодежь в молодежной политике должна иметь статус «субъекта – активного участника отношений в сфере молодежной политики». Такова наша позиция основывается на определении объекта, как философской и правовой категории. В частности, объект с латинского «objectum» переводится, как предмет.

А в соответствии с положениями философской науки объект – это:

– конкретная вещь, явление или процесс, к которой стремится познавательная активность субъекта;

– то, на что направлена познавательная и преобразовательная деятельность человека (субъекта);

– то, что противостоит субъекту в его предметно-практической и познавательной деятельности [4, с. 602].

Объект не просто идентичен объективной реальности, но и выступает ее частью, которая находится во взаимодействии с субъектом. С точки зрения права объект правоотношений – это материальные и нематериальные блага, по поводу которых субъекты правоотношений вступают между собой в определенные правовые отношения. Таким образом, учитывая вышесказанное, мы считаем, что объектом молодежной политики выступают общественные отношения, процессы и явления, которые связаны с жизнеобеспечением, развитием, социальным, профессиональным, экономическим и политическим становлением молодежи, а молодежь должна приобрести статус «субъекта молодежной политики».

2. Регулятивный аспект молодежной политики раскрывается через соответствующие политические нормы и принципы:

1) правовые нормы – правила регулирования отношений в сфере молодежной политики, закрепленных в нормативно-правовых актах;

2) корпоративные нормы – правила поведения, которые закреплены в уставах молодежных общественных организаций, политических партий и организаций, занимающихся вопросами молодежи;

3) политические традиции и обычаи – это правила поведения в сфере политики, которые имеют характер преемственности, повторяемости, относительной устойчивости и эмоциональности, тесную связь с «жизнью» государства;

4) политические принципы – социально-политические и организационные политические принципы;

5) моральные нормы политической жизни – это требования общества, регулирующих поведение политиков через систему общих нравственных предписаний и запретов [15].

Следует отметить, что на данный момент в российской политике в целом, и молодежной политики в частности, преобладает утилитаристская концепция морали.

Итак, молодежная политика в России имеет, свои взаимосвязанные и взаимообусловленные этапы формирования и развития:

– определения проблемы;

– намерений;

– решения;

– планирования и внедрения;

– оценки реализации политики.

Определении этапа мы предлагаем дополнить следующими: этап внесения изменений на основе определенных на этапе оценки реализации политики недостатков реализации молодежной политики; этап оценки окончательных результатов определенного направления молодежной политики; этап определения новых направлений развития молодежной политики на основе ранее достигнутых результатов.

Научная правовая и политологическая теория к элементам политики относит:

– политические нормы и принципы;
– субъекты и объекты политической системы, политические отношения (политические функции, политических процесс и режим), политическую культуру (политическое сознание, идеология, психика), политическую деятельность.

Совокупность данных элементов составляют систему основных аспектов молодежной политики:

- 1) институциональный (организации, учреждения);
- 2) регулятивный (нормы и принципы);
- 3) функциональный (политические функции, политический процесс и режим);
- 4) идеологический (политические взгляды, политическое сознание и культура);
- 5) коммуникативный (связи, объединяющие указанные компоненты политической системы).

Литература

1. Бажин И. Система образовательных программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации государственных служащих. / *Власть* // М.: Государственная служба. 2015. выпуск 2. №10. 345 с.
2. Василенко И.А. Административно-государственное управление в странах запада: США, Великобритания, Франция, Германия // М.: Дашков и К. 2016. 213 с.
3. Волгин Н.А. Японский опыт решения экономических и социально-трудовых проблем // М.: Экономика. 2016. 255 с.
4. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество // М.: АСТ. Транзиткнига, 2014. 602 с.
5. Журавлев С.И. Правовые аспекты кадровой политики в процессе подготовки специалистов для федеральных органов государственной власти // С-Пб.: Право и образование. 2015. № 4. 258 с.
6. Кирилина Т.Ю. Исследование представлений современной российской молодежи о будущем и об общественном идеале. В сборнике: Россия в системе современной социальной реальности. Материалы выступлений участников V Всероссийского социологического конгресса: сборник. Ответственные редакторы-составители: Д.К. Танатова, Т.Н. Юдина. 2017. С. 221-223.
7. Кирилина Т.Ю. Общественный идеал и модели будущего в сознании современной российской молодежи // *Социальная политика и социология*. 2016. Т. 15. № 3 (116). С. 80-89.
8. Кирилина Т.Ю., Лапшинова К.В., Татарова С.Ю. Цивилизационное развитие России в оценках современной студенческой молодежи // *В мире научных открытий*. 2015. № 9.3 (69). С. 1070-1079
9. Кирилина Т.Ю., Омельницкая Н.В. Динамика ценностных ориентаций российской молодежи: преемственность и новаторство. В сборнике: Девятые Ковалевские чтения. Социология и социологическое образование в России (к 25-летию социологического образования в России и Санкт-Петербургском государственном университете). 2014. С. 1195-1197.
10. Клименко А.В. Механизмы нового государственного управления и модернизированной бюрократии в концепции административной реформы // *Чиновник*. 2015. №5.
11. Лобанов В. В. Служба высших руководителей в США // *Государство и право*. 2017. №. 6. 45 с.
12. Лобанов В.В. Модернизация государственного управления: проблемы и решения // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2016. № 2. 345 с.
13. Лытов Б. Госслужба. Кадровая политика. Зарубежный опыт. / *Власть* // М.: 2015. Вып.2.
14. Марголин А.М. Мировой опыт государственного управления. // *Государственная служба*. 2016. №1. 209 с.
15. Маркин В., Кижеватова В. Стратегии регулирования социально-трудового потенциала Российского общества // *Власть*. 2017. №4.
16. Нелюбина Е. В. Правосознание, правовая культура и социальные права человека: взаимосвязь и взаимообусловленность // *Право и политика*. 2017. № 7.
17. Оболонский А.В. Государственная служба Российской Федерации // М.: 2014. 411 с.

18. Плющ А.Н., Кирилина Т.Ю., Петрунько О.В. Представления о собственном будущем студентов России и Украины // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 2. С. 294-303.
19. Щукина Т.В. Кадровая политика гражданской службы субъектов, концептуальные подходы и регулирование : монография / Т.В. Щукина // Воронеж: ИПЦ «Научная книга». 2017. 650 с.

УДК 316

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА СБЕРЕГАТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН

А.В. Германова, магистрант 1 курса,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области «Технологический университет» («МГОТУ»),
г. Королёв, Московская область

В статье рассмотрены особенности сберегательного поведения современных россиян в зависимости от социально-демографических характеристик. Приведены результаты коллективного социологического исследования. Выявлены негативные тенденции в сберегательном поведении современных россиян.

Экономическое поведение, сберегательное поведение, социально-демографические факторы.

IMPACT OF SOCIAL AND DEMOGRAPHIC FACTORS ON THE SAVING BEHAVIOR OF MODERN RUSSIANS

A.V. Germanova, graduate student of the 1st year
State Educational Institution of
Higher Education Moscow Region «University of Technology»,
Korolev, Moscow region

The article deals with the problem of saving behavior of modern Russians depending on social and demographic characteristics. Results of collective social research are given. Negative tendencies are revealed in saving behavior of modern Russians.

Economic behavior, saving behavior, social and demographic factors.

Система традиций и социальных норм экономического поведения является продуктом эволюции человеческой цивилизации. Актуальность данного исследования обусловлена значимостью экономического поведения в жизни современного постиндустриального общества. Как пишет социолог Ж.Т. Тощенко: «Современный этап развития экономической жизни наглядно демонстрирует необходимость учета всего того, что связано с устремлениями, желаниями, ценностями и ориентациями людей» [9, с. 109]. В настоящее время экономическое поведение становится одним из главных объектов социологического исследования [4-6; 8].

Социально-экономические реформы последних десятилетий привели к трансформации социальных и экономических отношений, в том числе к изменению паттернов различных видов экономического поведения.

На сегодняшний день нет единой точки зрения на содержание и определение понятия «экономическое поведение». Экономическое поведение представляет собой сложное системное явление, в котором объединяются экономические, социологические, психологические, культурные и прочие компоненты. В самом общем виде под экономическим поведением населения обычно понимается некий рациональный выбор из возможных альтернатив с целью минимизации издержек и получения максимальной выгоды, используемый населением в качестве механизма адаптации к изменяющейся внешней среде [7, с. 117]. Экономическое поведение населения можно также определить, как «форму экономической активности людей в сфере производства, распределения, обмена и потребления различных благ и услуг, которые осуществляются с целью удовлетворения их потребностей и максимизации полезности (вознаграждения)» [2, с. 256].

Экономическое поведение может быть рассмотрено как субъективная сторона экономической деятельности. Т.е. как некая совокупность поступков и действий, отражающих внутреннее отношение участников экономической жизни к условиям, содержанию и результатам экономической деятельности [10, с. 20].

В реальной жизни человек как субъект экономических отношений проявляет экономическую актив-

ность в рамках тех производственных и распределительных отношений, которые сложились в обществе. Такие отношения задают «правила игры», различные для той или иной сферы деятельности. При этом индивид выбирает наиболее приемлемую для него модель экономического поведения из достаточно ограниченного числа возможностей. Взвешивая выгоды (плюсы) и издержки (минусы) каждого из имеющихся вариантов экономической активности (связанной с добыванием, распределением, обменом и потреблением различных благ), оценивая свои потенциальные (предполагаемые) и реальные (осуществимые) возможности, актор экономического взаимодействия совершает свой экономический выбор. Выявление содержательно близких алгоритмов поведения, которые используются различными субъектами в однотипных экономических ситуациях, позволяет говорить о сформированном типе экономического поведения, а тех, кто его использует, рассматривать как группу носителей данного типа экономического поведения [11].

Существуют различные классификации типов и стратегий экономического поведения по различным основаниям. А.М. Сергиенко предлагает следующую классификацию экономического поведения, дифференцировав его по направлениям использования доходов на:

- 1) потребительское поведение, такое поведение направлено на использование доходов для приобретения экономических благ;
- 2) сберегательное поведение, такое поведение направлено на сохранение доходов и не использование их для приобретения благ;
- 3) инвестиционное поведение, такое поведение характеризуется превращением денег в активы для извлечения будущих доходов [3, с. 141-147].

На экономическое поведение оказывают влияние как объективные факторы (экономическое положение в стране, рыночная конъюнктура и др.), так и субъективные (пол, возраст, образование и т.д.). Помимо этого, экономическое поведение всегда погружено в определенный социокультурный и исторический контекст.

Изучение влияния субъективных (социокультурных и социально-демографических) факторов на экономическое поведение приобретает особую актуальность в современных маркетинговых и рекламных исследованиях, зачастую направленных на выявление потребительских предпочтений определенных общественных страт и когорт.

Сберегательное поведение является одним из самых распространенных видов финансового поведения. Сберегательное поведение можно охарактеризовать как «деятельность людей по формированию и использованию сбережений. Такой вид поведения связан, прежде всего, с распоряжением денежными средствами, находящимися за рамками текущего потребления индивида, и не обязательно ограничено накоплением денежных средств, предназначенных для будущего потребления, оно может быть реализовано в виде накопления ценных бумаг, приобретения недвижимости, вложений в инвестиционные фонды и др.» [1, с. 108].

С целью изучения экономического поведения современных россиян в рамках деятельности Учебно-научной лаборатории социологических исследований ГБОУ ВО МО «Технологический университет» в 2017 году было проведено социологическое исследование, проходившее в форме анкетирования с участием 200 респондентов в возрасте от 18 до 75 лет. Одной из задач исследования было изучение специфики сберегательного поведения граждан РФ. В ходе проведенного исследования было проанализировано влияние социально-демографических факторов на данный тип поведения.

Согласно результатам исследования на сегодняшний день две пятых респондентов (41,36%) оценивают настоящее время как плохое для вложения финансовых средств. Женщины в меньшей степени склонны давать конкретные (положительные или отрицательные оценки) и чаще испытывают затруднения (40,2%) по сравнению с мужчинами (26,6%). Среди тех, кто дал негативную оценку, мужчин оказалось чуть больше (43,8%), чем женщин (40,2). В то же время, среди тех, кто дал положительную оценку, мужчин оказалось значительно больше (29,7%), чем женщин (19,6%) (рис. 1). Представители молодого поколения склонны к положительным оценкам (28,8%), в то время как люди в возрасте старше 30 лет чаще дают негативную оценку идее вложения средств в наши дни. Те, кто идентифицируют себя с необеспеченными людьми, в большей степени считают, что сейчас хорошее время для финансовых вложений, чем люди из обеспеченной группы (27,8% и 19,1% соответственно). И, наоборот, среди тех, кто оценивает настоящее время как плохое, оказалось больше материально обеспеченных представителей – 48,5%, чем необеспеченных – 37,8%.

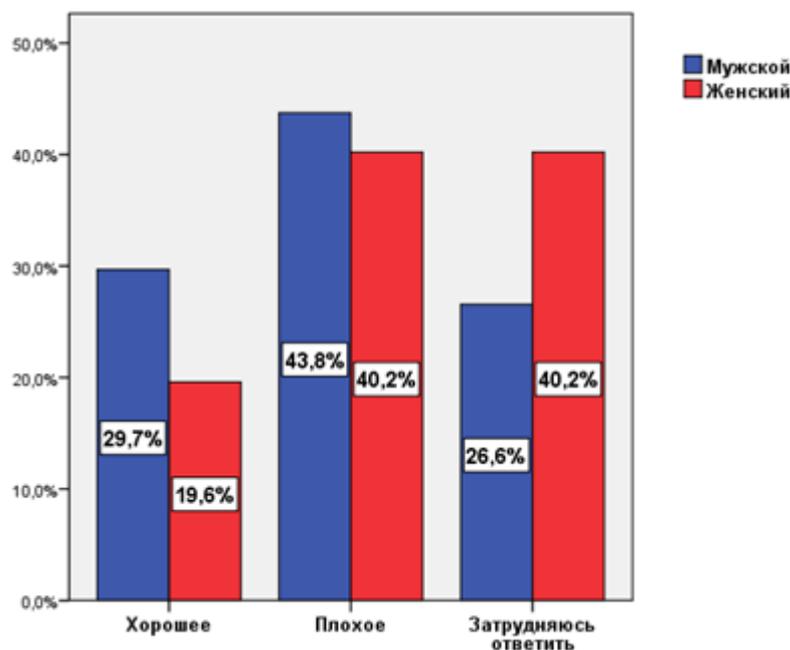

Рисунок 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос: Как Вы думаете, сейчас хорошее или плохое время для того, чтобы делать вложения финансовых средств? (в % от числа опрошенных по полу)

По мнению респондентов, в настоящее время самыми надёжными способами вложения средств являются: покупка недвижимости (66,7%); открытие рублёвого вклада в государственном банке России (31,5%); вложение средств в образование (26,7%); покупка дорогих вещей (23,0%); вложение средств в развитие собственного дела (17,6%); открытие валютного вклада в государственном банке России (17,0%); а также хранение иностранной валюты дома (15,8%). Остальные способы вложения выбрало менее 15% участников настоящего опроса. Женщины считают наиболее надёжными способами следующие:

- открытие счета (вклада) в рублях в российском коммерческом банке;
- открытие счета (вклада) в иностранной валюте в российском коммерческом банке;
- открытие счета (вклада) в иностранном банке;
- вложение средств в собственное образование или образование членов семьи.

Мужчины предпочитают такие способы как:

- открытие счета (вклада) в иностранной валюте в российском государственном банке;
- открытие счета (вклада) в золотых слитках, драгоценных металлах;
- покупка драгоценностей, ювелирных украшений, антиквариата;
- покупка дорогих вещей;
- покупка недвижимости;
- хранение иностранной валюты дома.

Возраст так же влияет на оценку надёжности тех или иных способов вложения средств. Молодые люди в возрасте до 30 лет больше, чем представители старшего возраста, считают надёжными такие способы как: открытие счета (вклада) в рублях в российском государственном банке (36,3%); покупка драгоценностей, ювелирных украшений, антиквариата (18,8%); хранение иностранной валюты дома (20,0%); покупка акций, облигаций и других ценных бумаг (12,5%); вложение средств в развитие собственного дела (21,3%); вложение средств в собственное образование или образование членов семьи (30,0%). Респонденты старше 30 лет (6,4%) отдают большее предпочтение открытию счета (вклада) в рублях в российском коммерческом банке, по сравнению с молодёжью. В остальном, представители данных возрастных групп солидарны.

Ответы на вопрос о надёжности способов вложения средств практически не отличаются у обеспеченных и необеспеченных людей. За исключением отношения к хранению иностранной валюты дома, обеспеченные граждане (24,3%) в большей степени считают этот способ надёжным, чем необеспеченные (8,8%).

При этом респонденты наиболее часто используют в повседневной жизни следующие способы вложения средств: хранение наличных российских денег дома – 37,2%; открытие счета (вклада) в рублях в российском государственном банке – 32,3%; вложение средств в собственное образование или образование членов семьи – 20,7%. Остальные способы пользуются меньшей популярностью среди участников опроса.

Достаточно сильно отличаются сберегательные практики, применяемые представителями разных полов. Мужчины, чаще, чем женщины, используют следующие способы вложения средств:

- покупка дорогих вещей – 28,4%;
- покупка недвижимости – 19,4%;
- хранение наличных российских денег дома – 43,3%;
- хранение иностранной валюты дома – 20,9%.

Женщины, в свою очередь, чаще мужчины используют такие способы вложения средств как:

- открытие счета (вклада) в рублях в российском государственном банке – 36,5%;
- открытие счета (вклада) в рублях в российском коммерческом банке – 9,4%;
- покупка драгоценностей, ювелирных украшений, антиквариата – 8,3%;
- вложение средств в собственное образование или образование членов семьи – 26,0%;
- оформление страховки – 6,3%.

Сберегательные стратегии представителей разных поколений, в целом, идентичны. Сберегательное поведение необеспеченных и обеспеченных участников опроса так же практически не отличается.

Проанализируем ожидаемое и фактическое сберегательное поведение респондентов. Для этого сравним результаты ответов на вопросы о надёжности и используемых способах вложения средств. По оценкам самих респондентов наиболее надёжными способами были: покупка недвижимости (66,7%); открытие рублёвого вклада в государственном банке России (31,5%); вложение средств в образование (26,7%); покупка дорогих вещей (23,0%); вложение средств в развитие собственного дела (17,6%); открытие валютного вклада в государственном банке России (17,0%); а также хранение иностранной валюты дома (15,8%). При этом в рейтинг реально используемых способов вошли: хранение наличных российских денег дома – 37,2%; открытие счета (вклада) в рублях в российском государственном банке – 32,3%; вложение средств в собственное образование или образование членов семьи – 20,7%.

Стоит отметить, что основной сберегательной стратегией участников опроса является хранение средств дома в рублях – способ не очень-то надёжный. Таким образом, фактическое сберегательное поведение респондентов можно оценить, как неэффективное, нерациональное и даже рискованное.

Большинство респондентов (73,6%) заявляют, что в случае исчезновения всех источников дохода, их сбережений им хватило бы на период до 6 месяцев включительно. При этом сроки, названные участниками опроса, колеблются от нескольких дней до 3-х лет. Наиболее часто респонденты называли следующие: меньше месяца – 13,0%; 1 месяц – 24,4%; 2 месяца – 15,0% и 4 месяца – 11,4%, что свидетельствует о необеспеченности населения сбережениями.

В ходе исследования было установлено, что люди в возрасте младше 30 лет менее обеспечены сбережениями, чем люди старшего возраста. Сбережений на проживание сроком свыше 6 месяцев включительно хватит 10% молодёжи и 15% представителей старшего поколения. Такая же ситуация наблюдается среди необеспеченных (10%) и обеспеченных (14,5%) групп населения.

Так же в результате анализа удалось выяснить, что в подавляющем большинстве семей (80,86%) принято экономить деньги, в то время как отсутствие такой экономической установки наблюдается лишь у 12,96%. Существенных различий в ответах на данный вопрос между мужчинами и женщинами выявлено не было. В то же время, в молодёжных семьях (83,8%) и семьях необеспеченных (86,7%) граждан к экономии денег прибегают чаще, чем в семьях представителей старшего поколения (77,6%) и обеспеченных людей (72,1%) соответственно (рис. 2-3).

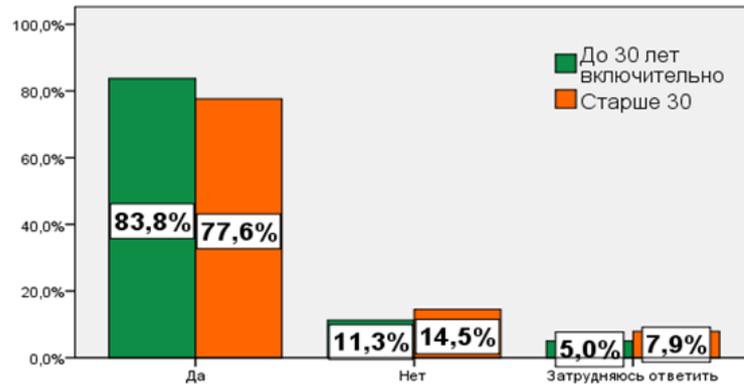

Рисунок 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос: Принято ли в Вашей семье экономить деньги? (в % от числа опрошенных в возрастных группах)

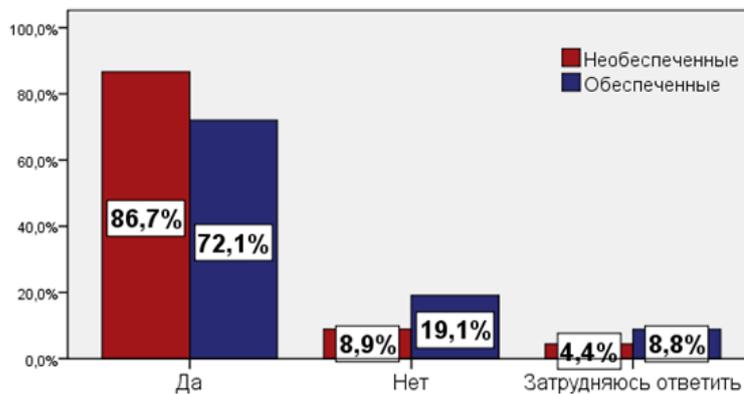

Рисунок 3 – Распределение ответов респондентов на вопрос: Принято ли в Вашей семье экономить деньги? (в % числа опрошенных в группах с различным уровнем материального положения)

Почти половина (48,8%) участников опроса сообщили, что им свойственно откладывать деньги «на чёрный день». Тем не менее, число тех, кто не имеет такой привычки, так же достаточно велико – 44,4%. Это свидетельствует о том, что, несмотря на то, что практически все люди экономят денежные средства, почти половина из них не имеют накоплений. Причём, откладывание средств «на чёрный день» в больше мере свойственно людям старшего возраста (55,3%), чем представителям молодёжи (43,8). Ответы представителей разного пола и материальных групп не имеют существенных отличий.

Таким образом, в ходе исследования были выявлены следующие негативные тенденции, сформировавшиеся в современном российском обществе:

1. Использование неэффективных, ненадёжных и рискованных сберегательных практик.
2. Низкая обеспеченность населения сбережениями (характеризующаяся их малым объёмом).
3. Отсутствие установки на накопление средств, несмотря на существующую установку к экономии.

Причинами формирования подобных тенденций могут являться экономическая безграмотность населения, недоверие к современной банковской системе, нестабильность экономической ситуации и вызванные этим предрассудки, а так же практически не изменяющийся уровень доходов населения при постоянном росте цен.

Литература

1. Алиева И.А., Финансовое поведение населения: теоретический аспект // Вестник КРСУ. 2016. Том. 16. № 2. С. 107-109.
2. Белехова Г.В., Определение категории «экономическое поведение населения» // Наука и современность. 2012. № 17. С. 253-258.
3. Кубякин Е.О., Еременко С.Л., Драгин В.А. Экономическое поведение россиян: концептуализация опре-

- деления // Чрезвычайные ситуации: промышленная и экологическая безопасность. 2014. № 3-4 (19-20). С. 141-147.
4. Лапшинова К.В., Ваденкова В.Н. Принципы распределения домашнего труда между супругами в современной городской семье // Социально-гуманитарные технологии. 2016. Т. 2. № 2. С. 31-43.
 5. Лапшинова К.В., Подольская А.А. Потребительское поведение современных россиян // Социально-гуманитарные технологии. 2016. Т. 2. № 2. С. 86-93/
 6. Лапшинова К.В., Чернышова А.Г. Экономическая грамотность россиян и их оценка экономической ситуации в стране // Вопросы региональной экономики. 2017. Т. 31. № 2. С. 46-53.
 7. Мигранова Л.А., Тореев В.Б., Ярашева А.В. Экономическое поведение: анализ и перспективы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 1 (31). С. 116-124.
 8. Социально-гуманитарное знание как ресурс формирования гражданского общества в России. Кирилина Т.Ю., Флоря В.М., Антоненко В.И и др. коллективная монография // ГБОУ ВО «Технологический университет». Королев. 2015.
 9. Тощенко Ж.Т. Социология: учебник / Ж.Т. Тощенко // М.: Юнити-Дана. 2012. 640 с.
 10. Ургалкин Ю.А., Бондарев С.И., Чеджемов Г.А. Экономическое поведение человека в условиях становления рыночной экономики в современной России. // Экономика и социология. 2014. № 24. С. 20-23.
 11. Шабунова А.А. Экономическое поведение населения: теоретические аспекты. // Электронная библиотека ModernLib.Ru. <http://modernlib.ru> (дата обращения: 16.02.2018 г.).

УДК 316.77

РЕКЛАМА КАК МЕХАНИЗМ ПРЕВРАЩЕНИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ В НОВЫЙ ТИП СОЦИАЛИЗАЦИИ

Т.Ю. Кирилина, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин,

М.А. Ткалич, аспирантка третьего года обучения направления подготовки «Социология», Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет» («МГОТУ»), г. Королёв, Россия

С.В. Юрина, заведующий сектором обеспечения деятельности диссертационных советов, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный социальный университет», г. Москва

Настоящая статья посвящена анализу рекламы как механизма превращения потребления в новый тип социализации. Авторы отмечают, что в обществе потребления на смену человеку экономическому приходит человек потребляющий. Потребление практически утратило связь с удовлетворением физиологических потребностей человека и превратилось в процесс создания и поддержания человеком своей идентичности.

В статье делается вывод, что реклама в общественном сознании трансформирует восприятие социальной мобильности, переводя эту проблему из области материального производства в сферу потребления.

Общество потребления, потребительство, социология потребления, реклама, стиль жизни, демонстративное потребление, престижное потребление.

ADVERTISING AS A MECHANISM OF TRANSFORMATION OF CONSUMPTION INTO A NEW TYPE OF SOCIALIZATION

T.Yu Kirilina, Doctor of sociological sciences, the Head of the Department of Humanities and social Sciences,

M.A. Tkalic, graduate student third year of «Sociology», State Educational Institution of Higher Education of Moscow Region «University of Technology»,

S.V. Iurina, head of the sector to ensure the activities of dissertation councils, Federal State Educational Institution of Higher Education «Russian State Social University», Moscow

This article is devoted to the analysis of advertising as a mechanism of transformation of consumption into a new type of socialization. The authors notes the economic person is replaced by the consuming person in the society of consumption. Consumption has almost lost touch with the satisfaction of human physiological needs and has become a process of creating and maintaining human identity.

The article concludes advertising transforms the perception of social mobility in the public consciousness, translating this problem from the field of material production into the sphere of consumption.

The society of consumption, consumerism, sociology of consumption, advertising, lifestyle, conspicuous consumption, conspicuous consumption.

Многие исследователи отмечают, что современное общество активно формирует у людей желание играть роль потребителей [1]. Обществом потребления является совокупность общественных отношений, в которых центральное место занимает индивидуальное потребление, опосредованное рынком. В любом типе общества потребление индивидов составляет базис наряду с производством. Но на определенной стадии общественного развития именно индивидуальное потребление становится основным фактором экономического развития [3].

По мнению ряда исследователей, общество потребления возникло в Великобритании одновременно с промышленной революцией, которая привела к упрощению производства товаров и услуг и складыванию

потребительского рынка [4]. Новый этап развития общества потребления начинается после второй мировой войны. Важным условием стало достижение такого уровня оплаты труда значительных групп служащих и квалифицированных промышленных рабочих, который позволял не только полностью покрывать расходы на товары первой необходимости (пищу, одежду, жилище, транспорт, учебу), но давал возможность приобретать товары и услуги, не обусловленные базовыми потребностями.

Характерные черты этого этапа общественного развития отражены в западных концепциях Дж. Катона, У. Ростоу, Ж. Фурастье, Р. Арон, Дж. Гэлбрейт, Р. Рюйе, возникших в 1950-1960-е гг.

Изучение потребления в социологии длительное время не занимало ведущих позиций. В эмпирических исследованиях преобладала проблематика распределения благ как обратной стороны общественного производства.

В середине в 1970-х гг, в период перехода западного общества к постмодерну, произошли серьезные изменения в характере потребления и его общественных функциях. Это привело к возникновению новой отрасли социологического знания – социологии потребления, изучающей осознанную деятельность людей по созданию собственной идентичности посредством потребления. Социологи обратили своё внимание не просто на распределение благ, а на осмысленную деятельность в сфере потребления. В основу такого исследования была положена «понимающая социология» М. Вебера, который трактовал социологию как науку, стремящуюся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым казуально объяснить его процесс. По мнению немецкого ученого социология исследует не любое действие, а исключительно социальное, т.е. такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действиями других людей и ориентируется на него [7].

Интерес социологии к первоначально экономической категории «потребление» обнаруживается в изучении таких его сторон как культура потребления в условиях конкретного образа жизни; стандарты потребления; мода; характер социальных отношений, воспроизводящихся и развивающихся в процессе потребления материальных, духовных и социальных благ, образующих благосостояние.

Согласно индивидуалистической традиции в центре внимания оказался потребляющий человек, который видит себя в «зеркальном Я», т.е. глазами других людей. Потребляя, он презентует себя окружающим людям, принимает участие в спектаклях повседневности. Такой взгляд на социологию потребления тесно связан с символическим интеракционизмом и, особенно с драматургическим подходом Ирвина Гофмана.

Работы И. Гоффмана оказали заметное влияние на крупного современного теоретика потребления Пьера Бурдьё. Главной его работой, посвященной этой проблеме, является «Отличия: социальная критика суждений о вкусе» [6]. В понимании П. Бурдьё вкус лежит в основе системы отличительных признаков и преобразует объективно классифицированные практики. Вкус как особый стиль жизни является систематическим выражением условий существования того или иного класса. Такая система классификации является важным принципом адаптации практик к закономерностям, свойственным определенному положению. Данный принцип постоянно трансформирует потребности в стратегии, а ограничения – в предпочтения и формирует совокупность «выборов», создающих стили жизни. Именно вкус к необходимому или вкус к роскоши, а не уровень дохода, определяет практики, объективно приспособленные к существующим ресурсам [6].

Авторы подчеркивают, в постсовременном обществе все более важной становится символическая функция потребления. М. Фезерстоун, Ж. Бодрийяр, Д. Лион, С. Майлз, Дж. Ритцер, раскрывая характер потребления в постсовременных обществах, отмечают, что потребление трансформируется в часть более обширного символического обмена, в котором участвуют все члены общества.

В западной социологии культуры внимание также фокусируется на символической природе потребления. Подчеркивается роль потребления для формирования, поддержания и выражения собственной идентичности и стиля жизни. Потребление рассматривается как сфера индивидуальной свободы. Так Дж. Ритцер применяет эту идею, анализируя новые средства потребления: гипермаркеты, рестораны быстрого питания, торгово-развлекательные центры, кредитные карты, приобретшие большую популярность в последней трети XX века [10].

По мнению американского социолога С. Майлза, потребление в западных странах превращается в один из способов конструирования человеком собственного «Я». Важнейшим мотивом потребления становится желание индивида самореализоваться и самоактуализоваться [12]. С. Майлз анализирует не просто потребление, а потребительство как определенный образ жизни, базирующийся на потреблении. Если потребление можно рассматривать как отношение индивида к вещи, то потребительство выступает системой

общественных отношений, возникающих по поводу вещей. Именно реклама вынуждает потребителей дорожить новым стилем, чтобы он из себя не представлял.

Неотъемлемой принадлежностью потребительского образа жизни стало посещение гигантских супермаркетов и торговых центров, которых соединились бесчисленные магазины, кинотеатры, бары, рестораны, аттракционы, залы игровых автоматов и пр. Их предназначение – быть местами проведения свободного времени, в том числе всей семьей. Торгово-развлекательные центры стараются построить свой особый мир – потребительский рай. Люди, становясь потребителями, привыкают ощущать себя лучше в такой приукрашенной рекламой реальности, чем в реальных ситуациях. Гипермаркеты вырабатывают представление о том, какой должна быть жизнь, активно навязывают потребительский образ жизни. С. Майлз делает вывод, что таким образом появляется новая форма социализации, устанавливаемая модой [12].

Современный торгово-развлекательный центр – пример всемирной неокультуры, где больше нет границ между магазином мясных деликатесов и картинной галереей, между гламурным журналом и научной литературой. Реклама возвещает: приятный «шопинг» в едином пространстве с кондиционированным воздухом – вот новое искусство жизни. В одном помещении можно купить продукты, одежду, обувь, товары для детей, все для обустройства квартиры и загородного дома, картины, экзотические растения, популярный роман и энциклопедии. Здесь же можно приобрести и разного рода услуги. Женщина занимается шопингом, в то время как ее муж и дети сидят в кино. После этого вся семья, не выходя из гипермаркета, идет обедать в кафе или ресторан. Магазины, кафе, рестораны, кино, искусственный каток, книжный магазин, салон красоты – все подобно калейдоскопу. Торгово-развлекательные центры играют новые роли. В отличие от прежних магазинов, в которых люди имели доступ только к повседневным потребительским товарам, в торгово-развлекательных центрах люди получили возможность символически приобщиться к привлекательному, успешному, праздничному образу жизни.

В торговом центре вовлечение человека в потребительские практики происходит благодаря искушающе-соблазняющему характеру рекламы. Реклама одновременно с приобретением продукта не только сулит получение удовольствия, но и вырабатывает потребность в этом удовольствии. Во-первых, одежда, выставленная на продажу в современных гипермаркетах, образует в витрине «коллекцию». Холодильник, стиральная машина, кофе-машина, посудомоечная машина имеют общий смысл и составляют единую группу. Реклама, производитель, бренд и витрина становятся почти нераздельной целостностью. Они стремятся вызвать в потребителе цепкую реакцию. В торгово-развлекательных центрах потребительский соблазн начинает вытеснять распространенную прежде репрессию. Повиновение стандартам начинает достигаться с помощью искушения и соблазна, а не посредством принуждения. Оно выражается в образе осуществления свободной воли, а не обнаруживается в форме внешней силы [2, с. 94]. Истинна или мнима свобода, основанная на потребительском выборе? – задается вопросом З. Бауман. Такая свобода не может существовать без поставляемых рынком товаров и вещей [2].

В свою очередь Ж. Бодрийяр рассматривает потребление прежде всего как потребление знаков и символов, выражающих набор смыслов. Потребление практически утратило связь с удовлетворением физиологических потребностей человека. Потребление превратилось в процесс создания и поддержания человеком своей идентичности [3]. Приобретая вещи, люди пытаются создать и удержать свою идентичность, стараются стать теми, кем они хотят быть. Ожидание покупки часто переживается как доставляющее большее удовольствие, чем сам акт потребления. Таким образом, у потребления не оказывается пределов. Человек стремится потреблять все больше и больше. Таким образом, потребляются не вещи, а идеи. Потребление оказывается связанным с культурными знаками и отношениями между знаками [4].

Изучая современные стили жизни, Ж. Бодрийяр показал как с исторической арены ушел Человек экономический, который личные качества, умения, навыки и возможности рассматривал как капитал, который важно было правильно инвестировать, чтобы избежать потерь. Это был человек труда и производства, способный к формальной рациональности. На смену человеку экономическому пришел человек неэкономический, человек потребляющий. У него совершенно иное представление о труде, экономии, рациональном выборе, накоплении. Основным видом деятельности для неэкономического человека становится потребление. Важнейшим, бессознательным и автоматическим выбором потребителя становится принятие какого-либо жизненного стиля. Стандартная потребительская корзина теперь состоит из набора потребительских практик, которые не носят материального характера. Потребности, в понимании Ж. Бодрийяра, становятся «текучими» как и сами их объекты.

Человек потребляющий оказывается не в состоянии не реагировать на содержащиеся во многих рекламах призывы к счастью и удовольствию. Все необходимо испытать, изведать: не только различные

национальные блюда, но и волшебные средства, позволяющие человеку стать красивым, молодым и здоровым. Неэкономический человек страшится упустить какой-либо неизведанный способ получить удовольствие. Для кого-то это новый вид гамбургера в «Макдональдсе» или последняя модель мобильного телефона, для другого – отдых на Мальдивах. Этот перечень бесконечен и его всевозможные версии успешно показывает реклама.

В современном мире, по мнению З. Баумана, появляется все больше областей, требующих «покупок». Современный человек «покупает» навыки, необходимые для зарабатывания на жизнь, способы убеждения возможных работодателей, подтверждающие их наличие. Покупается имидж, который приглянулся; покупаются способы приобретения новых нужных друзей и избавления от старых; покупается самая вкусная пища и наиболее эффективная диета [2, с. 84]. Важно учитывать и то, что сегодня в товарном производстве на смену «миру прочных объектов» приходят «одноразовые товары, разработанными для немедленного устаревания» [2, с. 94].

Благодаря рекламе и средствам массовой информации общество производителей формирует новые стандарты: здоровье, молодость, красоту, которым должны следовать все его члены, по крайней мере, те, кто желает быть успешными. Безусловно, что нет ничего плохого в стремлении людей вести здоровый образ жизни, заниматься спортом, отказаться от вредных привычек, чтобы выглядеть моложе своих лет. Но зачастую желание стать моложе и здоровее превращается в бесконечный процесс употребления разнообразных рекламируемых магических пилюль, процедур и прочее. Для роста потребления применяется маркетинг, включающий технологии превращения потребления в индустрию. Реклама – важнейшая маркетинговая технология, обеспечивающая системообразующий для общества потребления процесс стимулирования потребления. Система потребления в современном обществе направлена на устойчивый рост стандартов потребления, считающихся «общественно нормальными», и ориентацию людей на усвоение данного стандарта потребления [10, с. 113].

Новый мир, который окружает человека, не ставит перед ним запретов, а напротив, берedit его бесконечно растущие аппетиты лавинообразным умножением вещей. Формируется массовая аудитория как общность людей, не настроенная на производство материальных и культурных благ, а нацеленная лишь на их пассивное потребление. Соответственно возникает потребность в информации, ориентирующей человека в этом огромном мире товаров, продуктов, услуг, т. е. в «информационном дубликате массового товара, стимулирующем его продажу», – в рекламе.

Реклама как новая социальная технология вместо репрессий использует «соблазн». Это сам человек желает выглядеть как минимум нормально, а еще лучше – достойно. Потребление в современном мире становится социальным институтом. Оно представляет собой сложившуюся систему ценностей, охватывая процессы групповой интеграции и социального контроля. Характерной чертой любого социального института является наличие сходных социальных практик людей в стандартных ситуациях. Благодаря рекламе обеспечивается типизация потребительского поведения людей, поддерживается динамический баланс в системе «производство–потребление». Реклама, информируя различные социальные группы о социальных, материальных и культурных возможностях, предоставляемых человеку обществом, способствует его адаптации к новому социальному миру. Наряду с этим реклама, зачастую очень жестко, формирует у людей стремление употребить эти возможности. Так, благодаря рекламе и новейшим социальным технологиям осуществляется интериоризация социальных норм в самом акте покупки и потребления.

Реклама переносит такой важный социальный процесс, как субъективация социальной стратификации, из материального производства в сферу потребления. Это проявляется в том, что персональное самоутверждение в обществе осуществляется теперь не через трудовую деятельность, а посредством потребления определенных товаров. Благодаря потреблению индивид «заявляет» о себе в социальном пространстве.

Проблема социальной детерминации потребления была рассмотрена впервые еще в XIX в. Т. Вебленом. Американский ученый ввел в социологический оборот такие понятия, как «демонстративное потребление» и «престижное потребление». Анализируя качество и уровень потребления как социальные маркеры статуса, Т. Веблен подчеркивал, что целью потребления становится не только приобретение материальных и духовных благ для удовлетворения потребностей, но и стремление к «благоприятному завистническому сопоставлению» себя с другими. «Завистническое сопоставление» он трактовал как «процесс сравнительной оценки людей в целях их расположения по рангу достоинств и значимости и закрепления за ними соответствующей степени уважения и самоуважения» [7, с. 82]. В понимании ученого, собственность становится трофеем, знаком победы, демонстрацией силы, удачливости. Потребляемые человеком блага делают его и социальное и материальное положение более заметными для окружающих.

Т. Веблен отмечал, что для участников социальной практики «престижного потребления» оно становится не прихотью, а строгой социальной нормой, крайне обременительной для многих людей. Демонстративное потребление характерно в разной мере для всех слоев населения. Люди «готовы выносить крайнюю нужду и неудобства, прежде, чем расстанутся с последней претензией на денежную благопристойность» [7, с. 120]. Люди готовы оставаться голодным, но прилично одетым.

Демонстративное потребление вызывает соблазн покупать товары и услуги, характерные для стандартов потребления более престижного социального слоя, чем тот, к которому принадлежит индивид. Так человек стремится заявить о себе как о члене этой престижной группы, обретая частичную психологическую компенсацию за недостаточное «социальное уважение». Человек фактически реализует модель компенсаторного поведения, в рамках которого, по мнению Ж. Бодрийяра, отношения с вещами принимают на себя психологическую нагрузку отношений с людьми, т. е. через потребление человек пытается создать устраивающую его конструкцию своей социальной реальности. И главной несомненной задачей рекламы является убеждение людей в том, что покупка этого товара лучшим образом отвечает социальным стандартам, принятым в «престижной» социальной группе [11, с. 136].

Представления Т. Веблена о роли потребления в социальной дифференциации не утратили своей актуальности и сегодня. Наряду с этим, все большую роль начинает играть ситуация демонстрации своего имиджа через потребление, т. е. создания о себе представления, не связанного напрямую с положением в традиционной системе вертикальной социальной стратификации. Соединение престижа и имиджа вырабатывает индивидуальный стиль человека или стиль жизни группы. В итоге повышается самоидентификация людей как «потребителей». Теперь не социальный строй устанавливает стиль, а наоборот, стиль определяет социальный слой [11, с. 138-140].

Именно реклама осуществляет перенос социального статуса или индивидуального чувства человека на конкретный продукт. Реклама придает определенным товарам и услугам знаки престижного, должного, совершенного, формируя из них особые статусные символы.

Люди покупают не часы, автомобили, абонементы в фитнес-клубы, а свой статус в обществе, положение в организации, отношение к себе со стороны других людей; свой имидж. Обладание вещью представляется как средство достижения социального успеха, который позволяет человеку ощущать себя более важным и значимым, чем кем он является в реальности.

Реклама, используя влечение людей к подражанию, воздействует на потребителей, презентуя определенные услуги и товары как способы достижения желаемого социального положения. Социальные группы, усваивая представленные рекламой вкусы, социальные практики и модели поведения, объединяются благодаря подражанию, базирующемуся на заимствовании и повторении человеком взглядов, поступков и суждений других людей. Наряду с этим реклама содействует выработке привычек. Привычка – установившаяся схема (стереотип поведения) в определенных ситуациях. Реклама, базирующаяся на убеждении потребителей в том, что применение этого продукта рекомендовано профессионалами (педиатрами, ветеринарами, диетологами, стоматологами, косметологами и т. п.) как лучшее средство для здоровья, красоты, гигиены, обращена на формирование привычки [9]. Например, благодаря рекламе была выработана привычка применять при стирке не хозяйственное мыло, а стиральный порошок.

На основе привычек, в свою очередь, вырабатывается обычай как важная социокультурная норма. Обычай – одобренные обществом массовые образцы действий, которым необходимо следовать. К нарушителям обычаев следует применять неформальные санкции, такие как порицание и неодобрение.

В результате, благодаря рекламе, потребление становится новым и специфическим типом социализации. Реклама трансформирует восприятие социальной мобильности в общественном сознании, переводя эту проблему из области материального производства в сферу потребления.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество // М.: Логос. 2005. 224 с.
2. Бауман З. Текучая современность / З. Бауман // М.: Питер. 2008. 240 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры // М.: Культурная революция. Республика. 2006. 269 с.
4. Бодрийяр Ж. Система вещей // М. Рудомино. 1995. 230 с.
5. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Перевод О. А. Печенкина // Тула: Тульский полиграфист. 2013. 204 с.

6. Бурдые П. Отличия: социальная критика суждений о вкусе // Экономическая социология. 2005. Т.6.№3. С.25-47.
7. Вебер М. Избранные произведения // М. : Наука. 1990. 322 с.
8. Веблен Т. Теория праздного класса // М. Прогресс. 1984. 367 с.
9. Донцов А. И., Овчаренко А. Н. Экономические результаты рекламной восприимчивость // М. ЭКСМО. 2007. 608 с.
10. Ритцер Дж. Макдональдизация общества // М.:Праксис. 2011. 592 с.
11. Савельева О.О. Социология рекламного воздействия // М.: РИП-холдинг. 2006. 284 с.
12. Miles St. Consumerism as a way of life // L. etc.: Sage. 1998. VIII.174 p.

УДК 930.2

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА К. ПАЖИТНОВА

А.И. Кравченко, доктор социологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник кафедры истории и теории социологии социологического факультета,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва

В статье рассматриваются результаты исследования, проведенного методом вторичного анализа в начале XX века известным русским ученым К.А.Пажитновым. Объектом исследования являются отчеты фабричных инспекторов и земских статистиков. Предмет изучения – условия труда и быта фабрично-заводских рабочих, а также профессионально-квалификационная структура занятых. В горизонте исследования ученого находится полувекковой период развития промышленности в России (с отмены крепостного права в 1861 г. и по 1905 г.). За эмпирическими фактами и статистическими выкладками он стремится обнаружить не просто объективную логику происходящего, но и его социальный контекст: условия труда и жизни рабочего класса России, несчастные случаи на производстве, медицинское обслуживание рабочих, система свободного договора на производстве, перенос в промышленность отношений крепостного права, правовое положение рабочего класса и др. В результате своего исследования К. Пажитнов приходит к следующим основным выводам: численность и концентрация рабочего класса за отмеченный период возросли; существующая система оплаты труда выгодна предпринимателям и невыгодна рабочим; санитарно-гигиенические условия на большинстве предприятий не соответствует существующим нормам; оплата труда в России ниже, чем в странах Западной Европы.

Отраслевая структура рабочего класса, заработная плата, условия труда, жилищные условия.

THE STUDY OF THE WORKING CLASS POSITION K. PAZHITNOVA

A.I. Kravchenko, doctor of Sociology, Professor, leading researcher of the Department of History and Theory of Sociology of the sociological faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow

In the article it is analyzed the results of a study conducted by the method of secondary analysis in the early twentieth century by the famous Russian scientist K.A.Pazhitnov. Object of research are the reports of factory inspectors and district statisticians. The subject of study - working and living conditions of factory workers, as well as professional-qualification structure of employees. In the horizon of the scientist's research there is a half-century period of industrial development in Russia (with the abolition of serfdom in 1861 and until 1905). For empirical facts and statistical calculations, he seeks to find not only the objective logic of the origin, but also his social context: the working and living conditions of the working class in Russia, accidents at work, the medical care of workers, the system of a free contract in production, the transfer to industry of relations Serfdom, the legal status of the working class, etc. As a result of his research, Pazhitnov comes to the following basic conclusions: the number and concentration of the working class increased during the period; The existing system of labor remuneration is beneficial to entrepreneurs and is unprofitable for workers; Sanitary and hygienic conditions at most enterprises do not comply with existing standards; Wages in Russia are lower than in Western Europe.

Branch structure of the working class, wages, working conditions, living conditions.

Пажитнов Константин Алексеевич (1879-1964) – видный русский экономист и социолог. В 1906 г выходит его книга «Положение рабочего класса в России» [1], где он характеризует положение фабрично-заводских рабочих с середины 80-х годов XIX века до 1903 г. на основании отчетов фабричных инспекторов и земских исследований. В книге дан глубокий анализ динамики и структуры промышленного труда. Автор затрагивает широкий круг вопросов: санитарное состояние предприятий, жилищные проблемы, врачебная помощь рабочим, несчастные случаи на предприятиях, продолжительность рабочего дня, заработная плата, вычеты и штрафы, условия найма, эксплуатация детского труда и др.

Приступая к исследованию, К. Пажитнов отмечает, что оно проводится в условиях «информационного дефицита»: в 70-е годы XIX века в России не появилось ни одной интересной монографии, посвященной рабочему вопросу. Хотя в это время уже начали действовать две правительственные комиссии, занятые

составлением проектов по рабочему вопросу, исчерпывающих монографических исследований всех сторон жизнедеятельности формирующегося российского пролетариата еще не появилось. Исключением могут служить работа О. Тернера «О рабочем классе и мерах к обеспечению его благосостояния» (1861), где о положении рабочего класса говорится лишь на нескольких страницах, а также сочинение В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса», которого Пажитнов критикует за методические и методологические просчеты.

Сравнивая книгу К. Пажитнова с аналогичной работой Берви-Флеровского, вышедшей почти на столетие раньше, можно видеть определенный прогресс в научном оснащении исследования и подходе к проблеме. Для обоих авторов характерен жанр исторической социологии, т.е. попытка сопоставление положения рабочего класса в различные исторические периоды. В то же время у Пажитнова наблюдается резкий отход от метода сюжетных зарисовок и очерков, касающихся отдельных сторон жизни рабочих, в направлении к построению эмпирически обоснованной социально-экономической концепции. Как социал-демократ Пажитнов проводит исследование с четких классовых позиций.

В первой части книги автор освещает правительственные проекты урегулирования отношений между трудом и капиталом в 60–70-е годы XIX века, анализирует результаты санитарных исследований фабрик и заводов Петербургского уезда 1878 г., данные первых отчетов фабричных инспекторов и земских исследований, санитарные условия в мастерских, состояние врачебной помощи и рабочих жилищ, статистику травматизма и его причины в промышленности, продолжительность рабочего дня, размер, способы выплаты и вычеты из заработной платы рабочих, штрафы и условия найма. Во второй части Пажитнов переходит к статистике роста рабочего класса в период с 1860 по 1902 г., раскрывает профессионально-квалификационный состав промышленных рабочих и их распределение по районам, изменение в санитарных условиях в мастерских и соответствующую область деятельности земств, статистику несчастных случаев и законодательство, регулирующее положение рабочих и их отношения с предпринимателями, медицинскую помощь и жилищный вопрос, продолжительность рабочего дня и сверхурочные работы, зарплату и внутренний распорядок на фабриках, бесправие рабочих и злоупотребления мастеров. В третьем разделе рассматриваются те же вопросы, но уже на примере горно-заводской деятельности.

Пажитнов рассматривает положение рабочих как в горизонтальном, так и в вертикальном разрезе: в географическом разрезе он захватывает почти все губернии России (Петербургская, Московская, Киевская, Варшавская, Тверская, Харьковская, Смоленская, Владимирская и т.д.), в отраслевом разрезе он анализирует основные сектора промышленности (военные заводы, стале-и чугунолитейные мастерские, машиностроительные, кирпичные, стеклянные, суконные, сахарные, кожевенные, химические и котельные заводы, горнодобывающую промышленность, хлопчатобумажное производство, мукомольные предприятия, мелкие пекарни, булочные и т.д. Таким образом, автор, благодаря изучению отчетов фабричных инспекторов, охватил не только практически все регионы России, но и все отрасли промышленности.

Пажитнов пытается систематизировать разрозненную информацию и определить отраслевую структуру рабочего класса. Так, ему удалось попытка распределить рабочих тяжелой промышленности по отраслям. Автор называет количество рабочих на чугуноплавильных, железо-делательных и сталелитейных заводах; в 1901 году здесь было занято 307 941 человек; в угледобывающей промышленности - 118 180 человек, в этой отрасли работало вместе с рудокопами около 70% всех горнозаводских рабочих; на золотых приисках – 86 720 человек [1, с.164]. Особая категория рабочих – это нефтяники (30 683 человека).

Особое место уделяется горной и горнозаводской промышленности, которая превратилась к началу XX века в «довольно крупную величину». Об этом свидетельствует численность рабочих. Если в 1861 г. она составляла 170 792 человека, в 1895 г. – 498 351 человек, то в 1900 – уже 715 497 человек [1, с.162]. Раньше первое место по количеству рабочих принадлежало текстильной промышленности, к началу XX века на первое место вышла горнозаводская отрасль. К этому времени выделились основные районы сосредоточения тяжелой промышленности: Урал – 251 976 человек; Южная и юго-западная Россия – 169 665; Центральная Россия – 62 581; Царство Польское – 47 287; Кавказ – 45 227; Северная Россия – 33 266 [1, с.163-164].

Пажитнов подробнейшим образом рассматривает условия жизни и работы горнозаводских рабочих. Труд этой категории рабочих иначе как каторжным никогда не назывался. «Нужно привыкнуть к мысли о смерти и не дорожить совсем жизнью, чтобы решиться на рудничный труд» [1, с.171]. Автор подробно останавливается на конкретных профессиях горнозаводских рабочих. Он пишет о забойщиках, створовых, углекопах, саночниках, молотобойцах, вагонщиках, крепильщиках и других. Они не знали механизации труда, вентиляции в шахтах, рабочим даже не выдавали одежду, а многие из них трудились раздетыми. Тя-

желейшие условия труда порождали профессиональные заболевания: катаракты дыхательных путей, эмфиземы легких, малокровие и другие. Автор делает вывод, что «если сравнить картину труда в рудниках 40-45 лет назад и в настоящее время, то <...> разницы нет» [1, с.176].

Не отличались в лучшую сторону условия труда и на горных заводах. Причем, ни одно положительного примера ни в одном регионе Пажитнов не называет. Даже крупнейшие заводы: Брянский – 7000 рабочих, Сормовский – 3000, Гусевский не могут быть названы благоустроенными. В книге приводятся многочисленные материалы о вопиющих фактах положения рабочих, что невозможно остановиться на всех этих конкретных примерах. Тяжелейшее положение рабочих усугублялось несчастными случаями: пожарами на шахтах, обвалами породы, взрывами газа и так далее. Автор столкнулся с тем, что статистика несчастных случаев велась плохо, так как владельцы шахт старались скрыть эти сведения. Но даже та скудная информация, которая обнародовалась, давала пищу для размышления. Так, в 1885 году – 674 несчастных случая, в 1890 году – 3 753, в 1895 – 10 954, в 1900 – 29 141. Такие крупнейшие заводы как Путиловский, Невский статистику несчастных случаев вообще не представляли, хотя известно, что в 1900 г. здесь произошло 6 069 несчастных случаев. К.Пажитнов проводит сравнительный анализ производственного травматизма. В 1896-1900 гг. на 1000 человек рабочих приходилось: во Франции – 0,610 погибших, в Бельгии – 0,649, в Великобритании – 0,784, в России – 1,523 [1, с.194, 288].

В связи с тяжелейшими условиями труда и быта остро стоял вопрос о дефиците рабочих рук (особенно на юге России). Промышленники Юга России даже ставили вопрос о применении на добыче угля ссыльно-каторжных [1, с.207]. И тюремное управление готово было предоставить такую рабочую силу.

Среди прочих вопросов, он касается такого вопроса как заработная плата: ее размер, неправильная выдача, вычеты и штрафы. Рассматривая вопросы оплаты труда, К.Пажитнов останавливается на такой категории рабочего класса, приписные крестьяне уральских заводов. В связи с этим предприятия располагали устойчивым контингентом рабочих рук. Но уральские промышленники вели борьбу за укрупнение производства, а в связи с этим – за освобождение горнозаводского населения от земли. Это препятствовало развитию мелкого производства. Естественно, что это ухудшало положение уральских рабочих. После реформы 1861 года работные люди Урала оказались в худшем положении по сравнению с предыдущим. Земли они лишились, а заводы не могли обеспечить всех работой. Была необычайная дешевизна рабочих рук. Заработная плата и в этой отрасли оставалась одной из самых низких в Европе. Так, средний заработок рабочего на Урале – 181 рубль в год. Примерно 70 копеек в день. Это, включая мастеров и подмастерьев. Если их исключить, то зарплата рабочих уменьшается до 30 копеек и менее [1, с.236, 237, 244, 248, 250].

Среди горнозаводских рабочих были распространены две категории оплаты труда, в зависимости от того, как велись работы: хозяйственным или подрядными способами. И рабочие получали плату в зависимости от количества рабочих дней, количества выработки. Отсюда и оплата труда: поденная, месячная и сдельная. Как и в других отраслях, здесь была налажена система штрафов, хотя закон 1886 года оговаривал, что «размер денежных взысканий не должен превышать одной третьей заработка, а штрафные деньги шли в пользу рабочих» [1, с.279-280]. Промышленники находили всякие способы для увеличения штрафов.

Сравнивая заработную плату российского рабочего (по исследованиям Е.Дементьева в 1884–1885 гг.) с заработной платой рабочего Англии и Америки он приходит к выводу, что «в среднем час работы у нас оплачивается 4,25 коп.; в Англии – 16,38 коп. и в Америке (Массачусетс) в 22,28 коп., т.е. в Англии почти вчетверо, а в Америке более, чем впятеро дороже, чем у нас» [1, с.77]. Пажитнов указывает, что эти данные приобретут иное звучание, если их привести в соответствие, с одной стороны, с ценами на предметы потребления, а с другой – с условиями жизни рабочих. «Исследуемый нами период – до половины 80-х годов – характеризуется именно тем, что не только изумительно низко оплачивается вообще труд человека, но и право рабочего на свой полный заработок». Заработная плата выплачивалась лишь тогда, когда того хотел хозяин или когда у него находились деньги: «выдача всегда производилась за предшествовавший месяц, так что за конторой фабрики всегда оставалось не менее полумесячного заработка рабочего» [1, с.78].

Что касается территориальных различий в оплате, то по западной окраине заработная плата выше, чем в центральных районах. Это объясняется отчасти тем, что в западной части России рабочий, как правило, получает только заработную плату. «Внутри же России – сюда еще присоединяется квартира от хозяина для значительной части рабочих. Подобные помещения считаются, правда, бесплатными, даровыми, но это только с первого взгляда, в действительности же, несомненно, стоимость их учитывается путем понижения заработной платы» [1, с.76]. Таким образом, если произвести более детальные расчеты, то указанная выше средняя заработная плата понизится. Так стоимость хозяйской квартиры в Харьковском округе – 1 руб., а в Московском – 1 руб. 20 коп. – 1 руб. 50 коп.

Книга Пажитнова была написана в 1905 г., накануне первой русской революции. В известной мере причиной первой русской революции послужили отвратительные условия труда и жизни, низкая зарплата, полицейские меры по пресечению нарушений на заводах, отсутствие законодательства, учитывающего интересы трудящихся. Революционный взрыв был неминуем. Пажитнов дает исторический анализ состояния рабочего вопроса в России и промышленных отношений.

Отвечая на вопрос о том, почему условия труда и положение рабочего класса в России были крайне удручающими, К. Пажитнов называет основной причиной дефицит жилья. Концентрация промышленности в городах, быстрый рост численности городского рабочего класса, отставание развития городской инфраструктуры от потребностей производства обусловили, в конечном счете, нехватку жилых помещений. Отсюда высокая квартплата, переуплотненность жилищ, отвратительные санитарно-гигиенические условия, которые способствуют не восстановлению физических и духовных сил работника, а наоборот, их истощению. Дефицитом жилья в городе отчасти объясняется и специфическая для России система найма, при которой фабричный рабочий, проживая в сельской местности, каждое утро вынужден был совершать долгий путь к месту работы. Полурабочий, полукрестьянин, он прикармливался в деревне, не удовлетворяясь крайне низким заработком в городе.

В поле зрения ученого попал 45-летний период развития промышленности в России (с отмены крепостного права в 1861 г. и по 1905 г.). За эмпирическими фактами и статистическими выкладками он стремится обнаружить не просто объективную логику происходящего, но и его социальную подоплеку. Так, оказалось, что такое с виду позитивное явление, как расширение системы свободного договора на производстве, имеет и свою оборотную сторону – перенос в промышленность отношений крепостного права. И здесь же приводится аргументация: приспособление существующей системы оплаты труда рабочих (задержки с выдачей денег, уплата товарами или марками, а также штрафы и всевозможные вычеты) к системе производственных отношений делается ради единственной цели – выколачивания любой ценой высоких прибылей. Для этого капиталисты не брезгают и таким способом: пускают удержанные с рабочих суммы в оборот.

Остро стоял вопрос с медицинскими обслуживанием рабочих. Лишь на немногих фабриках, расположенных вне города, существовали больницы, которые не могли оказать действенную помощь: крохотные помещения для приемного покоя и одна-две койки не позволяли принять всех желающих. Очень сложным был вопрос с медицинским персоналом, не хватало врачей, и при больнице обычно был только фельдшер. На некоторых предприятиях вообще отсутствовала какая-либо врачебная помощь. Так как, например, в Харьковском округе только на четырех предприятиях из 658 медицинская помощь соответствовала закону [1, с.59-60]. Подобная ситуация наблюдалась во всей России.

Настоящим бедствием для российских рабочих были несчастные случаи. Один из инспекторов, доктор Погожев, сравнивает последствия от несчастных случаев с потерями в одной из русско-турецких войн. Так, на Хлудовской фабрике в течение двух лет было зарегистрировано 633 несчастных случая. Число травм составляло 10,8% к общему числу рабочих за 1879 год, 14,5% – за 1880 год и 13,5 – за 1881 год. На фабрике Хлудова за 1882–1884 годы из 2500 рабочих было искалечено 1829 человек. На других предприятиях была почти такая же картина. В России отсутствовали какие-либо законы об ответственности предпринимателей за увечья рабочих, поэтому искалеченные рабочие выбрасывались за ворота предприятия безо всякой помощи [1, с.64-65]. Лишь в 1903 г. появился закон об ответственности предпринимателей за несчастные случаи. Он обязывал хозяев оказывать получившему увечье рабочему бесплатную медицинскую помощь, возмещать расходы на лечение, выдавать во время болезни половину заработной платы и в случае смерти выдавать деньги на похороны. Тем не менее, от больных и состарившихся рабочих предприниматели старались побыстрее избавиться.

В начале XX века мало что изменилось в правовом положении рабочего класса. Если раньше рабочий всецело был предоставлен на усмотрение хозяина, то сейчас присоединилась еще и полицейско-бюрократическая опека. Приниженность и бесправие рабочего были полными. Большое притеснение было от мастеров, которые в большинстве случаев вышли из рабочей же среды. На каждом шагу они требовали взяток и подношений. За непослушание рабочие вносились в черные списки, а в паспорте ставился фабричный штампель, который закрывал всякий доступ на другие предприятия. В 1903 г. была учреждена должность старосты на промышленном предприятии. Его функция – следить, доносить, а по возможности предупреждать заводские волнения, охватившие в ту пору многие отрасли. Старосты призваны были выступать связующим звеном между рабочими и работодателями, так как хозяева не хотели прямых контактов с рабочими, а общались с ними через старост [1, с.161].

Проанализировав положение рабочих на обширном эмпирическом материале, Пажитнов делает несколько принципиально важных выводов:

1) концентрация рабочего класса в России на всех исторических этапах являлась чрезмерно высокой (по сравнению с мировыми стандартами);

2) численность рабочего класса возросла с 1860 по 1900 г. в 3 раза, или с 837,3 тыс. в 1886 г. до 1,7 млн. человек в 1902 г.;

3) по санитарно-гигиеническим условиям труда большинство российских предприятий не соответствует существующим в стране нормам, фабрики и заводы оставались на протяжении всех периодов «лабораториями травматизма и источниками всевозможных заболеваний»; на большинстве предприятий отсутствовала вентиляция, запыленность и температура в помещениях превышали допустимые нормы;

4) российская промышленность отличалась от европейской более низкой оплатой труда (в 4 раза ниже, чем в Англии, в 5 раз ниже, чем в США), более продолжительным рабочим днем (от 12 до 18 часов; кроме того, почти на всех фабриках обязательными были сверхурочные работы, которые фабрикантами никогда не оплачивались) и рабочей неделей (в России – 74 часа, в Англии – 56, в США – 60), более высоким травматизмом, худшими условиями труда и быта, нехваткой жилья для рабочих, отсутствием эффективного трудового законодательства, более интенсивным использованием детского труда

5) основными причинами высокого травматизма на отечественных предприятиях выступают: а) отсутствие законодательства, регламентирующего условия труда, при которых работодатель имеет право использовать наемных рабочих, четко определяющего ответственность предпринимателей за увечья и потерю трудоспособности; б) конструктивные недостатки машин и оборудования; в) отсутствие правильного технического надзора на большинстве предприятий; г) техническая неграмотность руководителей и исполнителей, явные (умышленные и неумышленные) нарушения норм технической безопасности (достаточно сравнить перечень основных причин травматизма на советских предприятиях в 70–80-е годы XX века, чтобы убедиться в том, что положение дел осталось тем же);

б) система свободного договора служит идеологической ширмой, скрывающей то обстоятельство, что на ранней стадии капитализма (во всяком случае так показывает опыт России) в промышленность перекочевывают отношения крепостного права, которые официально были упразднены в 1861 г. в аграрном секторе;

7) существующая система оплаты труда выгодна предпринимателям и невыгодна рабочим, так как она позволяет подолгу задерживать выдачу зарплаты, расплачиваться с рабочими не деньгами, а натурой, применять многочисленные штрафы и вычеты, а полученные незаконным путем средства пускать в оборот и получать огромные прибыли (видимо, подобная практика характерна для периода первоначального накопления и развития капитализма не только в 90-е годы XIX века, но и в 90-е годы XX века; воспроизводство через сто лет одних и тех же экономических методов эксплуатации наемного труда, причем на качественно различных этапах становления общества – в дореволюционной и в постсоветской России – уникально, оно не встречается, пожалуй, больше ни в одной стране мира) [1, с.40-45, 70, 73, 76, 77, 92-93, 98].

В определенном смысле К.Пажитнова можно поставить в один ряд с такими крупными европейскими учеными, изучавшими социально-экономическое положение рабочего класса в Англии, как Дж.Кей-Шаттлуорт, выпустивший в 1832 г. книгу «Моральные и физические условия жизни текстильных рабочих Манчестера», и Ч.Бут, написавший многотомное сочинение «Жизнь и труд людей в Лондоне» (1889–1903).

Литература

1. Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России // СПб. 1906.

УДК 316

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ПАТТЕРНЫ ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

К.В. Лапшинова, кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин,

Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области

«Технологический университет» («МГОТУ»), г. Королев, Россия.

А.В. Панявин, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социальных дисциплин,

Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области

«Технологический университет» («МГОТУ»), г. Королев, Россия.

Статья посвящена изучению особенностей потребительского поведения жителей Московской области из различных социально-демографических групп. В исследовании представлено описание основных современных паттернов социально-экономического поведения.

Паттерны поведения, потребление, социально-экономическое поведение.

CONSUMER PATTERNS OF BEHAVIOR OF CONTEMPORARY RUSSIANS: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

K.V. Lapshinova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Social Sciences, State Budget Educational Institution of Higher Education of the Moscow Region "Technological University" ("MGOTU"), Korolev, Russia.

A.V. Panyavin, Senior Lecturer of the Department of Humanitarian and Social Sciences, State Budget Educational Institution of Higher Education of the Moscow Region "Technological University" ("MGOTU"), Korolev, Russia.

The article is devoted to the study of the peculiarities of consumer behavior of the inhabitants of the Moscow region from different socio-demographic groups. The study describes the main modern patterns of socio-economic behavior.

Patterns of behavior, consumption, socio-economic behavior.

Система традиций и социальных норм экономического поведения является продуктом эволюции человеческой цивилизации. Социально-экономические реформы в РФ последних десятилетий привели к трансформации социальных и экономических отношений, в том числе к изменению паттернов различных видов экономического поведения [3, С. 36-42]. Происходит адаптация россиян к новым условиям жизни, повышается их уровень экономической грамотности [5, С. 46-53].

На сегодняшний день одним из самых распространенных видов экономического поведения является потребительское поведение, отражающее действия индивидов, приобретающих товары и услуги для личного потребления [4, С. 86-92].

Неотъемлемой частью потребительского поведения являются походы в магазин и совершение покупок. Несмотря на то, что эти действия характерны для всех людей в мире, социально-экономические паттерны россиян имеют ряд особенностей.

Авторами статьи в 2016-2017 гг. было проведено социологическое исследование социально-экономического поведения жителей Московской области с целью выявить и проанализировать основные социально-демографические факторы, оказывающие влияние на социально-экономические установки и паттерны поведения.

Отличительной чертой потребителей в России является то, что они до сих пор предпочитают расплачиваться при покупке товаров и услуг наличными деньгами (37,58%), а банковской картой пользоваться только в тех случаях, когда речь идет о покупке дорогостоящих товаров (27,27%). Тем не менее, треть оп-

рошенных (30,91%) считает, что им удобнее расплачиваться картой независимо от суммы покупки. Причем среди тех, кто предпочитает использовать банковскую карту заметно преобладает молодежь (41,3%) до 30 лет. Интересно также отметить, что женщины более активно расплачиваются банковской картой (34%), чем мужчины (26,9%).

Следующий вопрос, который был нами задан респондентам, звучал так: «Если в данный момент Вы испытываете финансовые трудности, но Вам хочется купить какую-нибудь не очень нужную дорогую вещь, то Вы...»? Треть опрошенных предпочитает для этих целей откладывать деньги на покупку (35,2%). Почти столько же человек будут убеждать себя в том, что покупка им не нужна и откажутся от приобретения понравившейся вещи (34,5%). 12,7% участников опроса согласны купить аналогичную вещь дешевле, а 8,5% – займут денег у родственников или друзей. И только 3,6% респондентов готовы взять кредит. Данные ответы свидетельствуют, что большая часть россиян с недоверием относится к жизни в кредит. Мужчины, в отличие от женщин, действуют более решительно. Среди них больше тех, кто готов взять кредит (4,5% мужчин и 3,1% женщин) или занять денег для покупки понравившейся вещи (13,4% мужчин и 5,2% женщин). Среди женщин больше тех, кто откажется от покупки (38,1% женщин и 28,4% мужчин) или будут копить деньги на покупку (36,1% женщин и 34,3% мужчин).

Оказывает влияние и материальное положение. Респонденты из обеспеченных групп населения чаще готовы занять деньги, чтобы купить понравившуюся вещь (10%), взять кредит (4,3%) или накопить недостающую сумму (37,1%). Участники опроса из необеспеченных слоев общества предпочитают иные стратегии экономического поведения. Они чаще будут убеждать себя, что вещь им не нужна и откажутся от покупки (37,4%). Так же они предпочитают покупать более дешевые аналоги дорогих вещей (14,3%), чем их более обеспеченные сограждане.

В продолжение темы респондентов спросили, чем бы они, в первую очередь, руководствовались при покупке автомобиля. Самым популярным ответом была «безопасность» (47,9%). На втором месте оказался комфорт (44,8%). Экономичность оказалась на третьей позиции (38,2%). Последнее место занял «престиж» (7,9%). Это может свидетельствовать о том, что автомобиль для россиян – это, в первую очередь, средство передвижения, а не показатель статуса.

Так же было выявлено, что жители Подмосковья до сих пор очень редко пользуются такой услугой как доставка товаров на дом. Четверть опрошенных никогда не прибегали к данному сервису (24,85%). Примерно каждый десятый респондент выбрал варианты «раз в год» и «раз в несколько лет». Причем, в основном, данной услугой пользуются, если речь идет о крупных покупках.

Сейчас все чаще покупки совершают посредством сети Интернет.

Согласно данным ВЦИОМ доля Интернет-пользователей в России растет с каждым годом: если в 2011 г. (по данным за 1 кв.) она составляла 51%, то в 2017 г. – уже 75%. Среди молодежи 18-24 лет практически ежедневно заходят в Сеть около 90%. Сеть более половины граждан используют для общения с друзьями и близкими (64%), в качестве источника новостей (60%) и развлечений (54%). Каждый второй через Интернет проходит обучение и получает самообразование (49%), осуществляет банковские операции (46%). Наименее распространенным (из числа предложенных опций) на данный момент является покупка товаров и услуг длительного пользования (34% опрошенных используют для этого Интернет, а 44% – нет) [1].

В данном исследовании респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Как часто Вы пользуетесь услугами Интернет-магазинов при покупке каких-либо вещей?». Были получены следующие данные: 28,5% опрошенных делают покупки в Интернет-магазинах несколько раз за 2-3 месяца; 25,5% – раз в полгода; 19,4% – никогда. Таким образом, можно констатировать достаточно низкую покупательную активность российских Интернет-пользователей. Значимых различий по полу в этом вопросе не выявлено. Обеспеченные россияне чаще, чем необеспеченные граждане пользуются услугами Интернет-магазинов. Так же чаще Интернет-шоппингом занимаются молодые люди до 30 лет. Наиболее популярными Интернет-магазинами являются: AliExpress (27,6%), Ozon (21,8%), Lamoda – 18,4%.

За покупки в Интернет-магазинах, как правило, можно расплачиваться с помощью электронных платежных систем. Поэтому респондентам был задан вопрос о том, какими системами они пользуются. Ответы распределились следующим образом: QIWI (28,6%); Яндекс-деньги (13,7%) и WebMoney (8,1%). Большая часть опрошенных (61,5%) не пользуется данным способом оплаты.

Потребительское поведение включает в себя не только покупку мелких товаров и услуг, но и приобретение достаточно дорогостоящих объектов недвижимости. На протяжении длительного времени одним из самых острых вопросов в социальной политике РФ остается проблема обеспечения граждан доступным

жильем, отвечающим современным требованиям и существующим нормативам.

Согласно Указу Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг» Правительству Российской Федерации надлежит обеспечить:

- а) до 2017 года – увеличение доли заемных средств в общем объеме капитальных вложений в системы теплоснабжения, водоснабжения, водоотведения и очистки сточных вод до 30 процентов;
- б) до 2018 года:
 - снижение показателя превышения среднего уровня процентной ставки по ипотечному жилищному кредиту (в рублях) по отношению к индексу потребительских цен до уровня не более 2,2 процентных пункта;
 - увеличение количества выдаваемых ипотечных жилищных кредитов до 815 тысяч в год;
 - создание для граждан Российской Федерации возможности улучшения жилищных условий не реже одного раза в 15 лет;
 - снижение стоимости одного квадратного метра жилья на 20 процентов путем увеличения объема ввода в эксплуатацию жилья экономического класса;
- в) до 2020 года – предоставление доступного и комфортного жилья 60 процентам российских семей, желающих улучшить свои жилищные условия. [8]

В ходе данного исследования респондентам был задан вопрос о том, нуждаются ли они в улучшении жилищных условий. Ответы разделились почти по полам: 46,5% опрошенных скорее не нуждаются в улучшении условий и 49,7% участников опроса скорее нуждаются. Причем, больше в улучшении жилищных условий нуждаются женщины (хотя различия с мужчинами не существенны), молодые люди до 30 лет (60,8%) и необеспеченные слои населения (64%).

На вопрос, планируют ли респонденты улучшать свои жилищные условия в ближайшие 2-3 года, почти половина участников опроса ответила «нет, так как в этом нет необходимости» (37,9%). Четверть респондентов планируют это сделать (25,5%). И почти столько же опрошенных хотели бы улучшить условия, но не имеют такой финансовой возможности (28,0%).

Отрадно отметить, что собираются улучшать в ближайшее время свои жилищные условия в основном молодые люди до 30 лет (38%). И, что у почти половины опрошенных из старшей возрастной группы нет проблем с жилищными условиями (45,5%). Так же стоит отметить, что женщинам сложнее улучшить свои условия проживания (31,9%). Наибольшие трудности в вопросе улучшения жилищных условий испытывают люди из необеспеченных социальных групп (43,8%)

Интересные ответы были получены на вопрос: «Каким образом, Вы планируете улучшить свои жилищные условия?». Так, почти половина опрошенных (42,3%) планирует воспользоваться ипотекой. Почти треть респондентов хотела бы приобрести недвижимость на собственные накопления (29,5%). И только каждый десятый планирует снимать жилье (11,5%).

Снимать жилье больше готовы молодые люди до 30 лет (14%), причем только женщины, среди старшей возрастной группы таких только 8,3%, то есть почти в два раза меньше. Среди представителей старшего поколения больше тех, кто планирует получить жилье от государства (8,3%). Причем в этой группе преобладают представительницы прекрасного пола. Купить жилье на собственные сбережения чаще могут себе позволить люди старше 30 лет (30%).

Четверть респондентов (26,25%) планирует купить новую квартиру в строящемся доме и столько же (26,25%) – в уже построенном доме. Купить квартиру на вторичном рынке жилья планирует лишь каждый десятый (12,5%). И каждый пятый участник опроса не планирует приобретать недвижимость (21,25%).

Большая часть тех, кто собирается покупать жилье, планирует воспользоваться ипотечным кредитом для покупки новой квартиры в строящемся или в уже построенном доме. Поэтому рассмотрим общую ситуацию на рынке жилья в Московской области и проанализируем отношение респондентов к ипотеке.

Почти каждый пятый участник анкетного опроса живет в жилье, приобретенном благодаря ипотечному кредиту (17,5%). Еще треть респондентов планирует воспользоваться ипотекой для решения жилищных проблем (36,%). Около половины опрошенных не рассматривают этот вариант (43,3%).

Среди тех, кто не нуждается в улучшении жилищных условий 68,8% уже взяли ипотечный кредит. 55,6% респондентов, очень нуждающихся в улучшении жилищных условий, планируют воспользоваться ипотекой. Среди тех, кто «скорее нуждается» в покупке жилья, готовы взять ипотеку 40%. Половина молодых людей моложе 30 лет планирует воспользоваться ипотекой (52,8%). Почти 40% представителей старшего поколения этот шаг уже сделали. Интересно отметить, что приобретают жилье благодаря ипотеке в

основном мужчины. Женщины действуют более нерешительно. Среди тех, кто нуждается в улучшении условий, но не планирует брать ипотечный кредит женщин больше мужчин. Можно предположить, что при покупке жилья семьей по ипотеке, кредит оформляется на мужа. Представители необеспеченных слоев населения часто не рассматривают вариант покупки квартиры по ипотеке.

Из приведенных данных, можно сделать вывод, что ситуация в жилищной сфере Московской области достаточно стабильная.

В дополнение к результатам социологического исследования было бы интересно посмотреть экспертные данные в области динамики рынка недвижимости Московской области за 2016 год. Специалисты аналитического центра ЦИАН считают, что кризис, который начался в середине 2014 года, пока не закончился, но рынок адаптировался к новым условиям. Кризис характеризуется тем, что, в первую очередь, снижаются реальные доходы населения, то есть «падает спрос» на объекты недвижимости. При этом продолжается ввод в реализацию новых проектов, новых квартир, то есть «растет предложение». Потенциальный объем в анонсированных к старту корпусах и новых ЖК превышает текущие темпы продаж и грозит рынку застояванием [7].

В отчете ЦИАН отмечается, что в 2014-2016 гг. это приводило к снижению реальных цен сделок, появлению проблемных ЖК и застройщиков, близких к банкротству, увеличению просроченной задолженности у участников рынка. Несмотря на ухудшение экономической обстановки, число сделок (заключенных ДДУ) растет на протяжении всего 2016 года и находится на рекордных уровнях. Так, в Московской области за 11 месяцев 2016 года зарегистрировано 83 229 ДДУ. В 2015 году в Московской области было заключено около 97 000 ДДУ. Также происходит переток клиентов с вторичного рынка. Еще одним способом привлечения покупателей стал рост доли 1-комнатных квартир, квартир-студий и снижение средних метражей квартир. Это позволило насытить рынок более ликвидными предложениями [7].

Таким образом, данные экспертов свидетельствуют, что в Подмосковье в последние годы складывается достаточно стабильная и благоприятная ситуация для приобретения жилья.

При совершении покупок россияне все чаще пользуются услугами кредитования.

Кредитное (заемное) поведение – это деятельность индивида или домохозяйства, в процессе которой происходит заимствование денежных средств, предполагающее их обязательное последующее возвращение.

По словам Ж. Бодрийяра, «ныне родилась новая мораль: мораль опережающего потребления по отношению к накоплению, мораль убегания вперед, форсированного инвестирования, ускоренного потребления и хронической инфляции (копить деньги становится бессмысленно); отсюда берет начало вся современная система, где вещь сначала покупают, а затем уже выкупают своим трудом» [2, С. 109].

В России каждый год выдается все больше кредитов.

Объединенное Кредитное Бюро представило сводную статистику по всем выданным кредитам за 9 месяцев 2016 года. Так, всего за сентябрь кредитные учреждения России выдали 2,003 млн. новых кредитов общим объемом около 271,03 млрд. руб. В годовом отношении количество выданных займов уменьшилось на 4%, при этом их объемы возросли на 13%. В сентябре 2015 года было выдано 2,084 млн. кредитов на общую сумму 238,40 млрд. руб. Количество новых кредитов, выданных наличными, выросло на 2% за последний год, но сумма выданных денег при этом возросла на 22%. В сентябре 2016 г было выдано 1,36 млн. кредитов наличными на сумму 151,57 млрд. руб. (В 2015 году банки выдали 1,33 млн. кредитов на 124,67 млрд. руб.) [6].

Исходя из всего вышесказанного, можно констатировать, что исследования, посвященные изучению кредитного (заемного) поведения населения, сегодня приобретают особую актуальность.

В ходе данного социологического исследования респондентам был задан вопрос: «Если Вам срочно понадобилась некоторая сумма денег, которой у Вас в данный момент нет, то, что Вы сделаете?». Подавляющее число опрошенных (71,5%) предпочитают в таких ситуациях обращаться за помощью к родственникам и друзьям. И только каждый десятый участник опроса готов взять кредит в банке (11,5%). 17,0% респондентов затруднились ответить на данный вопрос. По полу значительных различий при ответе на данный вопрос не было выявлено. Что касается возраста, то представители старшего поколения чаще готовы брать кредит, чем молодежь. А респонденты до 30 лет больше рассчитывают на помощь родственников и друзей. Интересно отметить, что представители необеспеченных слоев населения чаще берут кредит (14,3%), чем обеспеченные (8,6%). А обращаются к друзьям и знакомым за помощью чаще обеспеченные люди (75,7%), чем необеспеченные (67%).

Следующий вопрос, который был задан респондентам: «Какие у Вас ассоциации со словом «кре-

дит?»). Все названные ассоциации были сгруппированы в несколько блоков, в каждом из которых была выделена эмоциональная доминанта. Более трети участников опроса (39,3%) относятся к кредитам крайне негативно. Среди мужчин больше, чем среди женщин, тех, кто позитивно относится к процедуре кредитования, считая, что это новые возможности для приобретения товаров (11,4% мужчин и 8,4% женщин). У женщин преобладает негативное отношение к кредитованию. В молодежной группе больше тех, кто думает, что брать кредит не выгодно с рациональной точки зрения (18,9%).

Видимо это связано с тем, что респонденты в возрасте до 30 еще недостаточно «крепко стоят на ногах» и их доходы ниже, чем у представителей старшего поколения. Так же молодые люди более позитивно относятся к самой практике кредитования (13,3%), чем более взрослые участники опроса (6,2%). Помимо этого, молодежь чаще демонстрирует нейтральное отношение к понятию «кредит» (16,7% против 12,3%). Представители старшего поколения более негативно относятся к кредитам. Понятие «кредит» чаще в их сознании связано с такими понятиями как «хомут, долговая яма, смерть, страх, рабство, кабала, бремя, зависимость, оковы, ярмо, клетка, пропасть, цепь, ошейник, кандалы, болото, зло, опасность» (44,4%) или «обман, вызывает недоверие, рискованное мероприятие, грабеж, мошенничество».

Около трети респондентов считают, что кредиты – это зло и стараются их не брать, предпочитают занять деньги у знакомых (27,9%). Четверть участников опроса также негативно относится к кредитам, но воспринимает их как вынужденную меру, необходимую для покупки дорогих вещей (24,2%). Респонденты чаще высказывают позитивное отношение к кредитам, если речь идет о покупке действительно дорогих вещей (15,2%) или – о небольших суммах для личных и семейных нужд (7,3%). Только каждый десятый опрошенный положительно воспринимает практику кредитования, полагая, что это норма сегодняшнего времени и весь мир так живет (9,1%).

Среди обеспеченных граждан, по сравнению с необеспеченными, больше тех, кто положительно относится к кредитам и полагает, что кредитование – это нормальное явление, если речь идет о покупке действительно дорогих вещей (21,4% против 11,0%). Среди необеспеченной группы населения больше тех, кто полагает, что кредиты – это зло и лучше их не брать, а занять у знакомых или родственников (30,8%).

Молодое поколение более положительно настроено по отношению к системе кредитования. Среди респондентов в возрасте до 30 лет больше тех, кто считает, что «кредиты – это абсолютно нормально, весь мир так живет» (10%), «кредиты можно брать, если речь идет о небольших суммах для бытовых и семейных нужд» (8,8%), «кредиты можно брать на покупку действительно дорогих вещей» (17,5%).

Большая часть респондентов никогда не брала кредит (59,01%). Самым популярным ответом на вопрос, почему они не брали кредит, был «не было потребности в кредите» (53,2% от тех, кто не брал кредит). Различия по полу в данном вопросе не существенны. Люди старшего возраста чаще берут кредит (61%), чем молодые люди (22,8%). Это может быть связано с тем, что респонденты до 30 лет чаще не имеют постоянного, стабильного заработка. Но, с другой стороны, данные анкетирования показывают, что кредиты чаще берут респонденты из необеспеченных слоев населения, так как видимо денег на проживание и повседневные бытовые нужды не хватает.

Нужды, на которые участники опроса брали кредит, можно представить следующим образом: на приобретение товаров длительного пользования (47,1%); на покупку автомобиля (37,1%); на покупку жилья и недвижимости (30%); на лечение и восстановление здоровья (10%); на развитие собственного дела (8,6%); на проведение отдыха (5,7%); на приобретение дорогих вещей (4,3%). Как видно из приведенного перечня, россияне чаще берут кредиты на товары длительного пользования, в том числе автомобили.

У большей части опрошенных в настоящее время нет непогашенных кредитов (59,5%). Также 83,3% ответили, что у них нет и не было сложностей с исполнением своих кредитных обязательств. По полу различия в данном вопросе не значительные. Большее влияние оказывает такой фактор, как материальное положение респондента. Необеспеченным респондентам чаще приходится брать кредит. И у них чаще возникают сложности с его погашением.

При возникновении трудностей с выплатой долга, россияне предпочитают рассчитывать, в первую очередь, на свои силы (33,1%). Обратятся за помощью к родственникам и друзьям 29,2%. Обратятся в банк с просьбой об изменении условий выплаты кредита (22,3%). Значительных отличий при ответе на данный вопрос не выявлено ни по полу, ни по возрасту. Подавляющее число опрошенных (87%) считают, что невыплата кредита является правонарушением.

В ходе исследования также было выявлено отношение жителей Московской области к долгам. Было показано, что в основном респонденты дают деньги в долг, но соблюдая при этом определенные условия: 42,68% респондентов дают в долг только, если сами располагают достаточными средствами и 39,02% дают

в долг только близким людям. Если же должник не отдает долг в положенное время, то треть респондентов напомнит ему об этом, только если самим очень понадобятся деньги (36,59%). 28,05% опрошенных обязательно напомнят и 21,34% жителей Подмоскovie напомнят только, если речь идет о большой сумме. Таким образом, можно видеть, что строго в срок требовать погашения долга у россиян не принято. Женщины (10,3%), в отличие от мужчин (4,5%), в два раза чаще дают в долг, когда об этом их кто-либо просит не зависимо от ситуации. Мужчины чаще дают в долг, если сами в этот момент располагают достаточной суммой денег (46,3%). Среди женщин таких – 40,2%. Женщины чаще всего дают в долг только близким людям (42,3%), в отличие от мужчин (34,3%). У мужчин в два раза больше тех, кто никогда не дает в долг, чем у женщин (10,4% против 5,2%). И только среди мужчин есть люди, дающие в долг под процент (1,5%). Мужчины чаще обязательно напоминают должнику о том, что надо вернуть долг (34,3%), таких женщин – только 23,7%. Если речь идет о большой сумме, напомнят 20,9% мужчин и 21,6% женщин. Если самим очень понадобятся деньги, то напомнят 43,3% женщин и 26,9% мужчин. Никогда не будут напоминать должнику о необходимости возврата денег 11,9% мужчин и 7,2% женщин. Возраст респондентов не оказывает значительного влияния на принятие решения о том, давать ли деньги в долг. Значительных отличий в ответах респондентов до 30 лет и старше не выявлено. Также нет существенных отличий в ответах на этот вопрос обеспеченных и не обеспеченных участников опроса.

Подводя итоги, можно сказать, что у россиян постепенно формируются определенные паттерны социально-экономического поведения, которые во многом определяются социально-демографическими факторами, такими как пол, возраст, уровень материального благополучия.

Литература

1. А если без интернета?! // ВЦИОМ / Пресс-выпуск № 3346. 07.04.2017. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116148> (дата обращения: 20.04.2017 г.).
2. Алиева, И.А. Финансовое поведение населения: теоретический аспект // Вестник КРСУ. 2016. Том. 16. № 2. С. 107-109.
3. Лапшинова К.В., Ваденкова В.Н. Принципы распределения домашнего труда между супругами в современной городской семье // Социально-гуманитарные технологии. 2016. № 2. С. 36-42.
4. Лапшинова К.В., Подольская А.А. Потребительское поведение современных россиян // Социально-гуманитарные технологии. 2016. № 2. С. 86-92.
5. Лапшинова К.В., Чернышова А.Г. Экономическая грамотность россиян и их оценка экономической ситуации в стране // Вопросы региональной экономики. 2017. Т. 31. № 2. С. 46-53.
6. ОБК представило статистику по кредитам за 2016 год // За кредитом.ru. Все о кредитовании в России. http://www.zacreditom.ru/statistika_po_kreditam_za_2016 (дата обращения: 22.04.2017 г.).
7. Рынок новостроек Московского региона. Итоги 2016 года. // Realty.dmir.ru. Недвижимость и цены. <http://realty.dmir.ru/articles/37771/> (дата обращения: 21.04.2017 г.).
8. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 600. «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг». // Информационно-правовое обеспечение Гарант. <http://base.garant.ru/70170944/#friends> (дата обращения: 20.04.2017 г.).

УДК 316

ПЛАНИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПРЕДПРИЯТИЯ

М.А. Ткалич, аспирантка третьего года обучения направления подготовки «Социология»,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области «Технологический университет» («МГОТУ»),
г. Королёв, Московская область

В статье исследуется планирование социальных процессов как важнейшей части стратегического развития и социальной политики предприятия. Автор проводит анализ научной зарубежной и отечественной литературы по исследуемой проблеме, а также рассматривает общеметодические аспекты планирования.

Планирование на предприятии, планирование социальных процессов, социальное планирование, социальная политика.

PLANNING SOCIAL PROCESSES AS AN INTEGRAL PART OF SOCIAL POLICY OF THE ENTERPRISE

M.A. Tkalic, graduate student third year of «Sociology»,
State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «University of Technology» («UNITECH»),
Korolev, Moscow Region

The article examines the planning of social processes as the most important part of the strategic development and social policy of the enterprise. The author analyzes the scientific foreign and domestic literature on the problem under study, and considers the General methodological aspects of planning.

Planning at the enterprise, planning of social processes, social planning, social policy.

В условиях нарастающих тенденций глобализации резко возрастает неопределенность в будущем поведении объектов управления, увеличивается цена ошибок управленческих решений. Тем самым возрастает роль плановой деятельности как одного из способов минимизировать возникновения рисков в будущем. Успешная работа предприятия в кризисных ситуациях и при нестабильной экономико-политической конъюнктуре, главным образом, зависит от системности антикризисных мер. Одним из основных факторов улучшения результатов предприятия, по мнению В.П. Савчук, является повышение производительности труда, причем, не за счет оптимизации технологических процессов, а благодаря совершенствованию социальных процессов, которые в большинстве своем имеют значительный резерв для развития [13]. Поэтому анализ и планирование социальных процессов способствует поддержанию стабильного развития предприятия в целом. В настоящее время проблема формирования социальной политики предприятия на основе планирования социальных процессов, становится одним из главных объектов социологического исследования [4-9].

Необходимо заметить, что планирование является привычной нормой для любой предпринимательской деятельности и носит необходимый характер для возможности предвидеть ситуации, которые могут произойти в будущем, а также для большей вероятности достижения поставленных целей. Поскольку сам процесс планирования связан, прежде всего, с анализом и последующим принятием решений, возникает очевидная необходимость в тщательной его проработке, затрате времени и трудовых усилий. К сожалению, время, в отличие от других ресурсов – невосполнимый ресурс, и, зачастую, более дорогостоящий, поскольку, в итоге влечет за собой значительные экономические потери.

На сегодняшний день важнейшими проблемами, с которыми сталкивается государство как главный субъект управления, является нестабильность, сложность планирования и трудно осуществляемый контроль социальных процессов, происходящих в обществе. Тяжесть экономического кризиса, санкции и информационные войны влекут за собой сложно решаемые социальные проблемы: рост безработицы, сниже-

ние доходов населения, и как следствие, – уровня жизни, ухудшение как физического, так и нравственного здоровья людей. Планирование социальных процессов помогает не только решать данные проблемы заблаговременно, но и исключает возможность их возникновения, предотвращая социальные девиации. Можно, тем самым, отметить, что на макроуровне субъектом планирования социальных процессов выступает само государство, а объектом – его население. Объектом же планирования социальных процессов может стать индивид, включенный в социальные взаимоотношения, исторически сформированные, соответствующие его потребностям, ценностным ориентирам, мотивам, установкам, и выполняющий определенную социальную роль в рассматриваемой социальной системе (организации, профсоюзе, трудовом коллективе).

Уже к концу XIX века планирование не казалось неординарным методом управления, а являлось полноценным и общепризнанным способом решения социальных и экономических проблем. К середине XX века концепция социального планирования приобрела некоторую популярность, а с конца 70-х – начала 80-х гг. проблема планирования становится одной из наиболее практикуемых частей стратегической программы развития предприятия. Надо так же отметить, что в СССР планирование социальных процессов изначально находило свое отражение в социальном планировании и заметных различий не отмечалось, в то время, как западное восприятие понятия социального планирования относилось больше к управлению в масштабах страны. Сам термин «социальное планирование» был впервые употреблен еще Ф. Рузвельтом при описании экономической реформистской политики «нового курса», программы которого, по мнению автора, должны были вывести США из Великой депрессии 30-х годов XX века [18]. В настоящее время термин социальное планирование используется в связи с проблемой обеспечения социальной защиты населения и включен в методы осуществления социальной политики. Европейские страны не выделяют само планирование как обособленный предмет, поскольку на предприятии он в качестве одной из функций уже по умолчанию включен в менеджмент.

Свое исследование планирования на предприятии французский философ и промышленный деятель Анри Сен-Симон начал еще в XV в., когда во Франции на смену феодальному строю пришел индустриализм. По мнению Сен-Симона, построение более развитого общества должно происходить через всестороннее развитие промышленно-производственных сил. Так же, философ создает школу утопического социализма и говорит о необходимости разработки «промышленной системы», в которой будет осуществляться планирование на всех уровнях: государственном, отраслевом и производственном.

Французский философ, приверженец утопического социализма Ф. Фурье одной из причин, парализующей развитие промышленного предприятия, считал рабочую силу, не заинтересованную в своем труде и выгоде для всего предприятия в целом. Таким образом, еще в начале XIX века французский философ осознавал важность для предприятия социальных процессов.

Один из первых социальных реформаторов, английский философ и социалист Роберт Оуэн был основоположником и разработчиком первых принципов управления персоналом. Им было предложено подбирать персонал на основе оценочного теста на выявление способностей, подходящих для определенного рода работы. Нужно отметить, что осознание Р. Оуэном необходимости вложений в человеческий труд, а так же планирование и стимулирование его деятельности явилось для того времени новаторским решением.

Американский исследователь Хобарт Э. Берч в своей книге «Basic Social Policy and Planning: Strategies and Practice Methods» обозначил планирование как активную деятельность по изменению вещей, решению проблем и использованию возможностей. Автор так же отмечает, что планирование не может быть конечным продуктом управленческой деятельности, поскольку в план возможно внесение изменений и корректировок [17]. Сам Хобарт Э. Берч опирается в книге на определение планирования, данное Гарольдом Кунцем и Кирилом О'Доннелом, которые утверждали, что планирование – это осознанное определение курса действий, в основе которого лежат цели, факты и продуманная смета расходов, а плановая деятельность является, своего рода, мостом, проводимым от места, где находится компания, до того пункта, к которому она стремится в будущем [16].

В нашей стране наибольшую популярность планирование приобрело в 70-80-х гг. XX в. Именно в это время появляется интерес к теоретической и практической значимости социального планирования. Следует отметить, что потребность в планировании социальных процессов отмечал еще В.И. Ленин, поставив задачу «провести в жизнь наш план экономического и социального строительства» [10, с. 352].

В нашей стране одним из основных разработчиков теории социального планирования, а также методологии социологических исследований являлся В.Я. Ельмеев. В своих трудах он отмечал, что потребность в планировании, как в обособленном методе управления появилось из-за необходимости создания развитого социалистического общества, а важнейшим условием эффективности работы предприятия явля-

лось не увеличение прибыли, а оптимизация рабочего времени и затрат на труд [2]. То есть, в советские годы приоритетной целью социального плана было удовлетворение потребностей людей, развитие личности и общества в целом. Еще в 1965 году В.Я. Ельмеев, совместно с В.Р. Полозовым, Б.Р. Рященко и В.И. Кателкиным обосновали необходимость планирования социальных коллективов и выдвинул предложение по планированию не только экономического развития страны, но и социального. Значительную роль в развитии социального планирования в СССР сыграла экономическая реформа 1965 г., вследствие которой на предприятиях начали образовываться фонды социального развития [3].

На XXIV съезде КПСС было объявлено, что на уровень развития производства существенное влияние оказывает социально-политическое преобразование, т.е. улучшение благосостояния трудового коллектива. В связи с этим была обоснована необходимость в тщательной проработке планирования социальных процессов. Первые разработанные показатели социального развития можно увидеть в «Типовой методике разработки пятилетнего плана промышленного предприятия на 1971-1975» [12]. Такими показателями являлись: повышение квалификационного, профессионально-технического уровня работника; обеспечение работников жильем, улучшение их материальных условий; предоставление работникам предприятия путевок в санатории, места отдыха и лечения. С 80-х годов XX века начинается разработка показателей планирования и стимулирования труда.

В.Я. Ельмеев так же говорил о том, что социальное планирование должно опираться на опыт экономического планирования, поскольку лишь экономическая наука до 70-ых годов занималась планированием. Нужно отметить, что некоторые экономические принципы и методы планирования все же могут быть применены и к планированию социальных процессов. Главным методологическим базисом планирования на предприятии В.Я. Ельмеев считал теорию научного коммунизма и исторического материализма, основные принципы, которые частично описаны в труде К. Маркса «Капитал», где значимую роль автор отдавал производственным силам, общественным отношениям и их развитиям [11].

Серьезный вклад в изучение методологических основ анализа социального планирования, прогнозирования и проектирования внес Ж.Т. Тощенко. Первоначально социологические исследования им проводились на промышленных предприятиях Сибири. Ж.Т. Тощенко не остановился на теоретическом описании методологии, но и разработал один из первых планов развития трудового коллектива на заводе «Пролетарский труд» на Красной Пресне. В своих работах ученый отмечал, что долгое время ведущим методом планирования являлся балансовый, который возник как способ обеспечения связей между потребностями общества и его возможностями при ограниченности ресурсов [14]. В настоящее время на первый план выходят методы, связанные с существованием рыночных отношений, когда особенно важно видеть социальные последствия принимаемых решений, уметь согласовывать интересы всех участников преобразований, предоставив им благоприятные условия для проявления творческой активности.

Необходимо отметить, что социальное планирование в Советском Союзе отождествлялось с планированием социальных процессов, поскольку плановая экономика позволяла не считаться с социальной средой, которая уже была предопределена [2]. Но, после распада СССР, с 90-ых годов XX века, предприятия столкнулись с проблемой социально-экономической нестабильности. Компаниям пришлось подстраиваться под новую рыночную среду. С этого времени общество адаптируется к рыночной экономике, пытаясь максимизировать рентабельность и прибыльность предприятия через внутрифирменные улучшения и модернизацию. Активизируются экономисты, пытаясь переработать подходы и методики планирования, разработанные советскими учеными.

Так, доктор экономических наук С.В. Шманев считает, что, с точки зрения формализации, планирование представляет собой алгоритмизированный процесс подготовки решений [15]. Планирование можно рассматривать с нескольких позиций: организационно-технической и социально-экономической. Методики планирования и уровень модернизации средств труда определяют степень организационно-технической стороны предприятия, а уровень развития социально-экономической стороны выявляют условия труда и удовлетворенность своей работой сотрудниками предприятия. По мнению С.В. Шманева, планирование является неотъемлемым фактором повышения производительности и интенсивности труда на предприятии.

Ведущий отечественный экономист В.А. Горемыкин полагает, что планирование на предприятии подразумевает под собой сложный, многоуровневый процесс, в котором происходит разработка мероприятий, основанных на проанализированной информации, а так же контроль и корректировка плана в процессе реализации [1]. Поэтому, основными общеметодическими аспектами планирования социальных процессов на предприятии могут являться:

- согласованность и унификация мнений специалистов на предприятии. Для успешной координации действий членов коллектива составляется план, руководясь которым, специалисты каждого подразделения могут узнать основные цели и задачи руководящего звена;
- актуализация продукции и совершенствование технологий предприятия. Именно гибкая система производства позволяет работать предприятию успешно;
- сокращение издержек и рациональное использование имеющихся ресурсов;
- сокращение затрат и повышение рентабельности деятельности предприятия. Неотъемлемую часть для производства на предприятии представляют затраты, капитальные вложения и их рентабельность.
- реализуемость и обоснованность плана. Необходимо отметить, что обоснованность плана, расчетных оценок, графика задач, а так же их реализуемость является необходимым требованием для финансирования социально-экономических процессов;
- оперативное вмешательство и возможность корректировки плана. Оперативное планирование позволяет за короткий срок и эффективно реагировать на изменяющуюся внешнюю среду, а так же для предотвращения нежелательных последствий возникшей ситуации;
- преемственность в работе в случае изменения состава исполнителей. Непрерывное изменение состава исполнителей, а также изменения в составе руководства. Существование плана обеспечивает преемственность в работе по реализации целей организации.

Таким образом, планирование социальных процессов на предприятии представляет собой совокупность средств и методов планомерного управления социальными процессами, происходящими на предприятии контроля за ними. Социальная политика предприятия строится на основе планирования социальных процессов, которое позволяет выявлять основные проблемы и оперативно их устранять.

Литература

1. Горемыкин В. А. Планирование на предприятии. Учебник и практикум: учебник для бакалавров / В. А. Горемыкин. 9-е изд., перераб. и доп // М.: Издательство Юрайт. 2014. 857 с.
2. Ельмеев В.Я. Методологические основы планирования социального развития // М.: Мысль. 1974. 165 с.
3. Ельмеев В.Я., Полозов В.Р., Рященко Б.Р. Коммунизм и преодоление разделения между умственным и физическим трудом // Л.: : Изд-во Ленингр. ун-та. 1965. 144 с..
4. Кирилина Т.Ю. Методика диагностики социальной сплоченности на региональном уровне// Социальная политика и социология. 2013. № 4-2 (97). С. 43-51.
5. Кирилина Т.Ю. Нравственные аспекты модернизации современного российского общества //Вестник Московского государственного университета леса Лесной вестник. 2011. № 2. С. 175-179.
6. Кирилина Т.Ю. Предпосылки формирования социальной политики, основанной на социальной сплоченности // Материалы Ивановских чтений. 2015. № 5. С. 142-146.
7. Кирилина Т.Ю. Социальное управление нравственными процессами в современном российском обществе. Материалы Афанасьевских чтений. 2014. № 1. С. 39-43.
8. Кирилина Т.Ю., Антоненко В.И., Бузмакова Т.И., Татарова С.Ю., Татаров В.Б. Концепции гражданского общества и правового государства как развитие теории социальной сплоченности. В книге: Социально-гуманитарное знание как ресурс формирования гражданского общества в России. Кирилина Т.Ю., Флорья В.М., Антоненко В.И., Архипова Т.Н., Афонин И.Д., Бузмакова Т.И. и др. коллективная монография. // ГБОУ ВО "Технологический университет". Королев. 2015. С. 7-41.
9. Кирилина Т.Ю., Бузмакова, Лапшинова К.В., Антоненко В.И. Эволюция развития социальной политики, основанной на социальной сплоченности (статья). Русский космизм: история и современность // Сборник трудов научной конференции 22 апреля 2015 года / Под общ. Научн. Ред. Смирнова В.А. // М. Изд-во « Научный консультант». 2015 г. С. 112-131.
10. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. т. 45. 729 с.
11. Маркс К. Капитал / под ред. Г.М. Преображенский // Спб.: ИГ Лениздат. 2018. 512 с.
12. Материалы XXIV съезда КПСС // Изд-во полит. лит-ры. 1973. 319 с.
13. Савчук В. П. Стратегия + Финансы: базовые знания для руководителей / В. П. Савчук. 2-е изд. (эл.) // М.: БИНОМ. Лаборатория знаний. 2012. 302 с.
14. Тощенко Ж.Т. Социальное планирование // Красноярское книжное издательство. 1971. 312 с.
15. Шманев С.В. Планирование и прогнозирование: учебное пособие // Орел: ОрелГУЭТ. 2017. 235 с.

16. Harold Koontz, Cyril O'Donnell. Principles of Management: An Analysis of Managerial Functions. McGraw-Hill. 1972 748 p.
17. Hobart A. Burch. Basic Social Policy and Planning: Strategies and Practice Methods. Routledge. 2012. 358 p.
18. Rosen E.A. Roosevelt, the Great Depression, and the Economics of Recovery // University of Virginia Press. 2007. 288 p.

УДК 159.9.072

КОНЦЕПЦИЯ РАЗРАБОТКИ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО РЕЗЕРВА

Н.И. Басманова, к.п.н., доцент, зав.кафедрой прикладной психологии,
М.В. Капранова, к.п.н., доцент, доцент кафедры прикладной психологии,
 Государственное бюджетное образовательное учреждение
 высшего образования Московской области «Технологический университет»,
 городской округ Королёв, «МГОТУ»

Статья посвящена обсуждению проблемы прогнозирования успешной управленческой деятельности. В качестве наиважнейшего фактора успешности управления авторы рассматривают профессионально-значимые личностные качества и типологические свойства субъектов управления. Материалы статьи позволяют рассмотреть применение системы психодиагностики управленческого резерва комплексно. Материал может быть полезен преподавателям, специалистам служб занятости, бизнес-консультирования, кадрового менеджмента.

Управленческая деятельность, социально-психологическая диагностика, личность руководителя, кадровый резерв.

THE CONCEPT OF DEVELOPING A SYSTEM OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL DIAGNOSIS FOR MANAGEMENT RESERVES

N.I. Basmanova, PhD, Head of the Department of Applied Psychology,
M.V. Kapranova, PhD, associate professor of the Department of Applied Psychology,
 State Educational Institution of Higher Education Moscow Region
 «University of Technology», UNITECH, Korolev

The article is devoted to the discussion of the problem of forecasting successful managerial activity. As the most important factor in the success of management, the authors consider the professionally significant personal qualities and typological properties of the subjects of management. The materials of the article allow us to consider the application of the psychodiagnostic system in the complex solution of the problem of forming personnel reserve. The material can be useful for teachers, specialists of employment services, business consultants, HR managers.

Administrative activity, socio-psychological diagnostics, personality of the head, personnel reserve.

Управленческая деятельность предъявляет субъекту ее реализации целый ряд специфических требований, связанных с ее стрессогенностью, значительными информационными нагрузками, коммуникативным контекстом, высоким уровнем социальной ответственности, полифункциональностью и пр. В связи с этим эффективность управления значительно зависит от личностных ресурсов руководителя, исследование которых представляет как научный, так и практический интерес.

Несмотря на давние научные традиции изучения психологических феноменов руководства, перед современными исследователями лидерства встают новые проблемы, диктуемые многими факторами, в том числе требованиями «эпохи сетевых взаимодействий», мультикультуральной интеграцией, скачкообразными темпами развития бизнеса, макроэкономическими проблемами и многими другими. Это приводит к тому, что интерес к исследованию лидерства не снижается, но, наоборот, все более обостряется [1,2,4]. На уровне конкретных организаций соответствующие исследования подразумевают анализ факторов успешности управленческой деятельности, выявление критериев социально-психологического прогнозирования развития эффективного руководства и оценку возможности самосовершенствования субъектов осуществления лидерских функций. Особенно остро вопрос о потенциале развития будущего руководителя стоит при формировании кадрового резерва, которое обязательно включает оценку личностной готовности к управленческой деятельности. Именно на стадии принятия кадрового решения необходимо уделять пристальное внимание типологическим свойствам личности, базовым чертам характера, особенностям мотивационных структур личности,

это открывает возможности для своевременного предотвращения негативных тенденций как в организационном, так и профессионально-личностном развитии [3].

В настоящее время силами Института дополнительного образования и кафедры прикладной психологии МГОУ разработана и апробирована система социально-психологической диагностики кадрового резерва. Социально-психологическая диагностика охватила выборку общим количеством 104 человека. Все респонденты составляют управленческий резерв кадров в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Целью проведенной работы стала оценка профессионально-значимых личностных качеств и типологических свойств у субъектов, составляющих кадровый резерв.

Для достижения данной цели реализованы следующие задачи исследования:

1. Определить профессионально-психологические типы личности, включающие многомерные характеристики психологического статуса респондентов;
2. Выполнить анализ фундаментальных факторов структуры личности, имеющих принципиальное значение для реализации управленческой деятельности;
3. Оценить соответствие мотивационных типов опрашиваемых респондентов управленческой должности.

Для решения обозначенных задач процедура работы поделена на следующие этапы:

1. Организационный этап (уточнение критериев диагностики; разработка психодиагностического инструментария; материала и т.п.);
2. Этап проведения социально-психологического тестирования;
3. Этап обработки и анализа полученных данных.

Для формулирования итогового заключения по результатам социально-психологической диагностики профессионально-значимых качеств личности руководителей и вывода по прогнозу успешности потенциального становления субъекта управленческой деятельности применен факторно-концептуальный подход, отражающий принятые в психологии управления представления о структуре психики руководителя в преломлении к профессиональной деятельности. При этом принят во внимание факт, что изучение профессионально-значимых качеств личности может быть в данном случае направлено на исследование психологического лидерского потенциала и не связано с показателями специальной профессиональной компетентности, уровнем обученности, опытом респондентов и т.п. Конечной целью изучения психологического лидерского потенциала является прогноз эффективности становления профессионала управленческой деятельности, которая может иметь как внешние критерии, выражаемые в объективных результатах деятельности управленца, так и внутренние, связанные с психологическим благополучием личности и устойчивостью к неравновесным факторам среды. В оптимальном варианте человек, рекомендуемый на управленческую должность, должен не только внешне демонстрировать соответствие идеальному лидерскому портрету, но и иметь внутренние резервы психического совладания с факторами, провоцирующими личностные деформации и психическое выгорание.

Следует отметить, что для каждого вида профессии существует своя система психологических критериев эффективности деятельности, которая детерминируется доминирующими признаками, компенсаторными механизмами, требованиями к психической надежности, наличию нормативов труда и т.д. Потенциал лидерства в профессиональной среде может быть рассмотрен как сочетание критериев волевой устойчивости, ответственности, деловой настойчивости, с одной стороны, с другой, – ориентации на социальную проблематику деятельности и психологической готовности к решению задач социального взаимодействия и, с третьей, – мотивационными тенденциями личности, соответствующими уровню карьерного продвижения.

Для оценки обсуждаемого лидерского потенциала в соответствии с поставленными задачами проанализированы 14 возможных типов личности, предложенные классификацией Дж. Олдхэма и М. Моррис. По словам авторов, тип личности – это «организующий принцип, толкающий по жизненной колее, вносящий коррективы в окружение, в мысли и чувства, в поведение...» [5]. Основная задача классификации Дж. Олдхэма и М. Моррис – описать в первую очередь, нормальные типы личности, которые при крайней выраженности превращаются в расстройства. В качестве главных критериев нормального функционирования личности авторы рассматривают продуктивную приносящую удовлетворение жизнь, приспособляемость, разнообразие форм поведения и адаптируемость. В контексте профессиональной направленности все анализируемые типы поделены на три группы:

- Типы, способствующие реализации управленческих функций;
- Типы, затрудняющие реализацию управленческих функций;

- Сопровождающие типы (которые в сочетании с другими особенностями личности и ситуации могут как способствовать, так и затруднять реализацию управленческих функций)

Типы, способствующие реализации управленческих функций:

1. Добросовестный тип. Обладает хорошей адаптацией к решению разных профессиональных задач. Готов к упорному труду, не боится большой работы. Обладает высокой обязательностью, преданностью. Имеет строгую систему моральных норм. Часто выступает хорошим систематизатором и организатором. Для профессиональной диагностики этот тип часто является наиболее предпочтительным.

2. Самоуверенный тип. Обладает яркой целеустремленностью. Знает, чего хочет, и старается добиваться этого. Амбиции высокие, твердо уверен в своих возможностях реализовать их. Многие из них имеют талант привлекать других к выполнению поставленной задачи. Они экстраверты и активные политики, прекрасно знают, как работать с массами, как и куда их вести. Это тип неформального лидера.

3. Деятельный тип. Такой человек не может сидеть на месте и не дает этого другим. Он всегда в поиске новых возможностей, впечатлений, новых стилей и т.д. Эмоционален, энергичен, активен, творчески оживлен. В случае неудачи готов отступить и найти новые решения. Направлен на людей и социальное общение, своей активностью может заряжать других людей.

4. Серьезный (реалистический) тип. Прямой человек, сохраняющий трезвый взгляд на вещи при любых обстоятельствах. Не проявляет эмоций. Реально оценивает себя, свои возможности, так же склонен оценивать и других. Все подвергает анализу и оцениванию. Хорошо обдумывает прежде, чем что-то сделать. Ответственен. Оказывается хорошо приспособленным к любым сложным ситуациям, в том числе связанным с решением управленческих задач.

5. Агрессивный тип. Очень целенаправлен, проявляет прагматичный подход по достижению своих целей. Активно стремится к лидерству. Обладает волевой сильной личностью. Может возлагать на себя любую ответственность, не опасаясь краха. Такой человек принимает власть и никогда не уклоняется от борьбы. Всегда готов к конкуренции. Прекрасно показывает себя в пределах определенной иерархической структуры власти.

Типы, затрудняющие реализацию управленческих функций:

1. Преданный тип. Готов работать в интересах других людей, ориентирован на команду. Человек контактный, открытый, легко полагается на мнение других людей. Нуждается в поддержке и проявлениях симпатии к нему. Сложно реализует управленческие функции, связанные с принятием единоначального решения и социальной критикой.

2. Чувствительный тип. Комфортно чувствует себя только с хорошо знакомыми людьми, ценит дружеские отношения. Избегает широких социальных пространств. Зависим от социальных оценок, опасается критики, неодобрения и отвержения. Отказывается от риска, а также от любых новых мероприятий. Плохо себя чувствует в ситуациях социальной напряженности, неопределенности или информационной избыточности.

3. Праздный тип. Ориентирован, в первую очередь, на собственные интересы, достижение личной свободы и счастья. Такой человек готов выполнять свои профессиональные обязанности, только если они не занимают его личное свободное время. Трудовые функции выполняет в пределах того, чего от него ожидают, и не более. От других ожидает, чтобы этот предел уважали. В противном случае может впасть в неповиновение, сменяющееся на раскаяние. Имеет высокие требования к условиям работы, часто полагается на удачу.

4. Авантюрный тип. Такой человек не боится совершать опасные шаги, готов к участию в самых опасных предприятиях. Смелый, энергичный. Имеет свою собственную систему ценностей, которая может отличаться от общепринятой. Не слишком волнуется о других и считает, что каждый сам может о себе позаботиться. Искусен в общении, прекрасно умеет приобретать друзей и влиять на людей. Не может строить отдаленные планы и действовать по ним, живет одним днем, импульсивен. Неспособен выдерживать определенный режим работы.

5. Идеосинкратический тип. Оригинальный, эксцентричный человек, сильно отличающийся от других. Настроен на самого себя, свои мысли и убеждения, независимо от того, принимают или отвергают такой подход к жизни окружающие. Часто имеет очень ограниченный круг близких людей. Создает свой

собственный неповторимый стиль жизни. Проявляет склонность к абстрактным размышлениям. Низкая готовность к практической деятельности.

6. Тип отшельника. Такой человек предпочитает уединение, готов к социальной изоляции. Эмоционально беспристрастен, спокоен, равнодушен как к критике, так и похвале. Имеет узкий круг увлечений. Абсолютно не заинтересован в социальных статусах и достижениях.

7. Альтруистический тип. Исполнительский тип, желательный в деловых отношениях: честный, общительный, этичный. Ориентирован на потребности других людей. Не стремится к конкуренции, не честолюбив, не заинтересован во внимании к себе. Отклоняет или делает неэффективными попытки других в чем-либо помочь. Склонен к снижению настроению. Хорошо выступает на вторых ролях.

Сопровождающие типы (которые в сочетании с другими чертами могут как способствовать, так и затруднять реализацию управленческих функций):

1. Бдительный тип. Внутренне независимый человек, полагающийся только на себя. Очень осторожен в отношениях с людьми. Внимателен к окружающей среде до деталей, чувствителен к ошибкам, искажениям информации, утаиванию. Часто выступает в роли социального критика.

2. Драматический тип. Яркий, привлекающий внимание к себе человек с повышенной эмоциональностью, быстро реагирующий на происходящее. Часто обладает богатым воображением и красноречием. Легко заражается какой-либо идеей, становясь ее активным реализатором, однако так же быстро может охладеть к ней. Характерны мгновенные смены настроений.

Далее, согласно поставленным задачам, выполнен анализ фундаментальных факторов структуры личности, имеющих принципиальное значение для реализации управленческой деятельности. В основу изучения положены так называемые факторы «большой пятерки», показывающие высокую конвергентную валидность вне зависимости от методологического подхода исследования. «Большая пятерка» традиционно используется в контексте профессиональной оценки для прогнозирования потенциальной успешности, изучения возможностей личности устанавливать межличностные контакты, выявления адаптационных ресурсов. В ходе адаптации модели «большой пятерки» к российской популяции получены следующие дефиниции:

- Экстраверсия – склонность человека к социальным контактам, проявляющаяся в коммуникабельности, социальной активности, ориентацией на внешнее окружение.
- Привязанность – позитивное отношение человека к людям, направленность на коллективные цели.
- Контролирование – волевая регуляция поведения, выражаемая такими чертами личности как добросовестность, ответственность, обязательность, точность и аккуратность в делах.
- Эмоциональная устойчивость как проявление самодостаточности, уверенности в своих силах, эмоциональной зрелости, спокойствия, постоянства планов и привязанностей.
- Практичность, выражаемая в реалистичности жизненных целей и хорошей адаптированности к различным ситуациям.

Для оценки соответствия мотивации опрашиваемых респондентов управленческой должности использована типологическая модель В.И. Герчикова. Валидность использования данного подхода подтверждается тем, что его целевая база разработки принципиально ориентирована для решения управленческих задач. Модель предполагает анализ относительно стабильных типов трудовой мотивации – инструментального, профессионального, патриотического, хозяйского, избегательного (люмпенизированного).

Соотношение указанных типов позволяет определить мотивационную структуру у отдельного работника и сделать выводы о возможностях мотивирующего влияния на него различных стимулов, в том числе связанных с карьерным продвижением.

В соответствии с представлениями о базовых и применимых формах стимулирования для каждого мотивационного типа, выявляемые типы мотивации проранжированы в зависимости от степени привлекательности для каждого их них стимулирующих средств в форме привлечения к управленческим функциям. В результате был получен следующий ранжированный ряд мотивационных типов.

1. Хозяйский тип мотивации;
2. Профессиональный и патриотический типы мотивации;
3. Инструментальный тип мотивации;
4. Люмпенизированный тип мотивации.

Таким образом, на первом этапе работы по организации социально-психологического тестирования управленческого резерва выделены концептуальные критерии диагностики. Обоснованный анализ выявленных критериев может быть произведен в случае полного соответствия диагностической технологии требованиям стандартизации, эмпиричности, валидности, надежности, прогностичности и экономичности. С учетом данного требования перечисленные критерии подлежат операционализации и дальнейшему анализу посредством метода стандартизированного тестирования, который реализован на основании следующих социально-психологических инструментов:

1. Методика Олдхэма-Морриса «Тип личности». При работе с методикой используется системный принцип, предложенный Л.Моррис, согласно которому результаты анализируются таким образом, чтобы среди них выделялись отдельно высокие показатели – «вершина айсберга», а остальные скрывались «под воду». Опросник разработан на основе диагностического и статистического руководства Американской психиатрической ассоциации для определения различных типов личности и адаптирован для российской популяции. Опросник успешно прошел проверку в системах как коммерческих, так и бюджетных учреждений, обладает признаками валидности и надежности.

2. Опросник личности «Большая пятерка». Тест самооценивания, сконструированный на основе высказываний о характерном для человека поведении в типичных жизненных ситуациях, позволяет анализировать наиболее яркие его личностные черты. Методика адаптирована и неоднократно апробирована в отечественных условиях социальной среды.

3. Тест МоТуре. Основывается на оригинальной концепции В.И. Герчикова, сформулированной для практики отечественного управления. Тест позволяет соотносить мотивационных типов как у отдельного работника, так и у любой группы персонала. Методика позволяет высказать предположения о соответствии внутренних установок человека той должности, которую он занимает, и предложить адекватную систему стимулирования.

Таким образом, можно заключить, что для организации социально-психологического тестирования создана диагностическая база, отвечающая как концептуальной валидности, так и психометрическим критериям объективности. Предложенная процедура обладает признаками высокой стандартизации условий проведения и обработки данных.

Следует отметить, что успешности внедрения разработанной системы социально-психологической диагностики будут способствовать также дальнейшее проведение психологического мониторинга профессионально-значимых состояний субъектов управленческой деятельности, разработка и апробация автоматизированной системы диагностического и обучающего обеспечения с целью психологического сопровождения профессионального становления руководителей.

Результатом проведенной работы на сегодня является научно обоснованная и эмпирически апробированная на релевантной выборке система социально-психологической диагностики, отвечающая современным требованиям социально-экономической среды. Обоснованность исследовательских процедур подтверждается также применением методов математической статистики, используемых в итоговом анализе результатов, а также сочетанием качественного и количественного подходов в процессе интерпретации данных.

В заключении можно отметить, что результаты работы носят не только научно-методологический характер, но и являются практико-ориентированными, поскольку они обнаруживают перспективы профессионального и личностного развития будущих управленцев, выявляют психологические препятствия успешному освоению профессиональной среды и будущего профессионального развития.

Литература

1. Базаров Т. Ю. Психология управления персоналом. Теория и практика: учебник для бакалавров / Т. Ю. Базаров // М.: Издательство Юрайт. 2014. 381 с.
2. Базаров Т.Ю. Технология центров оценки для государственных служащих. Проблема конкурсного отбора // М.: ИПК ГС. 1995.
3. Базаров Т.Ю., Беков Х.А., Аксенова Е.А. Методы оценки управленческого персонала государственных и коммерческих структур // М.: ИПК ГС. 1995.
4. Захарова Л.Н., Степасюк Е.В., Гришина М.С. Использование тест-опросников и укрепление управленческих иллюзий // Психология бизнеса: Москва-Питер. СПб. 2003. С.93-95.

5. Олдхэм Дж., Моррис М. Узнай себя. Автопортрет вашей личности / Дж. Олдхэм, М. Моррис // М.: Вече. Рипол Классик. 1997. 544 с.

УДК: 159.99

К ВОПРОСУ О ПРОФИЛАКТИКЕ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ**Ю.С. Блинова**, ведущий психолог учебно-научной лаборатории психологии при кафедре прикладной психологии,**Д.В. Ластовенко**, психолог учебно-научной лаборатории психологии при кафедре прикладной психологии,**Т.В. Точилина**, заведующий учебно-научной лабораторией психологии при кафедре прикладной психологии,

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области

«Технологический университет», г. Королев, Московская область

Статья посвящена рассмотрению вопроса молодежного экстремизма. Обозначены подходы к определению сущности экстремизма, рассмотрены особенности личности, влияющие на предрасположенность к экстремистской деятельности. Отмечаются основные современные методы профилактики и борьбы с проявлениями экстремизма в молодежной среде, а также даны рекомендации по систематизации и повышению эффективности профилактической работы среди молодежи.

Экстремизм, молодежь, личность экстремиста, профилактика, образование.

TO THE QUESTION OF PREVENTING THE EXTREMISM OF YOUTH IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT**Y.S. Blinova**, leading psychologist of the educational and scientific laboratory of psychology of the Department of Applied Psychology,**D.V. Lastovenko**, psychologist of the educational and scientific laboratory of psychology at the Department of Applied Psychology,**T.V. Tochilina**, Head of the Educational and Scientific Laboratory of Psychology of the Department of Applied Psychology,

State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «University of Technology», UNITECH, Korolev, Moscow region

The article is devoted to the problem of youth extremism. Approaches to the definition of the essence of extremism are given, personality features that influence predisposition to extremist activity are considered. The main modern methods of preventing and combating manifestations of extremism in the youth environment are noted, as well as recommendations for systematization and increasing the effectiveness of preventive work among young people.

Extremism, youth, extremist personality, prevention, education.

Начиная с 1960-х гг. вопрос экстремизма, в частности молодежного, относится к числу проблем, актуальных для всех стран мира. А с конца XX – начала XXI вв. экстремизм становится повседневной реальностью. Сам по себе экстремизм не является новым феноменом, он известен человечеству с древних времен. Экстремизм берет свое начало в осознании человечеством силы власти над другими и возможности получать определенные материальные выгоды. Власть, демонстрируемая правителями, представителями церкви в разные эпохи развития общества, становилась живым примером получения различных благ, став в этой связи предметом вожделений. Заветная цель достижения власти над другими заставляла, и заставляет по сей день, меркнуть интересы и правила поведения, общепринятые другими людьми, а также мораль и традиции. Цель оправдывает средства, и мы видим примеры того, как те, кто жаждет власти, не останавливается перед применением крайних и самых жестоких мер, включая насилие, убийства и террор.

Не случайно понятия «экстремизм» и «терроризм», хотя и имеют различную сущность, довольно часто употребляются как синонимы. С помощью террора экстремистские организации достигают постав-

ленных политических целей. Понятие «экстремизм», как и «терроризм» трактуется различными исследователями и как действие, и как идеология.

В общественных науках экстремизм стал изучаться сравнительно недавно. С середины XX в. внимание политологов, социологов и философов привлекали действия террористических организаций в Германии, Италии, Франции, Японии. Провозглашая своей задачей освобождение от гнета государственности и пропагандируя различные революционные идеи, участники этих группировок совершили достаточное количество преступлений против личности и человека для привлечения к себе внимания.

Высокий уровень распространения экстремизма отмечается и в российском обществе в наши дни. Экстремизм представляет собой весьма опасный социальный феномен, поскольку в основе его лежит отрицание закрепленных в Конституции прав и свобод граждан и противодействие сложившимся порядкам осуществления властных отношений.

В российском законодательстве под экстремизмом понимаются действия, которые направлены на разжигание ненависти или вражды, унижение достоинства человека или группы по различным признакам: пола, расы, национальности и пр., а также принадлежности к какой-либо группе [10].

Как отмечает Вехов И.В., под экстремизмом следует понимать, помимо открытых агрессивных действий, ненависть, негативные установки, неприязнь и одобрение радикальных действий по отношению к представителями других групп и национальностей. Подобный экстремизм, выражающийся в виде настроений, убеждений, установок, ориентаций, существует на более глубоком, культурно-ценностном, уровне. Подобный скрытый, или «латентный», экстремизм опасен тем, что создает основу для зарождения и развития явного экстремизма, т.е. открытых и направленных экстремистских действий.

Очевидно, что для совершения поступков экстремистского характера человек должен обладать определенным мировоззрением, допускающим в его системе ценностей и морали подобного рода действия. Открытые проявления ненависти и агрессии встречаются гораздо реже, чем подобные экстремистские установки, убеждения, идеи, взгляды, которые, в свою очередь, и присутствуют на всех слоях общества.

Подобный «скрытый» экстремизм, растворяясь в общественном сознании, создает определенную социальную напряженность. При этом важно, что формирующийся в таких условиях фон повседневной жизни оказывает влияние на процессы социализации и формирование мировосприятия молодежи [1].

Молодежь, являясь самой социально восприимчивой, подвижной и активной частью общества, потенциально способна как к конструктивной так и к деструктивной деятельности. Отсутствие достаточного опыта для анализа и критической оценки окружающей действительности, стремление отстаивать свои интересы и максимализм создают опасность криминальной социализации молодежи. Примеры этому мы видим в сплоченных группах приверженцев различных субкультур, таких как скинхеды, антифашисты и пр. [4].

На сегодняшний день выделяются несколько подходов к рассмотрению экстремизма. Помимо философского, социологического, криминологического и политологического, особый интерес представляют психологический, социально-психологический и психолого-педагогический подходы. Конечно, этими подходами не исчерпывается все разнообразие представлений об экстремизме. Но поскольку ядро экстремистских учений всегда составляет человек, было бы странно не учитывать сложность оценки личности экстремиста.

Анализ психологии экстремизма и личности экстремиста представляют собой суть психологического подхода. Непредсказуемость, стремление идти к цели, не взирая на препятствия и недостаточная самокритичность являются здесь определяющими факторами для экстремистского поведения.

Экстремизм как социально-психологическое явление рассматривается в социально-психологическом подходе. Здесь выделяются такие категории как: «психология зла и насилия», «психологическая безопасность». Особое внимание уделяется изучению толерантности (интолерантности) индивидуального или группового поведения, а также идентичности и самоидентичности.

Система мер, необходимая для формирования гражданского и правового сознания личности предлагается в рамках психолого-педагогического подхода.

Количество исследований, посвященных изучению молодежного экстремизма, на сегодняшний день давно перевалило за сотни. Молодежный экстремизм, выделяясь достаточно высокой степенью агрессивности, жестокостью и массовостью, обращает на себя внимание ученых в различных областях науки.

Звездина Г.П. и Воскобоев А.И. в качестве основы экстремистского характера поведения называют мощный потенциал накапливаемой агрессивности из-за отсутствия возможности реализации своих соци-

ально-политических интересов и жизненных планов в рамках формального права, а также потерю ориентиров социокультурной идентичности частью российской молодежи [11].

По мнению Поминова А.В. и Сафарова В.Р., неумеренность в выборе средств и способов достижения жизненных целей, проявления социального максимализма и социального протеста вкупе с незавершенной личностной, социальной и духовной социализацией обуславливают особенности проявления экстремизма в молодежной среде [9].

При исследовании молодежного экстремизма большое внимание уделяется характерным особенностям личности, в том числе рассматриваются причины приобщения молодых людей к экстремистской деятельности. Исследуя причины участия молодых людей в молодежных экстремистских группах, Мишота В.А. и Холщевников О.Г. выделили несколько категорий подростков. Отмечается, что часто подростки примыкают к группировкам случайно или ради устройства своего досуга, ради демонстративного ведения борьбы, без следования какой-либо идее. Также выделяются группы конформистов, легко поддающиеся влиянию, группы подростков, желающих реализовать свои лидерские качества и группы тех, кто по той или иной причине находится в социальном дискомфорте и желает самоутвердиться любым путем [10].

Многие исследователи в качестве причин проявления экстремистской направленности указывают деформацию ценностно-смысловых жизненных ориентаций молодежи. Проведенные исследования показывают, что предрасположенность к экстремизму проявляется при низком осознании ценности человеческой жизни и, с другой стороны, высокой значимостью материальных благ [2].

Помимо снижения значимости общечеловеческих ценностей и моральных устоев, среди характеристик молодежной среды, склонной к экстремизму отмечается такое явление, как «экстремистское сознание». Оно включает в себя радикальность мышления, интолерантность к представителям других этносов и иных социальных групп, неадекватную самооценку, психологический и правовой нигилизм, неспособность реализовать себя в социальном пространстве [14].

Личность экстремиста нельзя рассматривать в отрыве от психологии референтной ему группы, поскольку в качестве одной из особенностей молодежного экстремиста исследователи отмечают его выраженный групповой характер. Красиков В. И. определяет экстремизм как «характеристика специфических форм группового сознания» [6; 9].

Открытое несогласие определенных групп людей с ценностями и нормами культуры, отрицание социальных норм следует рассматривать как форму девиантного поведения. В данном случае имеются в виду негативные отклонения от нормы, ведущие к разрушению и дезорганизации социальной системы.

Согласно типологии девиантного поведения Р. Мертона, основанной на представлении о девиации как о несоответствии культурным целям способов их достижения, можно говорить о нескольких группах девиаций и девиантов:

- «инноваторы», соглашающиеся с имеющимися общественными целями, но отрицающие общепринятые способы их достижения;
- ритуализм, при котором абсурдно преувеличиваются значения способов достижения целей, но сама цель при этом отрицается;
- ретретизм, связанный с отказом и от целей и от способов их достижения. В данном случае ретретизм рассматривается как эскапизм, т.е. бегство от действительности;
- бунтующие – те, кто отрицает общепринятые цели и способы, стремясь при этом найти им замену.

В качестве примера здесь можно привести революционеров [7].

При объяснении причин девиантного поведения, называют такие факторы как: биологический, психологический и социальный. Однозначно невозможно трактовать причины девиаций с точки зрения биологии и психологии не представляется возможным. Гораздо информативнее в данном случае кажется социальный компонент, выделяемый из социологических теорий, рассматривающих происхождение девиации в широком общественном контексте.

Французский социолог Э. Дюркгейм предложил концепцию дезориентации, согласно которой детерминантой девиации выступают социальные кризисы, вызывающее диссонанс между принятыми нормами и опытом человека.

Концепция стигматизации Г. Беккера в какой-то степени оправдывает девиантов, основываясь на предположении, что многие члены общества способны на совершение аморальных или противоправных поступков. Причем совершить они их могут совершенно случайно. Но в результате получают от общества «ярлык» или «стигму» преступника, после которой уже вынуждены вливаться в среду таких же девиантов.

При этом отмечается, что правила, определяющие норму, создаются относительно узким кругом лиц, в соответствии с их представлениями о правомочности тех или иных действий.

Стоит отметить, что молодежь является наиболее склонной к девиантному поведению социальной группой в силу некоторой нестабильности и уязвимости.

В исследованиях, посвященным рассмотрению экстремизма, помимо самой личности экстремиста, большое место занимает вопрос осведомленности молодежи об экстремистской деятельности. Нельзя недооценивать важность подобного мониторинга, поскольку степень осведомленности об экстремизме молодых людей в той или иной степени позволяет выявлять некие «группы риска». Чрезмерное углубление молодых людей в вопросы экстремистского толка может свидетельствовать о наличии в их окружении пропагандистов, проводящих определенную работу по «вербовке» новых членов в группу. В группе подростков могут наблюдаться подобные волнения, и, зачастую, можно выделить лидера, ведущего негативную пропаганду, которая апеллируя к эмоциям, минует сознание и существенно увеличивает количество экстремистски настроенных людей. Поддавшиеся подобным внушениям молодые люди нередко становятся заложниками политических и иных сил, которых используют в корыстных целях. Недостаточность самоконтроля при высокой доверчивости, вкупе с высокой эмоциональностью и недостатком социального опыта, как одни из основных характеристик молодых людей, определяют направления профилактической превентивной работы, направленной на формирование антиэкстремистского сознания [9].

Работа по профилактике экстремизма требует наличия в своей основе интегративного комплексного подхода. Для повышения результативности профилактических мер необходимо задействовать как силы педагогов, психологов, так и членов семьи. Конечно же профилактика не может вестись без участия специалистов на государственном уровне.

На сегодняшний день большое внимание уделяется профилактике экстремизма именно через образовательные подходы. Воздействие на направленность личности обучающегося, с целью предупреждения или устранения факторов социального риска, а также возможность социальной реабилитации – основные задачи педагогической профилактики экстремистских явлений [3].

Согласно результатам экспертного опроса (Кирсанов А.И., Давыдов Д.Г., Завальский А.В., Скрибцова Н.А.), понимание потребностей, детерминирующих участие молодых людей в экстремистских группах, позволяет должным образом скорректировать направления профилактической работы с обучаемыми и воспитанниками. Отмечается наличие психологической выгоды от своего поведения для личности экстремиста. Чаще всего в качестве таких выгод выступает возможность занять свободное время, удовлетворить потребность в общении и реализовать свою активность. Ряд вопросов, задаваемых экспертам, был посвящен методам и формам профилактической работы. Эксперты отметили, что чаще всего проводятся мероприятия в формате аудиторного информирования и обсуждения (лекции, классные часы, дискуссии, круглые столы), приглашаются специалисты в сфере противодействия деятельности экстремистской направленности, проводятся тренинги, направленные на развитие коммуникативных навыков и формирование толерантности. Также было отмечено, что наименее распространенными являются формы индивидуальной работы и работы с родителями [5].

Система образования как один из наиболее организованных социальных институтов, имеющий воздействие практически на все сферы жизнедеятельности общества, должна оказывать всестороннюю помощь по профилактике экстремизма среди молодежи. Профилактическая работа должна вестись на всех уровнях образования, начиная с дошкольных учреждений и заканчивая вузами. По результатам анализа современного состояния вопроса профилактики экстремизма среди молодежи, необходимо выделить некоторые рекомендации.

Во-первых, необходимо повышать психолого-педагогическую компетентность педагогов. От компетентности педагогов в данной сфере зависит безопасность образовательной среды. Грамотная подготовка будет способствовать развитию у педагогических работников навыков убеждения, аргументации своей позиции, установления контактов с обучающимися и завоеванию у них авторитета, взаимодействия с родителями, коллегами по работе. Также педагоги должны в ходе профессионального обучения овладевать технологиями диагностики причин конфликтных ситуаций, их профилактики и разрешения, что позволит на более ранних этапах выявлять группы риска среди учащихся и проводить профилактическую работу на опережение.

Во-вторых, нужно уделять особое внимание психолого-педагогическому просвещению родителей, предусматривающему обучение родителей способам реагирования и разрешения конфликтов, способствующим эффективному и развивающему поведению в семье. Помимо знаний о функциях семьи, методах

воспитания и способах разрешения семейных конфликтов, родители должны иметь представление о проблемах субкультур, к которым возможно примкнет их ребенок, знать о мерах профилактики вовлечения детей и подростков в объединения агрессивной направленности и владеть основными методами формирования у подростков твердой жизненной позиции.

В-третьих, и этому стоит уделить особое внимание, профилактическая работа среди молодежи должна носить более «адресный» характер. Современное развитие образования предполагает огромное количество вариантов активности для различных возрастных групп. Сюда относится и привлечение молодежи к проектной деятельности, и включение их в волонтерскую деятельность, всевозможные центры досуга, кружки самодеятельности, военно-патриотические клубы и пр. Но, как правило, основной контингент здесь составляют юноши и девушки, которые уже достаточно благожелательно социально настроены и не имеют причин для увлечения экстремистскими идеями. Таким образом все мероприятия, направленные на профилактику, приобретают просветительский характер для тех, кто уже достаточно просвещен. Возвращаясь к первым двум пунктам, необходимо еще раз отметить важность своевременного выделения групп риска среди молодежи и подготовку сильных лидеров среди родителей и педагогов, способных личным примером и авторитетом способствовать формированию у обучающихся позитивной, рефлексивной и в полной мере оптимистической жизненной позиции, выраженной в адекватной самооценке, принятии себя и окружающих, направленности на общечеловеческие гуманистические ценности и готовности в воспитанию и развитию себя как личности.

Литература

1. Вехов И.В. Экстремизм в современной России: механизм воспроизводства и меры социального контроля: дис. канд. социол. Наук // Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. С.-Петербург. 2011.
2. Дейнека О.С. Психологические предпосылки политического экстремизма в среде студенческой молодежи в странах Евразийского союза // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2.
3. Домрачева С.А. К вопросу о психолого-педагогической профилактике экстремизма в молодежной среде // Педагогический журнал. 2016. № 4.
4. Егоров М. И. Экстремизм: понятие, сущность, подходы к изучению и осмыслению // Молодой ученый. 2011. № 3. Т.2.
5. Кирсанов А.И., Давыдов Д.Г., Завальский А.В., Скрибцова Н.А. Экстремизм в молодежной среде и его профилактика в образовательной организации (по результатам экспертного опроса) // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. № 1.
6. Красиков В. И. Экстрим: Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания // М.: Водолей Publisher. 2006.
7. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. 1992. № 2-4.
8. Мишота В. А., Холщевников О. Г. К вопросу об экстремистских проявлениях в молодежной среде // Юриспруденция. 2010. № 3.
9. Некрасова Е. В.. Экстремизм и его особенности в молодежной среде // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2011. Вып. 4
10. Поминов А.В., Сафаров В.Р. Психолого-правовые проблемы выявления и профилактики экстремистского поведения в молодежной среде // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1.
11. Психологические аспекты профилактики экстремизма в молодежной среде. Учебно-методическое пособие // М.: КРЕДО. 2010.
12. Римский А.В., Артюх А.В. Экстремизм и терроризм: понятие и основные формы проявления. // Научные ведомости. 2009. № 16 (71).
13. Уголовный Кодекс Российской Федерации // М.: Проспект. 2017.
14. Черных А.А. К вопросу о молодежном экстремизме // Территория наук. 2013. № 5.

УДК: 159.9/612.821

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ САМООЗДОРОВЛЕНИЯ

Ю.Н. Казаков, доктор медицинских наук, профессор психологии и социальных технологий,
кафедра прикладной психологии,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет» («МГОТУ»), г. Королёв, Московская область

Статья посвящена обсуждению методологических компонентов самооздоровления и принципов самостимуляции резервов здоровой личности. Сущности объективизации процессов и форм самооздоровления телесной организации субъекта в сопротивлении негативным факторам среды. Упреждению рисков деформации психики и формированию внутренней позиции самостимуляции развития здоровой жизни.

Методология, телесная организация, функции психики, оптимизация, формы здоровья, безопасность здоровой жизни, самость, стресс.

THE METHODOLOGICAL COMPONENTS OF SELF-IMPROVEMENT

Yu.N. Kazakov, doctor of medical Sciences,
Professor of psychology and social technologies, Department of applied psychology,
State budgetary educational institution of higher professional education Moscow region
«Technological University» («MGOTU»), Korolev, Russia

The article is devoted to the discussion of methodological components of self-recovery and the principles of self-stimulation of healthy personality reserves. The essence of objectification of processes and forms of self-healing of the body organization of the subject in the resistance to negative factors of the environment. To prevent the risks of deformation of the psyche and the formation of the internal position of self-stimulation of the development of healthy life.

Methodology, physical organization, the functions of the psyche, optimization, form, health, safety, healthy living, self, stress.

Основное внимание в практике воспитания здоровья человека [1] уделено валеологии [2,7], учению о культуре здоровья [10]. Однако методология исследования самостимуляции резервов здоровья ставит цель определить и познать основные категории и структуры тезауруса санационного (оздоровительного) мышления человека [4]. Полагая самосохранение здоровья человека и оценку формирования самости личности – феномена целостности и ценностной ориентации в психопрофилактике своей безопасности в здоровой жизни [3]. Объектом методологии исследования определено состояние форм здоровья как феномена самости (целостности) личности и ориентации человека в психологии его безопасности. Предметом же исследования выступает санационное мышление (далее СМ) самооздоровления.

Основополагающие ориентиры в научно убедительном и фондированном смысле методологии познания СМ обнаруживается автором, с одной стороны, в осознании содержательного наполнения психологических его компонентов, субординации связей между формами здоровья и самостью личности – в той мере, как они нужны для освещения проблемы самооздоровления и безопасности личности. С другой стороны, методология интерпретирует феноменологию, закономерности и механизмы психических проявлений СМ человека и его особенностей как индивида, как личности и в меньшей мере как субъекта, выражаемые через описываемые понятия саналогии, медицинской психологии, санапсихологии, превентопсихологии [4] -выстраивая концепцию санационного мышления как средства самостимуляции резервов сохранения здоровой жизни [6].

Необходимо отметить, что **в доступной социальной и медицинской литературе**, в большей части, уделяется внимание состоянию психического здоровья человека вообще [9], однако в разрабатываемой методологии автор описывает его как феномен целостной и ценностной ориентации здоровой жизни. Учитывается и то, что на теоретико-методологическом уровне актуальность исследования способностей самостимуляции резервов самости личности определяется отсутствием в социологии, психологии, медицине и пе-

дагогике подходов, концепций к этим понятиям. Рассматривается феноменологическая их сущность [5], при отмечаемой многими психологами и педагогами насущной необходимости ее совершенства (Д.И. Фельдштейн, С.К. Бондарева, Э.В. Сайко, П.А. Корчемный, С.И. Лукашенко и др.). Кроме того, и педагогическая наука не определилась в сущности личности в своем самопознании (О.А. Голубкова, Т.Э. Петрова, И.С. Кон), содержании особенностей саморазвития личности (Д.Г. Стрелков) и других характеристик ее развития в многогранном процессе превентивной безопасности. На уровне педагогической практики доказанным является и недостаток оздоровительной подготовки студентов вузов к деятельности в новых условиях рынка труда (В.А. Ядов, Л.И. Бажович, Д.Б. Эльконин, Ю.С. Колесникова, В.А. Шубкин). Нет ориентации их в концепциях и компетенциях конкретной профессии (П.Я. Гальперин, И.И. Ильясов, В.Г. Зазыкин). Нет разработок актуализации потребности субъекта деятельности, в повышении устойчивости психики в социализации и индивидуальности (Д.И. Фельдштейн, С.К. Бондарева, Э.В. Сайко), что определяет и необходимость совершенствования методологии исследования возможностей самооздоровления и сопротивления стрессам (рис. 1).

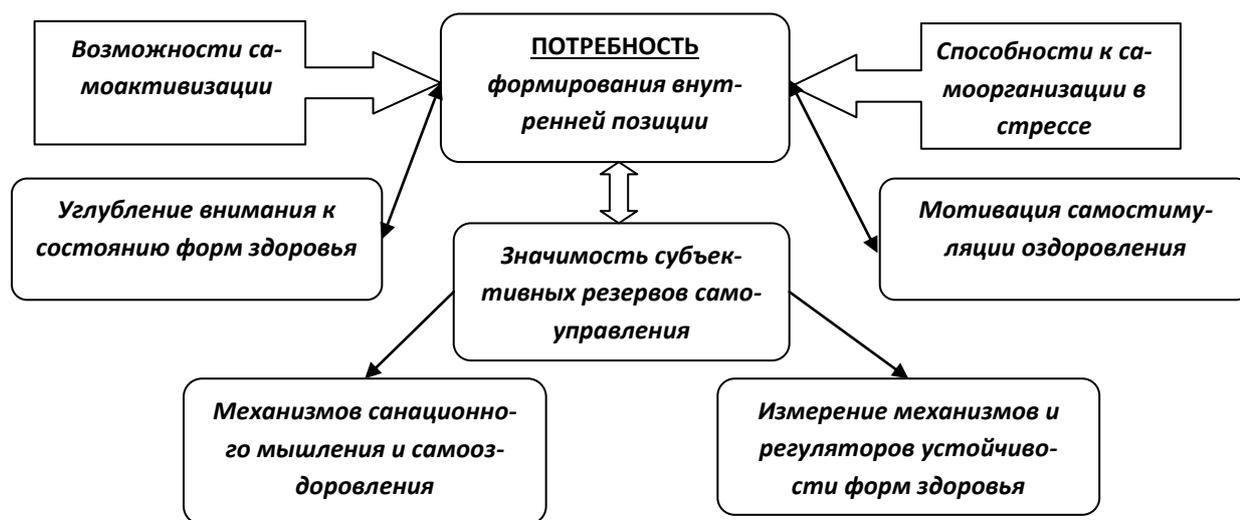

Рисунок 1 – Алгоритмы реализации потребности в превентивной безопасности здоровья и сопротивления стрессам

В формировании такой потребности методология автора (рис. 2) выстраивается на основе анализа возможностей удовлетворения потребностей здоровой жизни человека, в достижении целей саморегуляции [8], саморазвития, самосохранения, самозащиты и сопротивления стрессам [2]. Методологические компоненты являются средством исследования самостимуляции потенциала СМ и выделяют: объект СМ (свойств); предмет-отражение целостности форм здоровья личности; проблемы дифференциации познания СМ для смежных наук (стрессоведения и превентопсихологии); категории анализа зависимости компетенций санапсихологии. Полагающей внешние и внутренние трансформации имплицитных и эксплицитных функций психики (далее ИЭФП) в обусловленности этого процесса, базовых категорий тезауруса самооздоровления. Методология пробуждает осмысление человеком компетенции СМ и отвечает на вопросы его значимости в самостимуляции резервов здоровой личности, в решении его проблем и анализа этапов формирования, примеримости парадигм, процедур санационного подхода к самооздоровлению. Формирует концепцию стратегии СМ и самостимуляции возможностей самооздоровления; положений, принципов, логику познания СМ в связи с изучением феномена здоровой личности (далее ФЗЛ) и соответствия методов активации познания их резервов и категориального строя самостимуляции саморазвития; проблемное поле психологической науки, познания практики самооздоровления. Гносеология СМ показывает возможности смысла самооздоровления и рационализации здорового образа жизни (далее ЗОЖ); проявления свойств форм здоровья; объективизацию взаимосвязей внешней и внутренней обусловленности самостимуляции резервов ИЭФП. Определяет категориальный строй исследования СМ: тезауруса СМ, парадигмальную стратегию постановки проблемы СМ в реализации противоречий (во времени и условиях) теоретическим и эмпирическим способом (санапсихологическим подходом), обусловленного на индивидуальной логике опыта познания факторов и явлений самооздоровления.

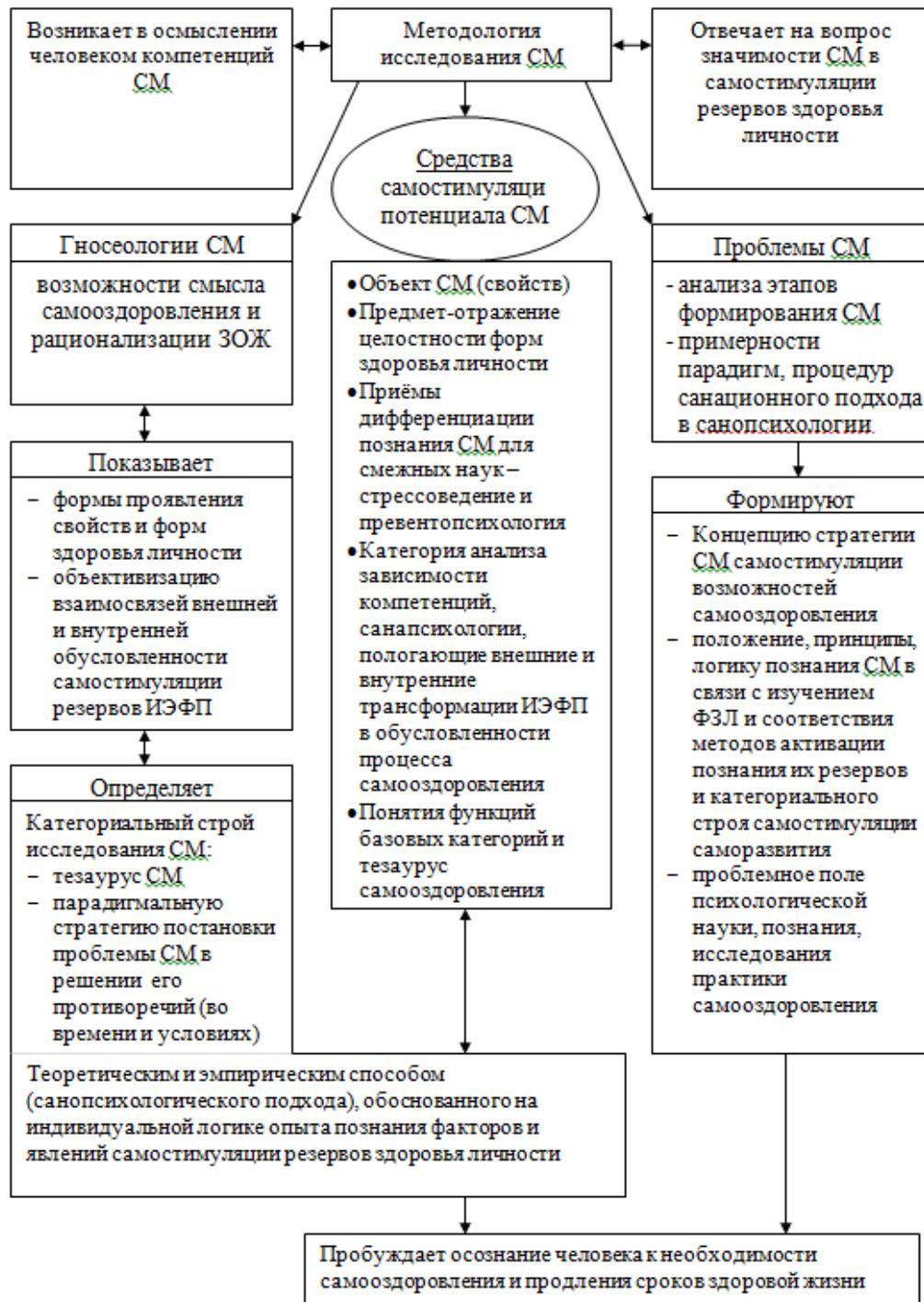

Рисунок 2 – Алгоритмы методологии исследования санационного мышления

В целом методология пробуждает сознание человека к необходимости самооздоровления и продления сроков здоровой жизни. Выделяет феномен СМ в главной для него проблеме и анализе самооздоровления, сохранения и самозащиты безопасности жизнедеятельности человека на основе самостимуляции резервов форм здоровья. Расширяет поле теоретического и прикладного освещения, существенно главной цели решения проблемы – самоуправления состоянием целостности своего здоровья и безопасности самости личности. Методологическая модель автора делает упор на анализе их информационного – коммуникативного опыта и его обогащения медицинской педагогией [6,8]. Научно и категориально обосновывается в при-

кладном плане самосохранения и продления здоровой жизни.

Модель раскрывает сущность формирования и сохранения психической формы здоровья как основного продукта СМ-ценностной ориентации в среде, формирования превентивной безопасности личности [5]. Фактически предпринимается попытка выстроить теорию и методологию активизации СМ как средства самостимуляции и развития форм здоровья в профилактике безопасности самости онтогенетического развития личности. Перспективой разрабатываемой цели методологии является дальнейший анализ формирования СМ человека как феномена, связанного с ценностной ориентацией здоровья личности в условиях ее индивидуализации и социализации. С учетом общего и особенного в развитии самости личности, обучаемой навыкам самосохранения и самозащиты в непредсказуемых и экстремальных ситуациях образа жизни на основе гипотетических алгоритмов активации СМ – профилактики состояния форм здоровья в целях безопасности жизнедеятельности:

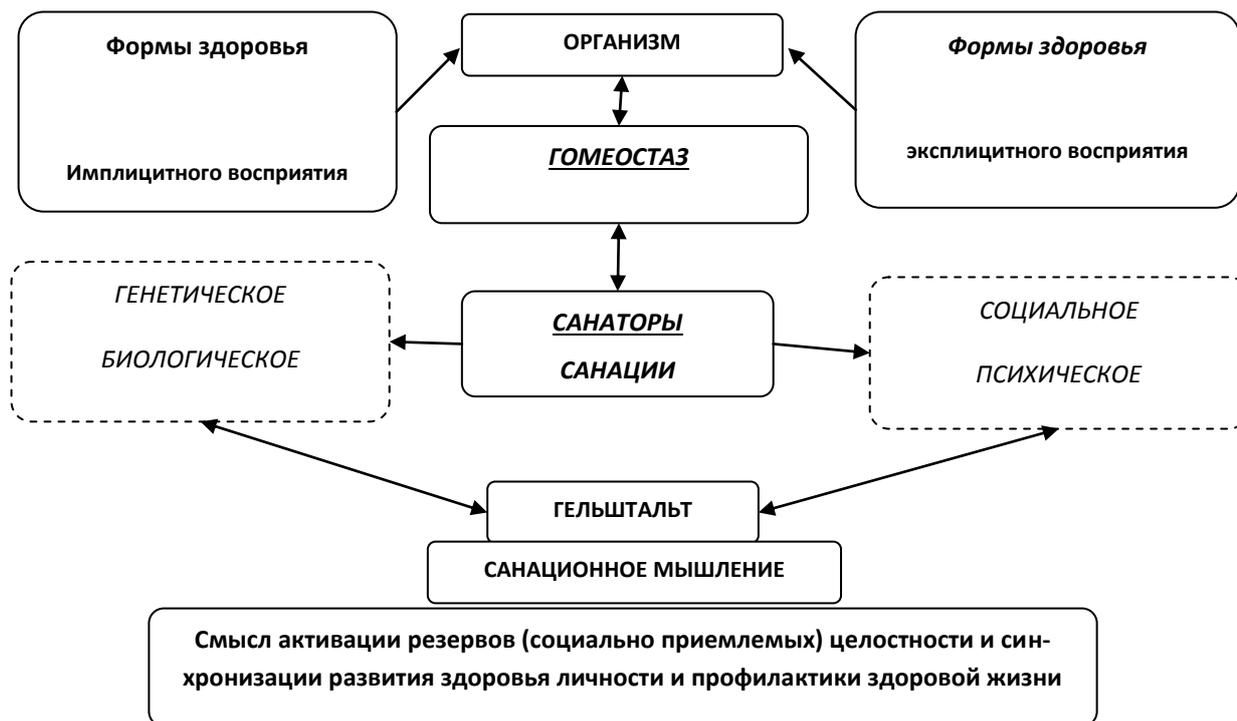

Рисунок 3 – Алгоритмы смысла адаптации резервов целесообразности развития здоровья

При этом рассматриваемая проблема безопасности, расширения и углубления самости в социализации и индивидуализации самозащиты и здоровья человека от стресса. Объективно актуальна и субъективно связана с состоянием форм здоровья человека в усложняющейся жизни растущего в численности населения и изменения стрессовых ситуаций социализации.

Осмысление человеком самозащиты самости личности (на основе стимуляции резервов сохранения здоровой жизни и значения феномена стрессоустойчивости в сопротивлении стрессорам) углубляется автором одновременно с учетом роста факторов обуславливающих стрессовые ситуации и активацию СМ безопасности в современных условиях социализации. Факторы меняются на разных уровнях онтогенеза и проявляются дифференцированно и интегрально в разных сферах организации жизни человека и общества. Это политические конфликты, экономические кризисы, экологические катастрофы, многоплановые и разно уровневые отношения, профессиональные сложности напряжения, средовые риски, ритмы жизни, стрессы.

В связи с описанными проблемами и актуализируется задача методологии познания феноменологии и профилактики стрессоустойчивости [5], в зависимости от состояния здоровья и возможностей самозащиты личности – ее превентивной (упреждающей, профилактической) безопасности. Все это активизирует значимые потенциальные возможности углубления резервов самости личности и автором раскрываются в расширении научных основ санапсихологии (учения о психологии самооздоровления) на основе санапсихологического подхода формирования СМ и выработки приемов, навыков самооздоровления [4,6] .

Кроме того, выстраивается методология исследования самооздоровления и в выделении закономерностей познания психологических особенностей формирования и функционирования СМ в оценке его как явления и реализации процесса самостимуляции резервов здоровья, взаимосвязи здоровья с состоянием ИЭФП. При этом как психическое явление самооздоровление отражает онтологические формы самостимуляции резервов форм здоровья благодаря психическим образам трансформации ИЭФП и ощущений состояния здоровой и целостной личности. Оценивается переживаниями стрессовых реакций в процессе сопротивления объективной реальности стрессам и доступных способах наблюдения за состоянием форм здоровья других, осознавая возможности самостимуляции у себя.

Технологии выработки навыков самостимуляции строятся на результатах *объективизации* внутреннего сопротивления стрессорам, создаваемого социального благополучия здоровой жизни человека и сохраняемого общественного здоровья населения:

1. Объективизация процессов СМ стимуляции здоровой жизни полагает развитие способностей субъекта самостимулировать резервы форм здоровья в сопротивлении негативным факторам, сохраняя целостность телесной и психологической организации человека, которая:

- отражает трансформацию ИЭФП в процессе субъективной реальности самосохранения и самозащиты здоровой жизни;
- выделяет адаптивность и границы проявления, узнавания и отклика ассоциаций состояния форм здоровья;
- реализуется санаторами субъективного состояния форм здоровья через самостимуляцию смыслов оздоровления, открывшихся в сознании человека, полагая осмысление трансформации отражения свойств и конструкторов психического здоровья в сопротивлении и превращении в стрессоустойчивость.

2. Объективизация СМ в предметно-практическом взаимоотношении-социализации в отношениях и в процессах использования вербальных и невербальных образов и средств общения здоровых субъектов:

- закрепляется в ролевой структуре ИЭФП, формах и конструкторах здоровья в системе «здоровье-психика-личность»;
- достигает результата санаций в мотивах самореализации, самосохранения и самозащиты личности и в формах отношений (к себе и личности, в межличностных и общественных отношениях) с гносеологией (предметным содержанием) отношений (психических, психологических, социально-психологических, социальных);
- формирует феноменологию социального здоровья субъекта и групповых эффектов здоровой жизни-интегралами человеческих отношений друг к другу, как продукту санирования совместной жизни, полагая поддержку совместной деятельности, благодаря здоровому образу жизни и в здоровом общении, морально-психологическом его регулировании.

3. Объективизация психического здоровья личности:

- подчеркивает роль санаций в обретении смысла самооздоровления и стрессоустойчивости в проблемах превентивной безопасности личности, обеспечивающих потенциал интеграции ИЭФП в рефлексорном отражении процессов сопротивления стрессам;
- полагает имплицитность механизмов самозащиты, благодаря самостимуляции резервов систем здоровой телесности, посредством знаково-символических форм общения через предметную атрибуцию здоровых традиций, религии, искусства, мифологии и образов здоровой жизни.

В процессе объективизации автором используется принцип дифференциации в научном познании самооздоровления. Объект здоровья личности, охватывает свойства природы человека и дифференцирует содержание знаний о предметной области и свойствах форм здоровья личности, способностей ее самооздоровления. Предметные области в дифференциации форм здоровья полагают анализ:

1. Их состояния в телесной организации человека.

2. Психологической организации и целостности здоровой личности. Проявляемых изнутри в санационном мышлении, ощущениях состояния телесности личности, переживаниях стрессов, представлениях внутреннего потенциала сопротивления негативным факторам социальных сред. Полагающих, внешние проявления здоровой жизни в реакциях, действиях, высказываниях, поступках социальном поведении, сохранении целостности человеческого образа жизни.

3. Первичных элементов формируемой формы психического здоровья человека, первичными свойствами трансформации образов состояния здоровья и психических образований санаций (оздоровлению). В комплексе развивающих когнитивную функцию психической формы здоровья, отражающей целостность

личностного здоровья: чувства целостности здорового организма, интеллекта самосохранения индивидуальности, характера потенциала самозащиты, способности самостимуляции резервов форм здоровой личности.

На основе выше изложенного методология позволяет дифференцировать формы здоровья в их классификацию как объектов познания по свойствам: психофизическим-физического здоровья; психофизиологическим-физиологического здоровья; социально-психологическим-социального здоровья; деятельностным-профессионального здоровья. Полагающих имплицитность отражения субъективной активности человека в самостимуляции резервов всех указанных форм здоровья, индивидуальности (субъективности) детерминированной в поступках, поведении и образе жизни, деятельности; межпредметности познания отношений к самому себе и самости личности на основе СМ, познания психических факторов воздействия на телесное состояние и продление здоровой жизни.

В целом методология познания предметного поля объективизации и дифференциации самооздоровления состоит: в понимании целостности свойств и форм здоровья, отражаемых в науках биологии, медицине, социологии, педагогики и других фундаментальных науках, в интеллектуальной рефлексии санаций, благодаря речевой функции и памяти человека.

В свою очередь, объективизация сущности самостимуляции резервов форм здоровья и здоровой жизни обусловлено: а) единством психологического и телесного их содержания; б) условиями и формами их осуществления. Это объясняет противоречия единства в объективности изучения состояния «тела и души», «организма и психики», «субъективного и объективного», «здоровья и личности», как порождение причинно-следственных связей и сознательной стимуляции резервов здоровья и стрессоустойчивости. Полагает **интегральный синтез** СМ в решении противоречий и самосохранения свойств телесного (форм здоровья) и психического здоровья в самостимуляции резервов здоровой жизни, их познания, обобщения и сопротивления негативным факторам безопасности человека в социальных средах.

Значимо и то, что объективизация всего психического потенциала ощущения телесной организации здоровья человека в описанной модели методологии позволяет познать процесс самооздоровления **в реакциях реагирования** (аффектной функции психики) и **телесных движениях – на основе психофизической парадигмы состояния физического здоровья** (далее ФЗ) в подсознательном поведении (паттернах, стереотипах) – как безусловных и условных рефлексов самостимуляции.

Психофизическая парадигма **физического здоровья** отражает гностическое познание результатов самооздоровления и свойств резервов здоровья (структурированности, обобщения, осмысления) и стрессоустойчивости через: ощущение телесности восприятия образов здоровья и памяти эффекта оздоровления в представлений санаций, санационного мышления, воображения благополучия, используя: сенсорные, перцептивные, мнемические и интеллектуальные возможности психики. Позволяет оценить результаты феномена гештальта отражения целостности личности и отражения форм здоровья в самостимуляции: структур резервов Ф.З.; иерархии признаков П.З.; порогов трансформации ИЭФП в процессе самооздоровления; соотношения Ф.З. с фоном целостности личности. Оценки адекватности психического отражения оценки: критериев узнаваемости и опознания объектов санации; контент – анализа расширения самости: феноменологии самооздоровления; формы объективизации резервов психики; детерминации восприятия ситуаций взаимодействий санаций и механизмов оздоровления; целостности трансформаций ИЭФП при восприятии объектов санаций; психического состояния – в целом гештальтирует образ оздоровления в фильтрации санационного мышления и его результата стимуляции резервов стрессоустойчивости; понимания – кодирования, раскодирования и перекодирования резервов самооздоровления тренингом индивидуальных откликов психических функций на стимуляцию резервов форм здоровья.

Предметом оценки и осознания парадигмальных реакций физического здоровья на самооздоровление являются **первичные формы самости в понимании объективизации**, выраженные в состоянии психической формы здоровья, полагающей отражение целостности здоровой личности. При этом психическая реальность ее регуляции **изначально и возникает** в самостимуляции процессов самооздоровления, отражаемых субъектом предметами оздоровления (санациями) в межличностном и групповом взаимодействии. В таком взаимодействии в первую очередь трансформируется гностическая функция стимуляции психического здоровья, формирующая **образы представления** способов и методов самостимуляции резервов здоровья в субъективности человека-носителя, хранителя и распорядителя состояния своего здоровья. Полагая идеальную реальность сначала интроспекции СМ и самопознания процесса «оздоровления», а также и реальности образа «Я-здоровье», в образах «Я и самооздоровление», «Я и самостимуляция» резервов форм здоровья, их выражения и отражения в своих субъективных образах самозащиты, самосохранения и стрес-

соустойчивости на основе предметной реальности осмысления чувств здоровой личности.

Кроме того, на основе познания объективизации состояния форм здоровья автором обосновывается **санапсихологический (оздоровительный) подход** полагающий стержнеобразующую, психолого – педагогическую технологию (метод) самоуправления психологическим процессом самозащиты от стресса на основе межпредметного, мультимодального обучения (тренинга) активации резервов здоровья, расширения и углубления самости личности [5] . Основу подхода составляет побуждение мышления к самооздоровлению – осмыслению: а) восприятия порогов ощущений телесной организации человека, ощущений и устойчивости форм его здоровья; б) сознательно – компетентного побуждения развития скрытых резервов стрессоустойчивости; в) взаимосвязи здоровой психики в расширении и углублении самости личности (рис. 3).

Рисунок 4 – Алгоритмы осмысления взаимосвязи здоровья и потенциала психики в расширении и углублении самости и безопасности личности

В свою очередь, методология познания потребности СМ личности в самозащите, расширении и углублении самости, в описанных условиях, перемещает ее психологические компетенции на познание феноменов самозащиты здоровья личности в ее превентивной безопасности [4] . Обеспечивает этот процесс познание превентивной психология самооздоровления, являясь авторской технологией здоровье сбережения личности в стрессе. Умение предотвращать риски и угрозы деформациям самости, формировать стратегию самозащиты в ориентациях самостимуляции стрессоустойчивости, что меняет представление о психологической значимости форм здоровья и конструктов безопасности здоровой жизни [6]. Выявляет их существенные характеристики и способы санапсихологических тренингов в решении их противоречий, определяет поиск технологий углубления стрессоустойчивости личности.

Методология расширения исследуемой проблемы выявляет место и роль психологии самооздоровления в психологической науке и открывает перспективу нового взгляда санапсихологии на проблемы превентивной безопасности личности, как в теоретическом (имплицитном), так и практическом (эксплицитном) направлениях исследования психики человека.

Может использоваться в психологической, медицинской и педагогической теории, выступая либо объектом анализа, либо критериально – оценочным понятием состояния здоровья и направленности поведения на здоровый образ жизни.

Инновация методологии предполагает синтез различных представлений о сущности психологии самооздоровления. Различное восприятие этого феномена в рамках учебных дисциплин-медицинской акмеологии здоровья, медицинской и клинической психологии, акмеологии безопасности в чрезвычайных ситуациях, формирует компетенции феномена личностного здоровья и безопасного поведения в социальных средах. Кроме того, от своевременности и успешности формирования образовательной потребности самооздоровления юношеском возрасте, в комплексной реализации мер санапсихологии, по ее осуществлению, становится одним из приоритетов в решении проблем устойчивости и к фрустрирующим состояниям человека, к рискам трудных, сложных, кризисных, экстремальных, чрезвычайных и непредсказуемых ситуаций.

На основе методологии разрабатываемой автором, направление санапсихологии – психологии самооздоровления, стимулирует исследования самоуправления внутренними резервами взаимосвязи здоровья и самости личности. Требуется дальнейшей и специальной разработки теоретических основ ресурсов самостимуляции СМ в самооздоровлении (активации стрессоустойчивости). Умения предотвращать (самозащищать) – превентировать (упреждать) силу (степень) остроты переживания и напряжения при рисках деформаций психики. Определять стратегию превентопсихологии (профилактической психологии здоровья) организационных форм предвидения опасности и адекватного предчувствования реагирования в субъективных ориентациях здоровье преобразования и преодоления стрессоров на основе самостимуляции резервов здоровья личности, в самооценке активности самосохранения самости личности.

Необходимо отметить, что способности управления состоянием самозащиты здоровой личности являются фундаментальной основой в решении междисциплинарной проблемы для психологов, медиков и педагогов и базовым в системе повышения резервных качеств личности. Их совершенствование возможно на основе обучения санапсихологическим знаниям медицинской психологии безопасности здоровья в трансформации и переподчинении мотивов самозащиты на основе активизации резервов стрессоустойчивости при подготовке к профессии.

Однако операциональность исследуемых способностей и феноменов самоактивности остается неизученной на личностном и профессиональном уровне (А.С. Гусева, В.В. Лешин).

В свою очередь, актуальность психолого-педагогического исследования самозащиты и самостимуляции резервов превентивной безопасности личности автором связывается с обоснованием развития психологического потенциала в упреждении стрессоров. С выявлением основных санапсихологических условий эффективной профилактики стрессоустойчивости (превентопсихологией) и нейтрализации факторов риска непредсказуемых ситуаций. Построения модели самостимуляции резервов здоровья личности при медико-психологической подготовке к стрессам. Кроме того, практика формирования стрессоустойчивости психолого-педагогическим сопровождением (обучением) выявила потребность в обосновании концептуальных основ санационного (оздоровительного) мышления. Раскрытия феноменологии ресурсов самостимуляции динамических резервов в преобразовании форм здоровья личности, не раскрываемых в междисциплинарном пространстве гуманитарных наук (генетике, биологии, социологии), где нет и единства в их понимании [5].

Для осмысления самостимуляции резервов личности, внедряется интегративный санапсихологический подход автора на основе освоения компетенций санапсихологии, которые объединяют меры активации и стимуляции резервов преобразования структур психики личности. Они строятся на самостимуляции резервов здоровья в экзистенциально-феноменальной и пространственно-временной континуальности саморазвития личности. Используют педагогические ресурсы самостимуляции развития и расширения самости личности, резервы которой направлены на совершенствование стрессоустойчивости в непредсказуемых ситуациях социальных сред.

Теоретико-методологическую базу когнитивно-функционального исследования психологии самооздоровления и самозащиты личности составили: системный, субъектный и деятельностный подходы; принципы детерминизма саморазвития личности, единства сознания и деятельности (Е.А. Климов, Б.Ф. Ломов, С.Л. Рубинштейн, Д.И. Фельдштейн и др.); научные положения о развитии личности (Б.Г. Ананьев, В.В. Давыдов, Д.И. Фельдштейн, Э.В. Сайко). Взаимовлияние личностного и профессионального развития (А.А. Бодалёв, В.А. Сластёнин, В.Д. Шадриков); целостного изучения личности (В.Н. Мясищев, К.К. Платонов). Активность субъекта деятельности и его развития и саморазвития (К.А. Абульханова-Славская, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев); формирование «акме» психического здоровья (Ю.Н. Казаков).

На такой теоретической основе подход использует теоретические позиции анализа развития человека как субъекта и био-психо-социальной системы, на основе технологий медико-педагогического формирования превентивной безопасности личности к фрустрирующим состояниям в стрессе [4], основанной автором на объяснительных принципах санапсихологии оздоровления:

- базового методологического принципа познания СМ (формирования положений, теории и концепции самостимуляции резервов здоровья) как средства самостимуляции развития здоровой личности в исследовании мотивации процесса оздоровления, благодаря санированию (самооздоровлению);
- принцип детерминизма объективизации оценки и трансформаций аффектно-причинной обусловленности сохранения форм здоровья личности; гностически-обусловленной трансформации СМ и самосохранения самости личности; практически-психологического содержания детерминизма активной регуляции резервов генетического, биологического, физиологического, физического, социального и психического здоровья человека (причинной и статистической детерминации самооздоровления, обратной его связи с СМ самостимуляции сопротивления стрессорам);
- принцип системности самооздоровления в объективизации взаимосвязи СМ и совместной трансформации ИЭФП при сохранении феномена личностного здоровья и как явления, являясь компонентами системы высших психологических функций развития человека;
- принцип оценки онтогенического развития, связанного с исследованием и описанием закономерностей развития личности на основе объединения системности и детерминизма самостимуляции резервов здоровья в процессуальности психической трансформации качеств феномена здоровья в объяснении и психо-ионто-генетической оценке новообразований психического здоровья в сопротивлении негативным факторам социальных сред;
- принцип единства сознания, санационного мышления и самостимуляции резервов форм здоровья, с помощью которого сознание формирует СМ, показывает его влияния на формирование умений, способностей и навыков самооздоровления, по результатам которых оцениваются возможности самостимуляции резервов здоровья и его потенциала сопротивления негативным факторам социальных сред;
- принцип активности СМ в реализации самооздоровления является источником выбора его способов реализации, активности субъекта в эмоциональном реагировании и морально-нравственной оценке ЗОЖ, полагая противостояние негативным условиям среды, действиями сообразности убеждениям и ценности ЗОЖ;
- принцип реальности отражения проявлений ассоциативно-психологической активности сопротивления условиями здорового поведения;
- принцип самости (целостности) феномена личностного здоровья объясняет СМ как средство самостимуляции резервов здоровья на основе целостности, объединяющей суммы трансформаций ИЭФП в самосохранении феномена личностного здоровья, отражающего восприятие психической формы здоровья в приобретении новых качеств, свойств самостимуляции процессов самооздоровления;
- принцип перекодирования конструктов и форм здоровья в эксплицитном измерении их проявления во взаимосвязи явлений СМ, относящихся к идеальным психологическим моделям и конструктам трансформации внутреннего содержания имплицитных функций и образных представлений состояния психического здоровья и внешнего-эксплицитного их проявления в процессе самостимуляции резервов здоровой жизни;
- принцип субъектности самооздоровления всех характеристик личности, отражающей взаимодействие человека со своим внутренним состоянием и внешним проявлением в жизнедеятельности;
- принцип санационного подхода стимуляции раскрытия личностной сущности самооздоровления и психических процессов трансформации состояния феномена сопротивления стрессам через призму переживания. Отношения к самосохранению здоровой жизни, осмысления СМ самостимуляции резервов здоровья и не столько закономерностей, сколько феноменологию их проявления на индивидуальном уровне в связи с адаптацией в современных условиях социальных сред в которых и приспосабливается жить человек, благодаря структурированности, содержательности и интеграции телесной организации здоровья, стрессоустойчивости и самозащите самости личности.

Таким образом, логика методологии самооздоровления потребовала исследования глубины его психологического понимания и степени репрезентации компонентов целостности здоровья и личности, особенностей их проявления в сопротивлении стрессам.

В конечном итоге описанные методологические компоненты полагают возможности исследования интегрального синтеза санационного мышления в психологии организации самооздоровления как средства самостимуляции резервов здоровья, как реальное выражение конструктов и форм здоровья, обеспечивающих сохранение целостности здоровой личности. Полагают раскрытие характеристик, взаимосвязи и детерминации феномена здоровой личности на основе познания телесной и психологической организации самооздоровления. Использование методов самостимуляции резервов имплицитных и эксплицитных функций психики в формировании внутреннего сопротивления стрессам социальных сред.

Литература

1. Апанасенко Г.Л., Попова Л.А. Медицинская валеология // Ростов-на-Дону: Феникс. 2000. 245 с.
2. Вайнер Э.Н. Валеология // М.: Флинта. 2001. 416 с.
3. Казаков Ю.Н., Горячев А.В. Психолого-акмеологические основы формирования безопасного поведения в местах массового скопления // М: МПГУ. 2011.
4. Казаков Ю.Н. Теория личностного здоровья: санационное мышление превентивной безопасности // М.:РАСН. 2014.
5. Казаков Ю.Н., Саакян Л.И. Особенности санапсихологического тренинга профилактики стрессоустойчивости с учетом межполушарной активности // Мир психологии. 2014. № 4. С. 258-264.
6. Казаков Ю.Н. Концептуальные аспекты самостимуляции резервов безопасности личностного здоровья // Мир психологии. 2015. № 1. С. 271-281.
7. Колбанов В.В. Валеология // СПб.: Деан. 1998. 232 с.
8. Панкратов В.Н. Саморегуляция психического здоровья // М.: Институт психотерапии. 2001. 352 с.
9. Никифоров Г.С. Психология здоровья. Учебное пособие // СПб.: Речь. 2002. 256 с.
10. Петленко В.П. Валеология человека. Кн.1 // СПб.: РЕТРОС. 1998. 718 с.

УДК: 159.9/612.821

САНАПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ВОЛЕВОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ РИСКАМ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Ю.Ю. Казакова, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), г. Москва,

Ю.Н. Казаков, доктор медицинских наук, профессор психологии и социальных технологий, кафедра прикладной психологии,

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет» («МГОТУ»), г. Королёв, Россия

Статья посвящена обсуждению психологического феномена самоуправления волевым сопротивлением рискам здоровью личности. Сущности концепции самоуправления здоровьем, психофизиологической и психофизической парадигмам самооздоровления телесной организации и безопасности субъекта в сопротивлении негативным факторам среды.

Санапсихология, телесная организация, функции психики, оптимизация, формы здоровья, безопасность личности, самость, стресс.

SINAPTICESKI THE PHENOMENON OF VOLITIONAL RESISTANCE TO THE RISKS OF HUMAN SECURITY

Yu.Yu. Kazakova, postgraduate, Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation (Ranepa), Moscow

Yu.N. Kazakov, doctor of medical Sciences,

Professor of psychology and social technologies, Department of applied psychology, State budgetary educational institution of higher professional education Moscow region «Technological University» («MGOTU»), Korolev, Russia

The article is devoted to the discussion of the psychological phenomenon of self-willed resistance to the risks to the health of the individual. The essence of the concept of self-health, psycho-physiological and psycho-physical paradigms health improvement, physical organization and security of the subject in the resistance to negative environmental factors.

Snapvillage, physical organization, the functions of the psyche, optimization, form, health, security of person, self, stress.

В усложняющихся условиях сохранения безопасности личности актуализируется самоуправление здоровьем, рассматриваемое как личностное образование, проявляющееся состоянием целостности его конструктов и форм в условиях социогенеза. Формируемое ресурсами и резервами психики, расширяя и углубляя самость личности, на основе волевой активизации феномена сопротивления рискам социальных сред.

Самоуправление состоянием здоровья, выстраивается автором, начиная с обоснования процесса санационного («sanacio» – оздоровление) мышления (далее СМ). Концепции феномена волевого самоуправления состоянием форм здоровья – включения когнитивного санатора (объекта оздоровления) и его санации (смысловых намерений развития способности регулирования самооздоровления). Полагающие решение задач отреагирования и сосредоточения на волевой стимуляции резервов здоровья. Основанной на анализе развития форм здоровья как соматически-психологического синдрома сопротивления рискам среды. Осознания самооценки содержания «буферной зоны антиципации» включения санаций оздоровления, психосанаций и аутосанаций самооздоровления на основе волевой самостимуляции способностей самозащиты от стрессов, и научения самоуправлению этим процессом, как результата СМ и стиля безопасного поведения. Осознания сущности феномена личностного здоровья и целей самостимуляции резервов имплицитно-эксплицитных функций психики (далее ИЭФП) личности. Понимания модели субъективности внутренней

позиции благополучия как фактора нормального состояния психического здоровья человека. Знания характеристик актуализации самозащиты личности и педагогической модели сана – дидактики самостимуляции резервов здоровья. Умения определить и оценить ситуацию как единицу анализа устойчивости жизненного, индивидуального и около-индивидуального пространства личности. Знания феноменов ожидаемой ситуации и жизнестойкости личности. Понимания авторского санапсихологический подход выработки приемов и навыков самооздоровления.

Процесс СМ определяется как формально – смысловое вычленение обобщающих конструктов (общих-отражения целостности) и характеристик состояния здоровья. На основе усвоения знаний о них при решении задач сосредоточения и отреагирования на факторы среды. Их чувственные свойства и самостоятельное содержание внутренних его форм – внутренней взаимосвязи реакций в конструктах самости (целостности) личности (рис. 1).

Источником включения СМ являются санации-мотивы оздоровления, обретения смысла интегрального синтеза возможностей личности в самоуправлении осознанной реализации процесса самооздоровления санаторами: а) предметно-природными (воздух, вода, солнце) и социальными средствами (образ жизни, ритуалы, факторы среды); б) психологическими актами волевого включения рефлексивной самостимуляции резервов ИЭФП (новообразований телесно-психологической организации и качеств стрессоустойчивости). Полагая волевое сопротивление человека негативным факторам социальных сред.

СМ рассматривается как средство когнитивного процесса мотивации (санаций) восприятия и анализа смысловой информации, целей самооздоровления, ее синтеза (санирования)-фильтрации, психологической перцепции (инвертированного осознания) и сенсомоторного воображения новой формы состояния в развитии антиципации негативных факторов деформации своего здоровья – базового конструкта самости личности (долговременного удержания смысла ее приспособления к факторам среды).

СМ включает санатор – начало активации когнитивного осознания возможностей самооздоровления в самоуправлении развитием (сосредоточение на предмете санации-психическом упражнении, физкультуре, спорте, диете и т.п.) и стимуляции самозащиты (нейтрализацией переживаний – событий и рисков психическому здоровью) личности.

Санатор включает процесс санации. Когнитивную фильтрацию элементов рискованных событий и оценку факторов и рисков текущей ситуации. Активизацию механизмов санирования (материального и психологического акта самооздоровления) – погружения в состояние сосредоточения в самоуправлении психосанациями (эксплицитными) и аутосанациями (имплицитными) перцепции форм здоровья в телесных ощущениях нормального или рискованного состояния и сохранения самости личности.

Весь комплекс санационной мотивации самоуправления здоровьем учитывает необходимость активации, самоактуализации и самостимуляции его резервов и полагает психологическое расширение и углубление устойчивости самости личности. Стимулирует образовательную потребность формирования умений и навыков чувствовать, вычленять, дифференцировать свои способности релаксации и саморегуляции здоровья приемами санаций.

Методологическая основа гносеологии СМ в формировании стрессоустойчивости и превентивной безопасности субъекта рассматривается автором с позиции интегрально – психологического подхода самоуправления оздоровлением, основанного на психофизиологической парадигме (рис. 2).

Парадигма показывает взаимосвязь нервно-психологического взаимодействия между свойствами и состоянием человека, носителя целостной телесной и психологической матриц его организации. Отражает научный феномен реакций и регулирования стимуляции резервов ИЭФП в сопротивлении негативным факторам среды, полагая знания потенциала стрессоустойчивости, благодаря детерминации резервов самооздоровления и поддержания самости личности.

Рисунок 1 – Смысловая перцепция конструктов и форм здоровья в самости личности

Рисунок 2 – Алгоритмы парадигмы потребности самоуправления здоровьем

Обосновывает: перспективы профилактики стрессов личности; соразмерности психического здоровья и превентивной безопасности здоровья личности; самореализации личности в достижении самости психического здоровья человека; медицинской педагогики установок здорового образа жизни.

Комплексность и многоуровневость содержания парадигмы позволяет решать проблемы безопасности психического здоровья личности, ее стрессоустойчивости в экстремальных и чрезвычайных ситуациях, совершенствовать медико-педагогические основы самостимуляции и продуктивности самости здоровой личности. С одной стороны, специфика парадигмы строится на выстраивании виртуальной реальности (Optale

et al 2001 Morganti et al 2003 Khan et al 2003 Ducheneant et al 2006 Yee 2007) и оценке когнитивных функций психики (Haysser 1981 Roch 1995) в моделировании поведения (Войскресский, 2006) в условиях стресса и ЧС (Ю.К.). С другой стороны, позволяет выявлять возможности самооздоровления человека при использовании психолого – педагогических средств, стимуляции образовательной потребности и субъективности навыков самоуправления переживаниями, самоактуализации резервов расширения и углубления самости личности в преодолении фрустрирующих состояний.

Необходимо отметить, что образовательная потребность самоуправления здоровьем, формируется на основе *санапсихофизической парадигмы (субъект-объектного отношения в самооздоровлении)* и является интерактивным – медико – психологическим и педагогически предметным объектом самоактивации резервов устойчивости психики и готовности к стрессам:

- имитирует среду фрустраций, рисков факторов среды и возможностей самостимуляции резервов имплицитно-эксплицитных функций психики в их преодолении, сохраняя нормальное состояние форм здоровья;
- позволяет программировать индивидуальные возможности медико-психологического сопровождения здоровья на основе выполнения санаций (вертуальных объектов и предметов самооздоровления) и рекомендаций конкретных санаций, психосанаций и аутосанаций, активирующих саморегуляцию систем телесной организации и скрытых резервов, потенциала имплицитных и эксплицитных функций психики в процессе самооздоровления;
- устанавливает обратную связь санационного эффекта для уточнения программы тренинга в активации резервов стрессоустойчивости и объективизирует: а) степень погружения человека в реальность стресса при его адаптации к факторам среды; б) оценку эффекта санаций на конкретные риски стрессов и фрустраций (нейрональных реакций) в процессе обучения;
- активизирует конативно - креативные способности: а) психолого-педагогической коррекции и активации резервов функций психики в адаптации к стрессам; б) реабилитации функций психики пострадавших в стрессе или экстремальной ситуации.

В целом парадигма субъектного отклика на самооздоровление позволяет понять аффекты оздоровления природными и психологическими средствами воздействия на телесно-психологическую матрицу целостности форм и конструктов здоровья. Показывает взаимосвязи аффекта побуждения феномена сопротивления негативным факторам среды, сформированного благодаря перцепции упражнений санационного тренинга готовности к стрессам в развитии личности в фило- и онтогенезе. По примеру культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, теории социальной перцепции Дж. Брунера, социального конструктивизма К.ДЖ. Гершена.

Необходимо заметить, что детерминирующая роль самого человека как субъекта помогает ему активировать СМ в своем участии и отклике своих психических процессах отраженных в самооценке процессов самостимуляции резервов здоровья. В индивидуально выработанных формах и средствах самооздоровления с целью сохранения здоровья, самости личности и ЗОЖ во взаимодействии людей в обстоятельствах жизнедеятельности. В итоге субъективные представления о значимости самооздоровления начинают помогать человеку сохранять не только здоровье, но и самость личности с доминированием целесообразности самозащиты и самосохранения в усложняющихся условиях социальной среды жизнеобеспечения.

Особого внимания в эффективности самооздоровления заслуживает понимание когнитивного санатора в процессе самоуправления здоровьем – по содержанию это смысловой конструкт мотива СМ интегрального синтеза. На уровне: а) кратковременной памяти-включающей и активирующей интериоризацию смысла приемов самосохранения (через речевую или словесную память образов здоровья), с переводом нужной смысловой информации приемов здоровье сохранения в долговременную память; б) волевого упреждения (профилактику) ее перегрузки рисками здоровья, усиливающих напряжение центров мозга, повышая их тонус в здоровье преобразовании и профилактике деформаций психики.

Кроме того, сам процесс волевой активизации и самостимуляции оздоровлением-полагает изначальное осмысление влияния *санаторов и реакцией* когнитивной функции активизации резервов самозащиты, расширения, углубления самости личности.

В свою очередь, специфика психофизической парадигмы самооздоровления помогает формировать методологию санационного (оздоровительного) подхода активации на основе понимания сущности:

1. Функции санаций – а) извлечение санируемой информации проводимой ведущей репрезентативной системой, которая работает ниже уровня сознания; б) представления информации сознанию, выполняющему первичную репрезентативную систему самооздоровления; в) контроля и оценки получаемого результата санации выполняет референтная система.

2. Механизма *санирования* – активирование санатором резервов здоровья через модальность качественной информации, получаемой интеракции соответствующим центром мозга посредством репрезентативной системы, и санируемой – фильтруемой информации на уровне интериоризации процесса самооздоровления. Они формируют здоровые стандарты поведения и стиля здоровой жизни.

В итоге *санации* когнитивной функции психики включает волевые возможности участия предсознательного уровня памяти в приемах самозащиты, а технология санирования – заключается в переводе информации здоровье преобразования о состоянии форм здоровья в ситуации и смысловые структуры, осмысление связи объектов здоровье преобразования и их предметов перевода в долговременную память образов самооздоровления и самозащиты.

В целом концепция волевого самоуправления когнитивным *процессом санации* полагает здравомыслие способов стимуляции самооздоровления и содержание оценки своего опыта в сохранении состояния здоровья, а также возможностей тренинговой готовности психики (подготовленности) к преодолению факторов непредсказуемой ситуации (или стресса). Когнитивным фактором самоуправления является *санация здравомыслия* целей сохранения здоровья личности – осознанного ее результата (поведения в данный момент) с учетом влияния на состояние форм здоровья личности.

По психологическому содержанию санационная (оздоровительная) цель самоуправления является объектом внимания оперативной памяти, предметом и способов самооздоровления. Включает фокус предметного внимания (потребностей самосохранения здоровья и здоровой жизни) санатора, полагающего границу между фокусом и остальной зоной (пространства, поля) санации форм здоровья – базового конструкта самости личности.

Самостимуляция санатора полагает самоактивацию здоровой мотивации, побуждающей и включающей чувствование, сосредоточение, вычленение индикаторов состояния здоровой жизни, их различия, воображение и представление здоровых начал, интересов, мотивов, целей, задач, намерений, стремлений, желаний и побуждений формирования и удовлетворения потребностей сохранения целостности форм здоровья – базового конструкта самости личности.

Важно понимать и значимость самооценки санаций, психосанаций и аутосанаций – как буферных единиц самооздоровления и антиципации, полагающей: самооценку санаций (приемов психогигиены и средств формирования культуры сохранения здоровья), психосанаций (психических навыков оздоровления) и аутосанаций (аутопсихологических приемов самооздоровления); последовательность включения репрезентативных систем, характеризующих стратегию санации ИЭФП в трансформации резервов стрессоустойчивости.

Итог волевого самоуправления санациями здоровья личности – побуждение санатора к включению санаций нейтрализации рисков фактора здоровью, активации превентивной безопасности самости в сопротивлении и самозащите личности. Активации, полагающей педагогическую выработку образовательной потребности самостимуляции резервов здоровья личности в преодолении стрессов.

Формирование потребности личности в самооздоровлении определяет необходимость формирования сана – дидактики субъективности феномена санационного (самооздоровительного) мышления в перцепции, самоактуализации и самовоспитании резервов самозащиты самости. Показывает педагогическую необходимость стимуляции феномена волевого самооздоровления. Формирует осознание самосохранения целостной индивидуализации развития личности, на основе потребности развития резервов здоровья [1,7].

Раскрывает сущность проблемы стимуляции формирования внутренней позиции, резервов потенциала превентивной безопасности и феномена личностного здоровья в деятельности на основе знаний интеграции совокупности здоровых норм образа и стиля здоровой жизни. Интериоризации совокупности норм образа здоровой жизни и новообразований психически здоровых начал стрессоустойчивости. Самодинамизма стиля здоровой жизни и здоровых стереотипов поведения. Межличностных взаимодействий на основе зрелости здоровой личности в периодах жизни.

Раскрывает сущность знаний интроспективного осознания и значимость психического здоровья – отражения основополагающей целостности личности и опыта профилактики здоровья. На основе знаний схем символизации прошлого опыта через слово и язык – элементы познания и мышления. Знаний содержания начального этапа формирования защитных механизмов, которые в начальной жизни (по Фрейд) формируют психическую концентрацию ребенка на кормлении и биполярные проявления личностных черт, приобретенные в опыте.

Отображает компетенции и этапы сознательного контроля поведения, модели отражения психодинамики безопасности через обеспечение целостности личности на основе резервного потенциала побуждения

ИЭФП на саморазвитие. Технологической последовательности элементов самозащиты в формировании конструктов внутренней позиции психического здоровья, которая укладывается в 3 основные этапа интериоризации конструктов, композиций посредством механизмов психической защиты.

Таким образом, сущность концепции волевого сопротивления стрессам на основе образовательной потребности самоуправления здоровьем состоит в общем, особенном и углубленном понимании содержания СМ – самооценке степени переживания самосохранения здоровой жизни и нейтрализации рисков стресса (рис. 3). Определения внутри и за пределами медицинских, социальных и педагогических понятий, специфику процессов СМ и внутренней позиции в субъективных феноменах необходимости самооздоровления и санапсихологической адекватности самозащиты на уровнях и возможностями возрастной зрелости личности и познавательной сущности здоровья – ориентированной медицинской педагогикой.

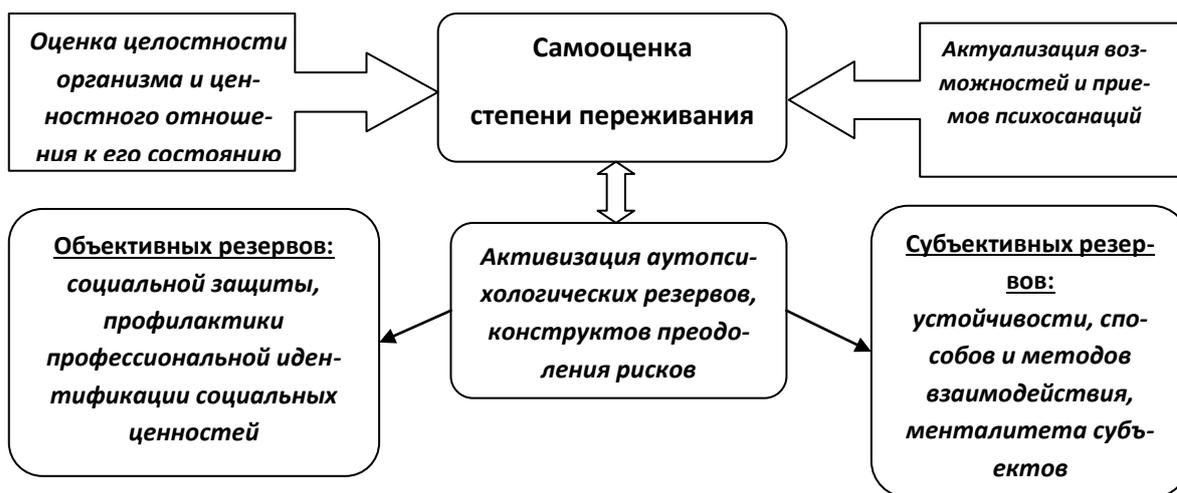

Рисунок 3 – Самооценка переживания и преодоления рисков здоровья

Формирование СМ – санапсихологически – продуктивного мышления и стиля безопасного поведения в жизни человека строятся автором на феноменологии Э.Гуссерлема, направленной на понимание «феномена «личностного здоровья» и моделировании его связей в системе «здоровье-психика» на основе знаний:

1. Феноменологии [9] : а) пространства СМ, б) безопасности личности, в) механизмов самозащиты личности на основе сопротивления стрессам.

2. Психологических форм освоения личностью санационных программ самостимуляции ее резервов в решении трех-уровневых задач: а) формирования превентивной безопасности форм здоровья личности; б) устойчивости структур психики и самости личности; в) формирования психологического статуса готовности к непредсказуемым ситуациям.

Автором делается упор и на описываемый феномен личностного здоровья [6] (далее ФЛЗ) полагая, что социальные и психологические исследования медико-психолого-педагогического их эффекта заключаются в активации самоорганизации внутренней позиции сохранения целостности форм здоровья личности [4,5], в самоуправлении социализацией и трудовым процессом [1]. Каждый должен знать себя, рационально использовать свои ресурсы безопасности, начиная с ресурсов образовательной среды [12].

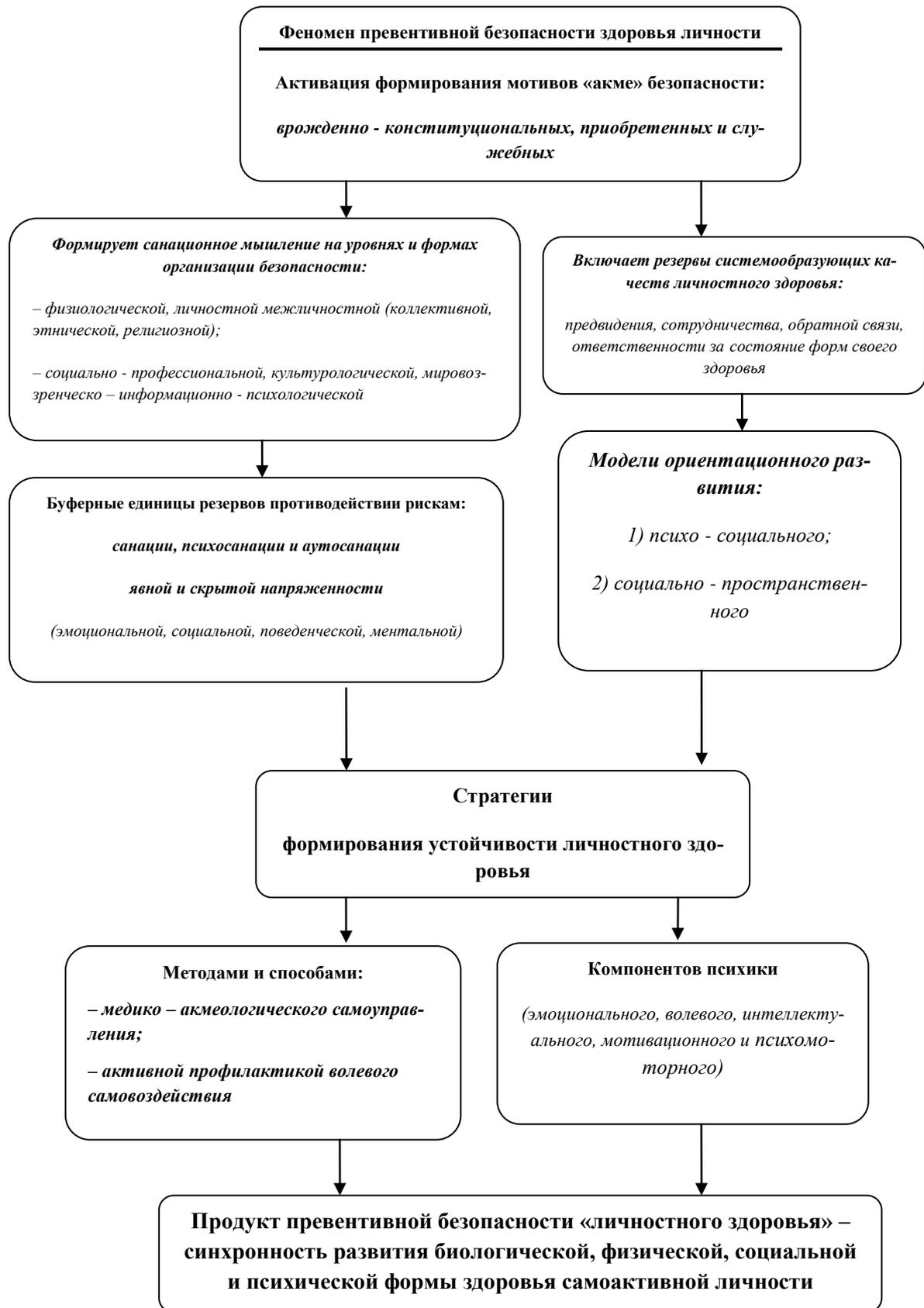

Рисунок 4 – Алгоритмы мотивов самоорганизации в стратегии СМ безопасности здоровой личности

Главная цель стратегии волевой самостимуляции резервов здоровья и самости личности состоит в освоении сана – дидактики СМ и формировании компетенций внутренней позиции личности и стрессоустойчивости на основе ФЗЛ (рис. 4).

Ведущее место в выполнении стратегии занимает самостимуляция и интегративная субъективность способностей личности, формирующих СМ и центральные функции «Я – здоровье», включающих «чувствование» ценностей здоровья и смысла превентивной безопасности личности (рис.5).

Рисунок 5 – Алгоритмы углубления познаний феноменов личностного здоровья и его превентивной безопасности

Санаторы самозащиты формируют мотивы самостимуляции индикаторов и резервов превентивной безопасности – видения, сотрудничества, обратной связи, ответственности за свое здоровье, общения и поощрения. Медицинская педагогика СМ показывает структуры эмоциональной, социальной, поведенческой, ментальной напряженности и учит оценивать уровень удовлетворенности ожиданий в преодолении стрессов.

Кроме того, трактует благополучие – как явление спокойного течения жизни [5], как стабильного состояния [6], как внешних условий удовлетворения потребностей и появления субъективности индивида в душевном равновесии [3].

При этом субъективное благополучие раскрывается самочувствием внутреннего благополучия, эффективностью психологии здоровья и моральности в стойкости духа и связано с активностью и способами совладения поведением. Делает акцент на использование волевого стиля благополучия в экстремальных условиях безопасности жизнедеятельности [22].

Однако, автор формирует модель субъекта деятельности как носителя продуктивности стрессоустойчивости через продуктивность конструктов здоровье сохранения (рис. 6).

Рисунок 6 – Алгоритмы целостности здоровья субъекта деятельности

Формирует модель субъективности (рис. 7) и внутренней позиции (рис. 8) состояния благополучия и ориентирует на факторы состояния психического здоровья.

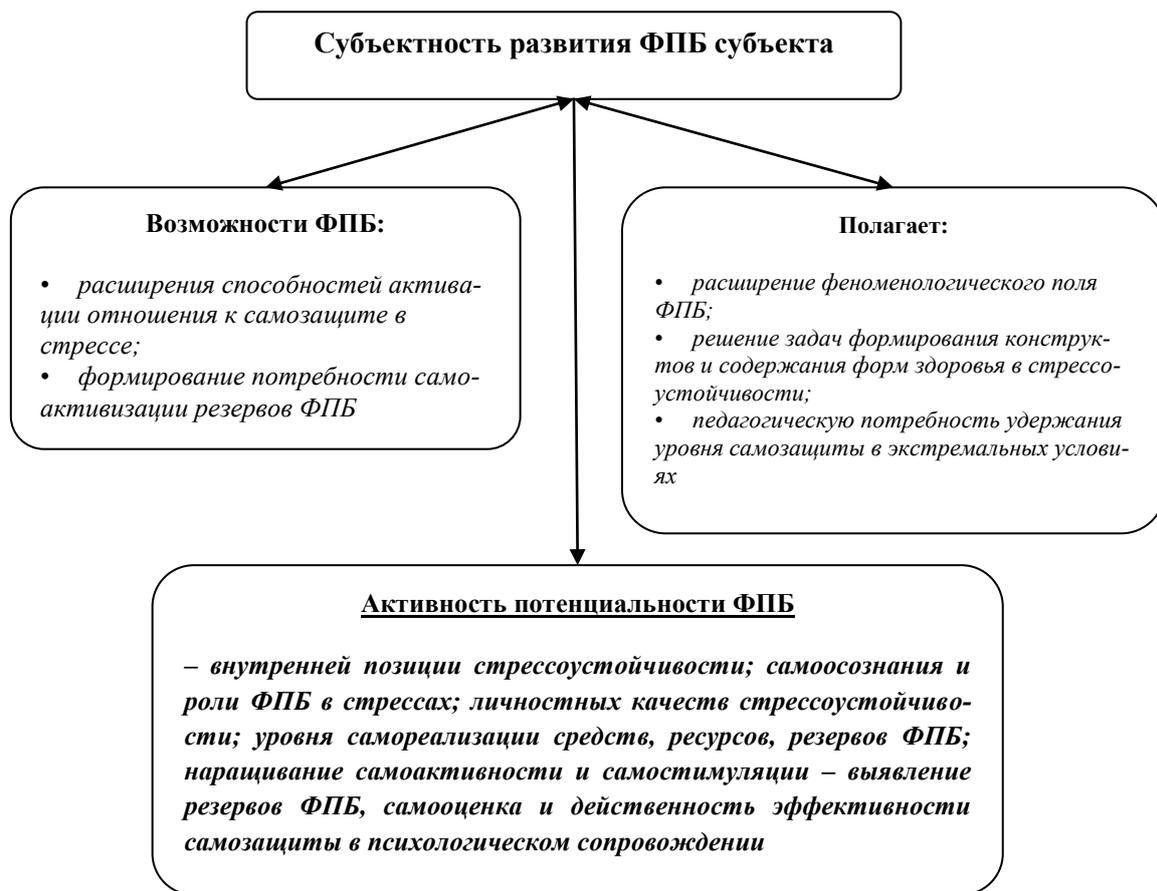

Рисунок 7 – Потенциал субъектности развития превентивной безопасности

Рисунок 8 – Алгоритмы регуляторов устойчивости внутренней позиции

В целом парадигмальные модели санационного мышления формируют субъективность внутренней позиции и состояния благополучия в преодолении стрессов, приёмов самоуправления этим процессом, и включает:

1. Субъективный (индивидуальный) и общий стиль самоуправления сохранением здоровья.

2. Анализ социально-психологических факторов гражданского общества и наличия: новых социальных отношений и социального самоуправления; ментальности; системы ценностей и смысла культуры демократии; сформированности системы безопасности здоровья – залога системы устойчивого развития состояния субъективного благополучия (фактора самоактуализации психической формы здоровья и ее основа в самозащите личности).

Специфическими показателями актуализации волевого самоуправления здоровьем и самозащитой личности автором определены: а) стремлением к синергии превентивной безопасности форм здоровья; б) взаимосвязью форм самозащиты с потенциалом образа жизни; в) направленностью личности на субъективную самостимуляции и смысло-ориентированность в оценке состояния психического здоровья личности.

Модель субъектности внутренней позиции в поддержании состояния безопасности и внутреннего благополучия формируется медико-педагогической сана-дидактикой самостимуляции резервов самости личности, что является основой парадигмальной модели СМ и самоактивации феномена превентивной безопасности личности (конструктами санаций, психосанациями и аутосанациями конструктов и форм здоровья), с учетом: а) организации систем их обеспечения; б) специфики личностной, межличностной (коллективной, этнической, религиозной) – социально-профессиональной безопасности; в) психологической, культурологической, мировоззренческой – информационно-психологической безопасности.

Модель основана на ситуационном самоанализе: а) здоровой среды взаимодействия с другими, б) перцепции ситуации доверия, в) толерантности, состояния психологического спокойствия, г) уверенности в состоянии стабильной безопасности. Формирует стрессоустойчивость к внешним и внутренним воздействиям. Основой анализа является оценка ситуации.

Однако в парадигме сана – дидактики СМ остается не разработанной оценка ситуации, как совокупности внешних и внутренних факторов в момент времени и влияет на активность поведения по В.П. Воронину и И.Н. Князеву, воспринимается субъектом как опыт – как единица анализа стойкости личности.

В целом автор классифицирует ситуации на витальные (угрозы жизни), социальные (выполнения роли) и профессиональные [8]. Полагает, что ситуации – выступают как единица анализа психолога - педагогического измерения единства структуры, функции деятельности, самостимуляции резервов форм здоровья личности на уровне внешней когнитивной функции стойкости жизненного, индивидуального и около – индивидуального пространства безопасности в повседневности и работе [6]. Рассматривает жизнестойкость личности как интегративное свойство в овладении сложностью бытия [6]. Как черту личности в преодолении себя и ситуации (Д.А. Леонтьев, 2003). Как проблему саморегуляции (Л.А. Александров, 2003), поддержания витальности и деятельности (Е.Н.Расказова, 2005) в навыках превращать проблемные ситуации в новые возможности (С.А. Богомаз, 2008) в управлении системой повышенной сложности (М.В. Логинова, 2010). На основе способности саморегуляции [23]. В целом полагающих устойчивость индивида и определяющих его жизнестойкость, психическое и соматическое здоровье [13] на основе сохранения самого человека и его психического здоровья [15]. Позволила автору сформировать санационно-рефлекторную парадигму трансформации функций психического здоровья, Ее суть в том, что СМ рефлексивного самоанализа (интроспекции) переживания стрессового состояния и социального благополучия помогает контролировать процесс самооздоровления и регулировать механизмы сохранения самости.

Помогает понять сущность трансформаций ИЭФП, осознавать её результаты в виде возможностей познания себя в психическом отражении: состояний целостности Ф3; переживаний стрессов; образов здоровой личности; оценок результатов самооздоровления; отношения к своему ЗОЖ; формирует-потенциал рефлексии: санаций состояния в интроспекции сознания и СМ; характеристик объектов самооздоровления и собственного «Я – здоровье»; измерение самооценки тестом «саннограммы». В итоге оценивая переживания стресса и фелинологическое поле самооздоровления Ф.3. и свойств сопротивления стрессорам санационно-рефлекторную парадигма расширяет интерпретации объективности полученных резервов самооздоровления.

В свою очередь, оценка самой ситуации личностью формирует и когнитивное представление о безопасности поведения в интеграции функции жизненного пространства и трех сторонности (подсознательно – филогенетические формы здоровья биологического организма, формы здоровья социального индивида и личностно – образующие формы здоровья, полагающие расширение самости) перцепции форм здоровья. Повышает активность личности в прогнозе рискованных, сложных и чрезвычайных ситуаций и схемах поведения, с преодолением стрессового или фрустрирующего состояния. Показывает, что когнитивные элементы познания СМ могут быть взаимосвязанными или не взаимосвязанными, соответствовать или находиться в противоречии или опасности для личности, в неадекватности внутренних связей [10].

Активность СМ в таких ситуациях, по личному опыту, зависит от сформированного феномена ожидания ситуации, основой которого автор считает реакцию самозащиты личности. Сам феномен трактуется как явление чувственного созерцания. К. Ясперсом как психическое переживание.

Однако автор строит основу феномена на способности предвосхищения событий. Реакция проявляет состояние единства и синхронности внутренних и внешних функций изменения психического здоровья человека и его стрессоустойчивости: а) устойчивости индивидуальных качеств и форм здоровья личности; б) готовности к включенности в окружающее пространство, как носителя продуктивности смыслового самопреобразования (санационного-оздоровительного мышления) сохранения форм здоровой личности в достижении аутопсихологического уровня активации потенциала безопасности самости личности в стрессах (рис. 9).

Готовность субъекта к стрессам строится автором на устойчивости и целостности феномена ожидаемого состояния готовности к экстремальным ситуациям. На способности психики личности (антиципации) к опережающему отражению, предвидению событий – на основе интуиции и подготовленности реакций на событие, готовности навыков их преодоления.

Включает необходимость осознания регулирующих механизмов редукции напряжения и осознанного регулирования и повышения стрессоустойчивости на основе санационного мышления – в отношении к психологической перегрузке, сохраняя резервы феномена жизнестойкости личности.

Последний феномен, в свою очередь, ставит задачи – обоснования и обучения навыкам самооздоровления, поиск путей, мероприятий стимулирующих психофизиологические и другие факторы и механизмы самосовершенствования потенциала СМ в самоуправлении оздоровлением, и самозащитой личности к стрессам – эффективности безопасного и жизнестойкого поведения.

Рисунок 9 – Потенциал превентопсихологии феномена личностного здоровья

Важно понимать и сущность самосовершенствования потенциала СМ в самоуправлении оздоровлением, которое строится на санарефлексивной парадигме познания психологических актов побуждения

афферентных, гностических и практических побуждений резервов в сопротивлении стрессам. Включает знания приоритетной роли волевой их активации санаторами (мотивами) трансформации ИЭФП в социальной перцепции реагирования и сопротивления стрессорам. Преобразует отрицательные эмоции на уровне переживаний стресса и сохранения целостностного равновесия здоровья в качествах стрессоустойчивости. Познание такой взаимосвязи рефлексии и реагирования сопротивлением стрессам является источником субъективности самооздоровления. При этом, человек в психологическом познании своих резервов сопротивления представляет собой и субъект и объект социального взаимодействия и методологической основы самостимуляции резервов сопротивления. Ведущее место в этих процессах играет СМ интегрального синтеза трех-этапной реализации: самосохранения матриц здоровой организации телесности человека; смысловой и речевой формы выражения состояния форм здоровья и ЗОЖ; психологической (предметно-оздоровительной) реализации самооздоровления и углубления самости личности в усложняющихся условиях социальной среды обитания.

В целом парадигмальные основы познания феномена волевого сопротивления негативным факторам социальной среды [8] раскрывают:

- 1) сущность санационного мышления (санаторов и санаций) в углублении целостности форм здоровья и феноменологии превентивной безопасности психического здоровья субъекта;
- 2) психолого-педагогическое обоснование [4] знаний, умений и навыков профилактики стрессов (устойчивости, надежности в готовности к фрустрирующим состояниям);
- 3) представлений и самооценку целостности форм здоровья: нормоцентрическим, эволюционистским, холистическим, феноменологическим социально-ориентированным, кросскультурным, аксиологическим и авторским комплексно-интегрированным санапсихологическим подходом.

Потребность в СМ и перцепции субъективных механизмов волевого самоуправления состоянием здоровья человека связана и с тем, что основой процесса СМ является активация санаторов психологическими актами самооздоровления. Они стимулируют внутренние и внешние механизмы санирования – самооздоровления форм здоровья и формирования превентивной безопасности самости личности.

Процесс самоуправления санациями активируется образовательной потребностью продуктивности СМ (обучением), формирования стиля безопасного поведения и образа здоровой жизни. Формирование у человека феномена восприятия и оценки личностного здоровья на основе освоения сана – дидактики СМ и компетенциях внутренней позиции личности в стрессоустойчивости.

Санаторы самооздоровления и самозащиты, в свою очередь, активируют сами модели санационного мышления, которое и формирует субъективность внутренней позиции в сохранении здоровой жизни и социального благополучия. Активирует мотивы самостимуляции оздоровления медицинской педагогией СМ в поддержании жизнестойкости.

Модель субъектности внутренней позиции способствует поддержанию состояния стойкости жизненного, индивидуального и около – индивидуального пространства безопасности здоровой жизни личности. На основе формируемого у человека феномена превентивного ожидания негативной ситуации, основанного на реакции готовности к стрессам, благодаря трансформации резервов индивидуальных эксплицитно – имплицитных и возможностей функций психики к самозащите личности с осознанием человеком самоуправляемых и саморегулируемых механизмов редукции состояния напряжения в сопротивлении стрессам.

Литература

1. Анциферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуации и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. №1.
2. Апанасенко Г.Л., Попова Л.А. Медицинская валеология // Ростов-на-Дону: Феникс. 2000. 245 с.
3. Бондарева С.К., Колесов Д.В. Суверенитет, субъективность, свобода // М.: Изд-во Московского психолого-социального института // Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК». 2007. С.184 -189.
4. Голиков Ю.Я., Дикая Л.Г., Костин А.Н. Проблемы исследования психической регуляции в триаде «деятельность-личность-состояние» // Проблемность в профессиональной деятельности: теория и методы психологического анализа // М. 1999.
5. Грачев В.В., Секач М.Ф., Шевченко В.Г., Перелыгина Е.Б. Психология безопасности: оптимизация психической устойчивости кадров военного управления // М. 2004.
6. Зинченко В.П. Общество на пути к человеку психологическому // Ж. Вопросы психологии. 2008. С.6.

7. Казаков Ю.Н. Теория личностного здоровья: санационное мышление превентивной безопасности // М.:РАСН. 2014.
8. Казаков Ю.Н., Саакян Л.И. Особенности санапсихологического тренинга профилактики стрессоустойчивости с учетом межполушарной активности // Мир психологии. 2014. № 4. С. 258-264.
9. Казаков Ю.Н. Концептуальные аспекты самостимуляции резервов безопасности личностного здоровья // Мир психологии. 2015. № 1. С. 271-281.
10. Казаков Ю.Н. Когнитивная психология самооздоровления // М.: РАС. 2015. С.11.
11. Климов Е.А. Введение в психологию труда // М. 2004.
12. Конечный Р., Боухал Н. Психология в медицине // М. 1983.
13. Коржова Е.Ю. Психология жизненных ориентаций человека // СПб.: Изд-во СПбГУ. 2006. 382 с.
14. Колбанов В.В. Валеология // СПб.: Деан. 1998. 232 с.
15. Лактионов А.Н. Координаты индивидуального опыта // Харьков. 2010. 368 с.
16. Панкратов В.Н. Саморегуляция психического здоровья // М.: Институт психотерапии. 2001. 352 с.
17. Петленко В.П. Валеология человека. Кн.1 // СПб.: РЕТРОС. 1998. 718 с.
18. Петленко В.П. Валеология человека. Кн.2 // СПб.: РЕТРОС. 1998. 832 с.
19. Никифоров Г.С. Психология здоровья. Учебное пособие // СПб.: Речь. 2002. 256 с.
20. Сухов А.Н. Социальная психология безопасности. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений // М.: 2002.
21. Маркова А.К. Психология профессионализма // Изд-во: Международный гуманитарный фонд «знание». 1996.
22. Фомина А.Н. Жизнестойкость личности. Монография // М.: МПГУ. 2012. С. 9-12.

АВТОМАТИЗИРОВАННАЯ СИСТЕМА ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО ДИНАМИКЕ РЕЧЕВОГО СИГНАЛА

И.Л. Пластун, доктор физико-математических наук, профессор кафедры
«Информационная безопасность автоматизированных систем»
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.»
(«СГТУ им. Гагарина Ю.А.»), Саратов, Россия,

А.А. Захаров, магистрант направления «Информатика и вычислительная техника»,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.»
(«СГТУ им. Гагарина Ю.А.»), Саратов, Россия,

Н.А. Еремин, магистрант направления «Информатика и вычислительная техника»,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.»
(«СГТУ им. Гагарина Ю.А.»), Саратов, Россия

Статья посвящена описанию методов и основных принципов работы автоматизированной экспертной системы, предназначенной для определения психологического состояния человека по его речи. Разработанный авторами программный продукт ставит своей целью исключение субъективности при оценке психологического состояния и может быть использован на собеседовании при приеме на работу, при проведении фонологической экспертизы в ходе судебных процессов, при определении психоэмоционального состояния человека на приеме у психологов и психиатров.

Автоматизированная система, психология, информационные технологии, эмоции, речь, физические характеристики.

AUTOMATED SYSTEM FOR THE DETERMINATION OF THE PSYCHOLOGICAL STATE OF THE HUMAN ON THE DYNAMICS OF THE SPEECH SIGNAL

I.L. Plastun, doctor of physical and mathematical sciences, professor
of the department of «Information security of automated systems»,
Federal state budget educational institution of higher education «Saratov state technical university named after Ga-
garin Y.A.», («SSTU named after Gagarin Y.A.»), Saratov, Russia,

A.A. Zakharov, graduate student of specialty «Informatics and computer facilities», Federal state budget educa-
tional institution of higher education «Saratov state technical university named after Gagarin Y.A.»
(«SSTU named after Gagarin Y.A.»), Saratov, Russia,

N.A. Eremin, graduate student of specialty «Informatics and computer facilities», Federal state budget educational
institution of higher education «Saratov state technical university named after Gagarin Y.A.»
(«SSTU named after Gagarin Y.A.»), Saratov, Russia

Article is devoted to the description of methods and philosophy of work of the automated expert system intended for definition of psychological state of the person according to his speech. The software product developed by authors sets as the purpose a subjectivity exception at assessment of psychological state and can be used on an interview at employment, when conducting phonologic examination during trials, when determining a psychoemotional condition of the person on reception at psychologists and psychiatrists.

Automated system, psychology, informational technologies, emotions, the speech, physical characteristics.

В последнее время наблюдается постепенное внедрение информационных технологий в сферу гуманитарных наук. В частности, вызывает интерес вопрос о возможности машинного распознавания эмоций

в звучащей речи [6], [1]. Распознавание эмоций необходимо для различных задач, где требуется анализ психологического и психического состояния человека. Подобный анализ необходим при приеме сотрудников на работу, для проведения специализированной фонологической экспертизы в ходе судебных процессов, при анализе психологического состояния пациента на приеме у психолога или психиатра и во многих других подобных случаях. Одним из вариантов решения подобных задач является создание специализированной экспертной системы, выполняющей анализ психологического состояния человека в автоматизированном режиме.

Для реализации подобных систем обычно предлагается несколько методов (см., например, [4]), один из которых «Антропоморфный метод распознавания эмоций в звучащей речи», он хорошо подходит для создания систем распознавания эмоций и его точность составляет 81% (по словам разработчиков).

Целью представленной работы является создание автоматизированной системы фонологического анализа речи на предмет оценки психологического состояния человека, что является более комплексной задачей, чем простое выявление определенной эмоции, поэтому было принято решение использования более узкой методики, направленной на анализ психологического состояния человека, таким образом, как это делал бы человек-эксперт в данной области [5].

Разработанный программный комплекс, работает под ОС Windows 7 и выше при поддержке технологии .net framework 4.5. Системные требования: процессор: Intel Core i3-2100, оперативная память: не менее 2 ГБ, место на жестком диске: не менее 300 МБ, периферийные устройства: наличие звуковой карты, звукозаписывающего устройства, микрофона.

Преимуществом предложенного программного комплекса является простота и наглядность в использовании, удобство интерфейса, отсутствие русскоязычных аналогов.

Данная система на основе анализа физических показателей звукового (голосового) сигнала и фонологического анализа речи (голоса) человека выделяет характерные признаки конкретных эмоций, а на их основе даёт оценку психологического типа и психического состояния человека. Предложенный программный комплекс за счёт автоматизации существенно упрощает оценку психоэмоционального состояния человека при приёме на работу, при возникновении конфликтных ситуаций, разрешаемых юридическим путём (фонологическая экспертиза на предмет оскорбительных высказываний), а также при использовании как вспомогательного средства при установлении диагноза психически больного или зависимого человека

Преимуществом предлагаемой автоматизированной системы оценки речи является существенное сокращение времени, а также возможность исключения субъективизма и влияния человеческого фактора.

Первоочередной задачей являлось копирование человеческого восприятие звука. Перед тем, как информация об услышанном звуке попадает в мозг, звук проходит преобразование через специальный биологический механизм, который разлагает звук по частотам, а после отправляет эту информацию в мозг, в результате чего человек легко может отличить высокие звуки от низких. Чтобы выполнить данную задачу, было использовано преобразование Фурье, которое разлагает звуковой сигнал на синусоидальные колебания. Фурье – разложение звукового сигнала в графическом виде представлено на рисунке 1.

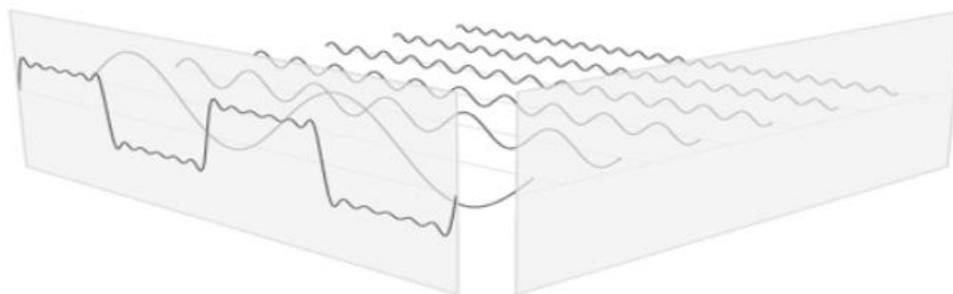

Рисунок 1 – Сумма периодических гармонических сигналов разной частоты, выделенных в звучащей речи после преобразования Фурье

Помимо физических характеристик при оценке звучащей речи были использованы стандартные оценки экспертов в области психологии с целью выявления ряда характеристик, необходимых для произведения психологического анализа, после чего была создана базы знаний (часть базы знаний изображена на рисунке 2).

Симптом	Темп речи	Громкость речи	Прерывистость речи	Паузы
Депрессия невротического уровня	незначительно замедлен (40-60 сл/мин)	Умеренно снижена 40-50 дБ	Не выражена	Средней продолжительности (3-7 с)
Депрессия психотического уровня	значительно замедлен (меньше 40 сл/мин)	Умеренно снижена 40-50 дБ	Незначительно выражена	Средней (3-7с), длительной (более 7 с) продолжительности
Тревога	незначительно ускорен (100-120 сл/мин)	Умеренно повышена 80-90 дБ	Выражена	Короткие (до 3с)
Мания	значительно ускорен (больше 120 сл/мин)	Несколько повышена, характерны колебания громкости от крика до шепота 80-90дБ	Выражена	Отсутствуют
Апато-абулический синдром	значительно замедлен (меньше 40 сл/мин)	Несколько снижена 40-50дБ	Выражена умеренно	Средней (3-7с), длительной (более 7 с) продолжительности
Эмоциональная холодность	незначительно замедлен (40-60 сл/мин)	Не изменена 50-80 дБ	Выражена умеренно	Средней (3-7с), длительной (более 7 с) продолжительности
Разорванность мышления	незначительно замедлен (40-60 сл/мин)	Не изменена 50-80 дБ	Выражена умеренно	Короткие (до 3с), средней продолжительности (3-7с)
Обсессии	нормальный (60-100 сл/мин)	Не изменена 50-80 дБ	Выражена умеренно	Короткие (до 3с)
Кататонический ступор	значительно замедлен (меньше 40 сл/мин)	Снижена ниже 40 дБ	Выражена	Длительные (более 7 с)
Кататоническое возбуждение	незначительно ускорен (100-120 сл/мин)	Повышена выше 90 дБ	Выражена	Отсутствуют

Рисунок 2 – Пример базы знаний в форме таблицы

На следующем этапе разработки проекта был реализован механизм, выявляющий физические характеристики звука из данных, полученных после преобразования Фурье. Результатом преобразования Фурье будет являться массив комплексных чисел, но для выявления физических характеристик сигнала необходимо осуществить их преобразование амплитуды, частоты и фазы гармоник.

Для данной задачи были использованы следующие формулы:

$$X_k = Re_k + jIm_k \quad (1)$$

$$X_k = NA_k e^{j\varphi_k} \quad (2)$$

$$A_k = \frac{1}{N} \sqrt{Re_k^2 + Im_k^2} \quad (3)$$

$$\varphi_k = Arg(X_k) \quad (4)$$

Первый элемент массива результата преобразования показывает постоянную составляющую сигнала. Остальные элементы представлены в виде гармоник следующего вида

$$-A \cos(2\pi vt + \varphi) \quad (5),$$

где v – частота, которая для k -ой гармонике вычисляется по следующей формуле:

$$v = \frac{k}{T} \quad (6)$$

где T – суммарное время сигнала. При этом на обработку поступает не суммарное время сигнала, а частота дискретизации D . Таким образом, частота гармоник с индексом k будет рассчитываться по следующей формуле:

$$v = \frac{Dk}{N} \quad (7)$$

На следующем этапе необходимо было исключить возможность «зеркального эффекта», заключающийся в том, что если в отношении сигнала, состоящего из одной гармоники с частотой $f > 0$ выполнить прямое преобразование Фурье, то в частотам получившимся спектре будут обнаружены два ненулевых

$$\text{элемента, которые соответствуют } f \text{ и } f' = \left(\frac{N}{T-f}\right) \quad (8),$$

где N – число точек преобразования Фурье, а T – продолжительность отрезка, к которому применялось преобразование. У обоих элементов половинные амплитуды в сравнении с изначальной гармоникой. Для того, чтобы устранить данный эффект, элементы второй половины спектра с индексами после $N / 2$ были обнулены, а все элементы первой половины умножены на 2, но самый первый элемент не был умножен, так как он соответствует постоянной составляющей. В процессе преобразования были выявлены ошибки округления, из-за которых на месте некоторых нулевых элементов появились ненулевые. Для решения этих ошибок был установлен нижний предел, гармоники с амплитудой ниже этого предела просто отбрасываются.

На заключительном этапе анализа происходит сравнение выявленных характеристик с характеристиками, содержащимися в базе знаний, и на основе данного сравнения составление части вывода о психологическом состоянии.

Разработанный программный комплекс (пример работы его представлен на рис. 3) производит анализ психологического состояния при помощи двух методов: сравнительного анализа физических характеристик на основе базы знаний (пример базы представлен на рис.2) и антропоморфного метода распознавания эмоций в звучащей речи.

Рисунок 3 – Пример работы программного комплекса. Вывод результата анализа

Согласно первому методу, из обрабатываемого речевого сигнала выделяются физические характеристики, которые сравниваются с характеристиками, полученными от экспертов, и содержащиеся в базе знаний.

Второй используемый нами метод – антропоморфный метод распознавания эмоций в звучащей речи [2] – был создан на основе четырехмерной сферической модели эмоций и принципах кодирования информации в нервной системе.

Универсальная четырехмерная сферическая модель эмоций [2,3] была построена на основе исследований семантики эмоций и эмоциональных характеристик звучащего слова. Эта модель делает объективным и формальным различные проявления эмоций и переживаний в речи, семантике и мимике. При помощи заранее созданных специальных образцов для многомерного шкалирования субъективных различий эмоциональных состояний проводился эксперимент для построения этой модели. Для того чтобы образцы были равны между собой, использовалось одно и то же слово, произнесенное с разными эмоциями. Эксперимент проходил в 2 серии: со словом «Да» и словом «Нет». Исходя из практики даже такие короткие слова способны полноценно и адекватно вмещать в себе все эмоциональные состояния [3]. Эти слова достаточно нейтральны, но в то же время отражают более определенной и независимое от контекста значение. Из огромного количества образцов, которые были получены при помощи профессиональных актеров, отобраны по 20 образцов с 10 характерными эмоциями в каждом наборе. Их двух наборов образцов выбирались универсальные параметры, которые не зависят от конкретного слова, но тем самым показывают проявление эмоций [3]. В каждой серии образовывалось по 190 вариантов пар из 20 образцов. Пара давалась не менее трех раз, следовательно, всего получилось 570 пар, следующих в случайном порядке. В эксперименте принимало участие 25 взрослых и 30 детей в возрасте с первого по восьмой классы. В ходе выявлено, что сравнение и восприятие эмоций других успешно получалось и у взрослых, и у детей. Матрицы испытуемых хорошо коррелировали между собой, что позволило, путем объединения, уменьшить случайный шум получаемых оценок, которые образовывали матрицу различий.

Анализ попыток введения размерности для усредненных матриц при помощи различных метрических методов показал, что размер эмоционального пространства по всем критериям должен быть равен четырем. Проверка точек-стимулов на сферичность в четырехмерном пространстве показала, что вариативность радиуса четырехмерной сферы в серии «Да» равна 9.71%, а в серии «Нет» – 9.94%. Это неплохо соче-

тается с разработками о принципах кодирования в нервной системе, на основе чего может быть построена антропоморфная модель эмоциональных состояний.

Предлагаемая четырехмерная сферическая модель может служить общей системой классификации эмоций и объединяет как психологические классификации, которые получены их разных экспериментальных данных, так и физиологические понимания эмоциональной регуляции мозга. Также она показывает каждую эмоцию в виде линейной комбинации психофизиологических параметров и количественно передает все нюансы и плавные переходы эмоциональных состояний человека.

В общем, по своей сути антропоморфный метод распознавания эмоций в звучащей речи строится на основе факторов, которые описываются с помощью бимодальных спектральных фильтров.

Фактор 1 располагает максимумами: основной – 3000 Гц и вспомогательный – 500 Гц. Исходя из колебания звукового сигнала, он сравнивает компоненты с другими по оси знака эмоций, и положительная оценка объекта строится исходя из вклада, который внес данный компонент.

Фактор 2 располагает максимумами: 1000 Гц и 1750 Гц. Он вычисляет степень информационной энтропии т.е. противоположность эмоций, например, спокойствие в контрасте с раздражением.

Фактор 3 располагает широко расположенными друг от друга максимумами: низкочастотный – 150 Гц и высокочастотный – 3500 Гц. В соответствии с наборами слов «да» и «нет», он определяет влечение, при том, что набор «да» сопровождается положительной оценкой, а набор «нет» показывает отсутствие отвержения.

Фактор 4 располагает близко стоящими максимумами: 600 Гц и 1500 Гц. Он определяет реакцию по характеру отвержения как агрессивную либо пассивную (страх).

Разработанная автоматизированная система достаточно проста и удобна даже для начинающего пользователя. В качестве исходного материала система использует аудиофайл, который испытуемый наговаривает в микрофон или запись с диктофона. Кроме того, имеется возможность анализа речи в режиме on-line. Как результат анализа система предоставляет расширенную экспертную оценку психоэмоционального состояния человека по физическим характеристикам его речи (см. рис.3). Подробная фонологическая экспертиза в настоящее время весьма востребована в психологии, психиатрии, лингвистике, медицине, обучении, тестировании персонала и других смежных областях. Автоматизация процесса позволяет исключить субъективность со стороны эксперта и существенно сократить время экспертной оценки.

Литература

1. Вартанов А.В. Антропоморфный метод распознавания эмоций в звучащей речи // Национальный психологический журнал. Том 10. № 2. 2013. с.60-79.
2. Вартанов А.В., Вартанова И.И. Что такое эмоции? 4-х мерная сферическая модель аспектов переживания, выражения, восприятия и обозначения эмоций. // В сб. Культурно исторический подход и проблема творчества: Материалы вторых чтений памяти Л.С.Выготского / Под ред. Е.Е.Кравцовой, В.Ф.Спиридонова, Ю.Е.Кравченко // М. (РГГУ. фонд им. Л.С.Выготского). 2003. с. 13-29.
3. Виденева Н.М., Хлудова О.О., Вартанов А.В. Эмоциональные характеристики звучащего слова. // Журн. высш. нерв. деят. 2000. т.50 вып. 1. с. 29-43.
4. Глухов В.П. Основы психолингвистики: учеб. пособие для студентов педвузов // АСТ: Астрель. 2005. 351с.
5. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики // Смысл. 1997. 287 с.
6. Pfister T., Emotion Detection from Speech // Gonville & Caius College. 2010. 60с.

УДК 378

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ВОПРОСУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Н.Г. Жарких, кандидат психологических наук, доцент,
кафедра социальной психологии и акмеологии,
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева,
С.С. Костыря, кандидат психологических наук, доцент,
кафедра прикладной психологии,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет» («МГОТУ»), г. Королёв, Россия

В статье анализируется содержание понятия «профессиональное развитие» личности с позиции сущности, содержания, условий и факторов педагогической деятельности. Сравниваются различные концепции профессионального развития педагога в зарубежных и отечественных исследованиях.

Развитие личности, профессиональное развитие педагога, педагогические технологии.

**THEORETICAL APPROACHES TO THE PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF TEACHERS
IN THE MODERNIZATION OF EDUCATION**

N.G. Zharkih, Candidate of psychological sciences, associate professor,
Department of Social Psychology and Acmeology,
Oryol State University. I.S. Turgenev,
S.S. Kostyrya, Candidate of psychological sciences, associate professor,
Department of Applied Psychology,
State Budget Educational Institution of Higher Education of the Moscow Region «Technological University»
(«MGOTU»), Korolev, Russia

The article analyzes the content of the concept of "professional development" of the individual from the perspective of the essence, content, conditions and factors of pedagogical activity. Various concepts of professional development of the teacher in foreign and domestic researches are compared.

Personality development, professional development of the teacher, pedagogical technologies.

Государственная политика в системе образования определила основные направления модернизации – системные изменения как в деятельности образовательных организаций, так и педагогических работников. Новая парадигма образования ставит в центр проблемы человека, его индивидуальность, неповторимость, возможности его развития, акцентирует внимание на создании условий для всестороннего и постоянного развития личности. Раскрывая суть происходящих преобразований, А.Г. Асмолов отмечает, что образованию присуще «построение ... такой организации жизни, которая помогла бы каждому человеку найти себя». Происходит не только и не столько преобразование педагогического метода или технологии обучения, сколько преобразование жизни растущего и обучающегося ребенка через введение вариативности образования, расширение возможностей компетентного выбора личностью жизненного пути и саморазвития.

Ключевая роль в реализации происходящих перемен несомненно принадлежит педагогу. Это неоднократно подчеркивается в различных правовых документах. В Национальной доктрине образования в РФ, утвержденной Постановлением правительства в 2000 г. и рассчитанной на период до 2025 г., говорится о том, что «к одной из основных целей и задач образования относится подготовка высокообразованных людей и высококвалифицированных специалистов, способных к профессиональному росту и профессиональной мобильности в условиях информатизации общества и развития новых наукоемких технологий» [16]. Также Статья 48 «Обязанности и ответственность педагогических работников» Федерального закона «Об образовании в РФ» гласит, что «педагогические работники обязаны осуществлять свою деятельность на высоком профессиональном уровне, обеспечивать в полном объеме реализацию преподаваемых учебных дисциплин, предметов, в соответствии с утвержденной программой...» [21]. В Профессиональном стандарте педагога, раскрывающем основные трудовые функции педагога, подробно изложена развивающая деятельность педагога и необходимые умения, которыми педагог должен обладать. В числе основных рассматривается умение разрабатывать и реализовывать индивидуальные образовательные маршруты, индивидуальные программы развития и индивидуально-ориентированные программы с учетом личностных и возрастных особенностей обучающихся [17]. Все это ставит перед учителем новые задачи: он должен подготовить не просто специалистов, владеющих некоторой совокупностью опыта, накопленного предыдущими поколениями, а прежде всего готовых к встрече с новым и неизвестным, к осуществлению исследовательской деятельности, к постоянному деятельному самосовершенствованию и самообновлению. По нашему мнению, достижение этих задач возможно при соблюдении двух условий. Во-первых, внедрение в систему образования инновационных образовательных технологий, как необходимого инструментария современного педагога.

Проблема образовательных (педагогических) технологий активно разрабатывается в трудах Е.П. Белозерцева, В.П. Беспалько, Е.В. Бондаревской, С.К. Бондыревой, Б.С. Гершунского, С.И. Гессен, М.П. Горчаковой-Сибирской, В.И. Горовой, В.В. Давыдова, З.З. Кириковой, Е.А. Крюковой, М.М. Левиной, О.Е. Ломакиной, Н.Д. Никандрова, А.М. Новикова, Е.И. Машбиц, В.М. Монахова, В.Ю. Питюкова, В.М. Полонского, С.Д. Полякова, А.Я. Савельева, Г.К. Селевко, И.Б. Сенновского, В.В. Серикова, В.П. Симонова, В.А. Слостенина, Ю.Г. Татур, Н.Ф. Талызиной, П.И. Третьякова, Д.И. Фельдштейна и др. Достаточно полный обзор определения данного понятия и содержания современных образовательных технологий был проведен Г.К. Селевко [19]. В современной педагогике существуют различные точки зрения в отношении понимания его сущности. Приведем лишь некоторые из них.

С точки зрения В.П. Беспалько, педагогическая технология – это содержательная техника реализации учебного процесса [6]. По мнению И.П. Волкова, это описание процесса достижения планируемых результатов обучения [8].

В.М. Монахов трактует это понятие как продуманную во всех деталях модель современной педагогической деятельности по проектированию, организации и проведению учебного процесса с безусловным обеспечением комфортных условий для учащихся и учителя [15].

Однако, несмотря на разнообразие трактовок, можно отметить, что в основе понимания педагогической технологии лежит идея полной управляемости образовательным процессом, возможности его проектирования и рефлексивного осмысления каждого этапа.

Для эффективной организации взаимодействия в процессе образования, бесспорно, необходимо учитывать особенности разнообразных педагогических образовательных технологий. Однако специфика современного образования акцентирует внимание на применении инновационных технологий как инструменте, с помощью которого новая образовательная парадигма может быть претворена в жизнь. Это технологии личностно-ориентированного, развивающего характера, которые позволяют строить учебный процесс с опорой на потенциальные возможности человека и их реализацию. Они позволяют развивать механизмы инновационной деятельности, подготавливая человека к жизни в постоянно меняющемся мире. Важность использования личностно-ориентированных технологий в образовательном процессе

обсуждалась в научных трудах А.А. Вербицкого, Т.Ф. Гуровой, В.И. Качуровского, Е.А. Крюковой, В.М. Монахова, В.В. Серикова и др.

Во-вторых, готовность самого педагога к осуществлению эффективной инновационно-образовательной деятельности. В этой связи актуализируется проблема непрерывного профессионального развития и саморазвития педагога, уровень профессионализма которого будет детерминировать качество образования в целом. В Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г. неоднократно подчеркивается приоритетность образования в течение всей жизни человека [20]. Также, в последнее время в отечественной психологии все большее значение приобретает концепция «неограниченного развития» Б.Г. Ананьева, Л.И. Анцыферовой, А.В. Брушлинского, И.С. Кона, К.К. Платонова, А.В. Толстых и др., по нашему мнению, актуальной для современной социально-образовательной ситуации, согласно которой развитие представляет собой эволюционно-инволюционное поступательное движение, не прекращающееся до момента окончания самой жизни [1]. Это позволяет предположить, что если развитие человека продолжается в течение всей его жизни, то, профессиональное развитие педагога также не может ограничиваться ни возрастными, ни временными показателями. Поэтому система обучения педагога как на этапе вузовской подготовки, так и совершенствования последипломного образования, должна отвечать перспективам профессионального развития педагога с учетом личностных и профессиональных потребностей на всем этапе профессиональной деятельности.

Проблема профессионального развития носит междисциплинарный характер и является одной из центральных проблем современной психологии труда, психологии профессий, акмеологии и др. Говоря о развитии человека, различают физическое развитие, физиологическое развитие, психическое развитие, социальное развитие и духовное развитие [3]. Количественные и качественные изменения, происходящие у взрослого человека в каждой из перечисленных областей, безусловно, отражаются на его профессиональной деятельности, но главными, определяющими будут положительные изменения, происходящие в духовной (Бергсон А., Иванов В.И., Котова И.Б., Ничипоров Б.В., Цукерман Г.А. и Б.М. Мастеров, Чудновский В.Э., Шиянов В.Н. и др.), когнитивно-познавательной (Бернс Р., Гроф С., Котова И.Б., Пиаже Ж., Фридман Л.М. и Кулагина И.Ю. и др.), эмоционально-волевой (Петровский А.В., Рейновский Я., Фридман Л.М. и Кулагина И.Ю., Цукерман Г.А. и Б.М. Мастеров и др.); мотивационно-потребностной (Адлер А., Василюк Ф.Е., Столин В.В., Фейдимен Дж. и Р. Фрейгер и др.), действенно-практической (Абульханова-Славская К.А., Дизель П.М. и Мак-Кинли Раньян У., Леонтьев А.Н., Петровский А.В. и др.) и межличностно-социальной (Берн Э., Журавлев В.И., Коломинский Я.Л., Мясищев В.Н. и др.) сферах личности. Исходя из этого, профессиональное развитие можно рассматривать как процесс качественных и количественных изменений, происходящий в различных профессионально-значимых структурах личности, результатом которого являются положительные изменения в профессиональной деятельности и сознании человека. Соглашаясь с позицией Л.В. Мозгарева, качественные изменения будем понимать как новообразования в профессионально-значимых структурах личности, а количественные изменения – как положительные «приращения» уже существующих профессиональных характеристик личности, которые, бесспорно, будут задавать положительный вектор развития профессиональной деятельности, повышать ее эффективность [15]. Проблема профессионального развития человека по сути является решением более широкого проблемного поля, обозначаемого как соотношение личности и профессии. В.Н. Дружинин отмечает, что на сегодняшний день существует две альтернативных точки зрения на это взаимодействие. Первая – отрицание влияния профессии на личность. Сторонники этого подхода утверждают изначальную «профессиональность» человека, т.е. выбрав профессию, человек не изменяется в процессе ее освоения и выполнения трудовых функций. В частности, Парсонс считал, что для правильного выбора профессии индивиду необходимо иметь ясное представление о себе и своих способностях, а также о требованиях, предъявляемых к нему профессией, и возможностях реализации поставленных целей. Механизм выбора профессии заключался в установлении соответствия между требованиями профессии и способностями личности. Если в ходе выполнения деятельности обнаруживалось несоответствие вышеназванных ком

понентов, человек менял свою профессию [27]. По нашему мнению, данный подход можно назвать механистическим, поскольку он отрицает субъективную активность личности, ее право на самостоятельное определение своего профессионального пути. Он ставит под сомнение возможность развития человека в профессии, следовательно, существование профессионального развития.

Вторая точка зрения – признание факта влияния профессии на личность. Она характерна для большинства зарубежных исследователей и является общепринятой в отечественной психологии (Абульханова-Славская К.А., Климов Е.А., Кудрявцев Т.В., Поваренков Ю.П., Шадриков В.Д.). Она постулирует человека как активного субъекта жизнедеятельности в разных социальных сферах, способного осуществлять самостоятельный профессиональный выбор, развиваться и изменяться в процессе освоения профессии. Следовательно, данный подход не отрицает профессиональное развитие.

В понятии «профессиональное развитие» заключена сущность взаимодействия человека с профессией. Профессия – это особая форма социальной организации человека в обществе. В Психологическом словаре профессия определяется как «необходимая для общества, социально ценная и ограниченная вследствие разделения труда область приложения физических и духовных сил человека, дающая ему возможность получать взамен затраченного труда необходимые средства его существования и развития» [18]. Е.А. Климов уточняет, что профессия – это деятельность, область проявления личности и исторически развивающаяся система, «это система профессиональных задач, форм и видов профессиональной деятельности, профессиональных особенностей личности, могущих обеспечить удовлетворение потребностей общества в достижении нужного обществу значимого результата, продукта» [12]. Таким образом, человек и профессия носят взаимосвязанный и взаимообуславливающий характер, что определяет развитие каждой стороны, а профессиональное развитие, на наш взгляд, – это мера, определяющая характер и результативность этого взаимодействия.

В зарубежной науке интерес к проблеме профессионального развития возник впервые в рамках профессиональной психологии. Сначала он был обусловлен в первую очередь задачами повышения производительности труда, эффективности производства в целом, но затем все в большей степени происходила гуманизация этой области психологии, благодаря появлению новых психологических теорий личности. Необходимо отметить, что большинство западных исследователей вместо понятия «профессиональное развитие» оперируют понятием «карьера» (career), которое обозначается ими, как «жизненная карьера», «ключевые моменты карьеры», «модели (типы) карьеры», «развитие карьеры», «выбор карьеры». Дж. ван Маанен утверждает, что каждый человек в современном обществе делает какую-то карьеру, «блестящую или жалкую», «успешную или несчастную» [41]. Норвежские исследовательницы К. Skrede, К. Sornes считают, что понятие карьера нужно понимать в двух смыслах: как социальную модель продвижения по работе, имеющую общественные ограничения, и как историю жизненного пути человека.

Большинство из них, по мнению И.М. Кондакова и А.В. Сухарева, может быть отнесено к пяти основным направлениям [13]. Первое – дифференциально-диагностическое направление. Концепции профессионального развития, относящиеся к данному направлению, базируются на достижениях дифференциальной психологии в области психометрии. За основу были положены следующие положения, сформулированные Ф. Парсонсом: а) каждый человек по своим индивидуальным качествам, прежде всего по профессионально значимым способностям, наиболее оптимально подходит к единственной профессии; б) профессиональная успешность и удовлетворенность профессией обусловлены степенью соответствия индивидуальных качеств и требований профессии; в) профессиональный выбор является, в сущности, сознательным и рациональным процессом, в котором или сам индивид, или профконсультант определяет индивидуальную диспозицию психологических или физических качеств и соотносит ее с уже имеющимися диспозициями требований различных профессий [37]. В первых концепциях профессионального развития профессиональная успешность человека определялась измерением показателей элементарных психических реакций (Г. Мюнстерберг), позже ее стали связывать с индивидуальными личностными качествами человека – способностями и интересами [25].

Среди недостатков данного направления исследований профессионального развития И.М. Кондаков и А.В. Сухарев отмечают ненадежность прогноза в связи с изменчивостью личностных структур человека и профессиональных требований в условиях интенсивного развития мировой экономики (начало XX в.), игнорирование того факта, что человек на протяжении почти всей жизни сталкивается с профессиональным миром, причем в разной форме, а не ограничивается открытием той профессии, для которой он «избран» [13]. Также хотелось бы отметить, что в концепциях данного типа внимание акцентируется на профессиональную пригодность, тогда как процесс развития человека в профессии не актуализирован во все.

Второе – психодинамическое направление. Исходным основанием концепций, принадлежащих данному направлению, является положения о том, что центральная роль в выборе профессии и профессиональной жизни в целом принадлежит различным формам потребностей, от витальных инстинктов до комплексных психодинамических механизмов и структурно-личностных инстанций. Начиная с работ З.Фрейда, профессиональная деятельность понималась как форма удовлетворения ранних детских инстинктивных потребностей, а профессиональный выбор – как процесс сублимации. У. Мозер определил четыре формы замещающей деятельности, которые могут проявляться у человека в ситуации профессионального самоопределения, и послужить основанием для формирования определенного типа профессионального развития [32]. В теории Е. Бордина тип профессионального развития представлен как результат символического удовлетворения потребностей в предметах той или иной профессиональной деятельности [24]. В теории профессионального развития Э. Роу профессиональный выбор также связан с удовлетворением потребностей. Содержание потребностей обусловлено ранней атмосферой родительского дома и воспитательным стилем родителей, которые через удовлетворение или фрустрацию первичных потребностей формируют индивидуальную потребностную структуру, в частности профессиональные ориентации и специальные способности. Автор отмечает, что потребности, недостаточно удовлетворяемые на более ранних стадиях развития индивида, приводят к появлению в дальнейшем доминирующих мотивов, проявляющихся в способе жизни и профессиональном поведении. Не сама потребность, а отношение к ней, которое задается спецификой родительского общения с ребенком, определяет тип ориентации профессиональных интересов человека [35].

Соглашаясь с мнением И.М. Кондакова и А.В. Сухарева, необходимо отметить, что в данных теориях происходит сужение понимания профессионального развития человека, игнорируется его личностная активность и, что существенно, не учитывается влияние других факторов формирования профессиональных интересов [13].

Третье – теории решений. В концепциях этого направления внимание сфокусировано на изучение процесса выбора профессии. Профессиональный выбор рассматривается как постепенно разворачивающийся процесс принятия решения, в ходе которого человек осуществляет детальный когнитивный и мотивационный анализ различных профессиональных альтернатив, сравнивая их между собой в аспекте ожидаемого успеха, по разным критериям: значимость профессионального события, вероятность его наступления, возможность неблагоприятного исхода, готовность к риску и т.п. [37]. При этом если в более ранних теориях индивидуальность человека практически не учитывалась (Х. Томэ и Г. Рис, П. Циллер), то позже ей начинают уделять должное внимание, предметом изучения становится субъективная значимость профессионального выбора, престижность выбираемой профессии для человека, уровень профессиональных притязаний, реалистичность профессиональных установок и др.

Д. Тидеман и О'Хара в описание профессионального выбора включили понятие Я-концепции, что, по мнению И.М. Кондакова и А.В. Сухарева, позволяет рассматривать их теорию и в контексте теории развития. Профессиональное развитие человека представлено последовательным изменением профессиональных позиций, выбор которых осуществляется по средством процесса принятия решения, на основе собственных предпочтений с учетом специфики нового контекста профессиональной ситуации и прогнозирования возможных исходов для себя [37].

Несмотря на попытки исследователей данного направления ввести личностный фактор в описание процесса профессионального выбора, но все-таки, следуя точке зрения И.М. Кондакова и А.В. Сухарева, хочется отметить их ограниченность из-за отсутствия целостного представления о процессе профессионального выбора. В частности, не исследована роль таких факторов, как родительские установки и отношение, влияние социального окружения, профессиональные способности, которые, бесспорно, значимы для обсуждения этой актуальной проблемы [13].

Четвертое – теории развития. Отличительной особенностью концепций профессионального развития данного направления является их практико-педагогическая ориентированность. Один из первых исследователей данного направления – Э. Гинцберг – определял профессиональный выбор как длительный, необратимый процесс взаимосвязанных решений на основе нахождения компромисса между внешними и внутренними факторами. Принятие решений, по мнению автора, зависит от способности ребенка к идентификации со взрослым как представителем данной профессии, от выраженности ориентаций на непосредственное удовольствие и производственный труд [37]. Анализ работы Э. Гинцберга позволил И.М. Кондакову и А.В. Сухареву представить профессиональное развитие как «последовательность качественно специфических фаз, где разделительным критерием выступает содержание и форма перевода индивидуальных импульсов в профессиональные желания» [13].

Наиболее обоснованной и проработанной теорией в данном направлении является концепция профессионального развития Д. Сьюпера, получившая большую популярность за рубежом. Основные положения теории профессионального развития Д. Сьюпера сводятся к следующему:

- люди характеризуются их способностями, интересами и свойствами личности;
- каждый человек подходит к ряду профессий, а профессия – к ряду индивидов;
- в зависимости от времени и опыта меняются как объективные, так и субъективные условия профессионального развития, что обуславливает множественный профессиональный выбор;
- профессиональное развитие имеет ряд последовательных стадий;
- особенности карьерного развития определяются социально-экономическим уровнем родителей, свойствами индивида, его профессиональными возможностями и т.д.;
- на разных стадиях развитием можно управлять, с одной стороны, способствуя формированию у индивида интересов и способностей и, с другой, поддерживая индивида в его стремлении «попробовать» различные профессии;
- профессиональное развитие состоит в развитии и реализации Я-концепции;
- взаимодействие Я – концепции и реальности происходит при проигрывании и исполнении профессиональных ролей, например, в фантазии, в беседе с профконсультантом или в реальной жизни;
- удовлетворенность работой зависит от того, в какой мере индивид находит адекватные возможности для реализации своих способностей и интересов [13].

Создав модель ступенчатого профессионального развития, Д. Сьюпер вводит понятие профессиональной зрелости личности, как показатель соответствия поведения человека задачам профессионального развития на каждой стадии [40].

Пятое – типологическое направление. Здесь профессиональное развитие понимается как процесс, состоящий из трех взаимосвязанных действий: сначала индивид самостоятельно определяет личностный тип, к которому он относится, потом подбирает подходящую ему профессиональную сферу, а затем находит квалификационный уровень этой профессиональной сферы, отталкиваясь от развития интеллекта и самооценки. Главное внимание в типологических теориях уделяется описанию личностных типов. Ярким примером такой теории является концепция Д. Холланда, в которой личностные типы представлены как комплексная ориентация личности. К теории выбора карьеры Дж. Холланда примыкает теория «приспособления к работе» («Work Adjustment Theory»), предложенная R. Davis, L. Lofquist. Согласно этой теории предполагается, что существует жесткое соответствие между типом личностных особенностей человека и выбором типов деятельности и карьеры. Ведущим понятием в рамках теории приспособления к работе

является подкрепление (reinforcement), то есть профессиональный опыт, который работник стремится получить, опираясь на свои личностные особенности. Видимо, сюда же можно отнести и личностно-профессиональную типологию, основанную на опроснике И. Майерс-Бригс [7].

По нашему мнению, такой подход больше всего напоминает описание механизма профессионального самоопределения человека на этапе осуществления профессионального выбора, между тем профессиональное развитие – это процесс, который необходимо рассматривать в более широком контексте.

Другой подход анализа концепций профессионального (карьерного) развития заложен в работах М.А. Бендюкова. В соответствии с разными типами общественного развития, автор выделил два типа теорий: индустриальные и постиндустриальные концепции. Большинство концепций зарубежных исследователей, в том числе рассмотренных выше, он предлагает относить к индустриальному типу. В качестве недостатков «индустриальных» теорий автор, опираясь на работы А. Колина и Р. Янга, отмечает: отсутствие четкости в понятийном аппарате, большинство моделей носит характер нормативных, устойчивых, предполагают постоянный рост общественного положения и профессиональной роли в течение всей активной жизни, что характерно далеко не для всех социальных групп и этнических общностей; акцент сделан на индивидуальные особенности людей, тогда как внешние факторы учитываются недостаточно; чаще всего в них человек рассматривается не как действующий субъект профессионального развития, а как сторонний наблюдатель, поскольку критерием успешности выступает внешняя цель, а не субъективное переживание успешности-неуспешности карьеры [4].

Таким образом, данные теории не учитывают ключевых моментов рыночной экономики, а, следовательно, теоретические разработки проблемы профессионального развития не соответствуют новой трудовой реальности.

Рассуждая о постиндустриальных концепциях профессионального развития, автор констатирует отсутствие детально проработанных обобщающих теорий на сегодняшний день и наличие большого интереса зарубежных исследователей к разработке критериев, которым они должны соответствовать. Обозначим наиболее важные [4]:

1. Нелинейность профессионального развития – критика сфокусирована на положениях, касающихся именно концепта «развитие». Ставится под сомнение существование нормативности, непрерывности и детерминизма развития в новой общественно-экономической формации [2].

2. Пластичность в отношениях «человек-труд» – трудовая жизнь человека находится в непрерывном процессе изменений, человек всегда находится в ситуации многовариантного выбора средств достижения профессиональной цели. Временная перспектива профессионального развития и карьеры пластична и неясна самому субъекту развития [31].

3. Конструктивизм профессионального развития – в профессиональном развитии акцент должен быть сделан на конструировании моделей мышления и действий человека, а собственно развитие рассматриваться как результат изучения и нового толкования своей жизни, обогащения опыта и придания жизни новых значений [23].

4. Стадии карьерного роста – карьера не может рассматриваться в терминах стадий из-за изменения специфики жизни людей: совпадение по времени учебы и работы, новая структура профессий, не предполагающая долгого пребывания индивида в одной и той же профессии, необходимость выбора и переобучения, безработица и т.п. [22].

5. Монокультурность и контекстуальность – современные теории профессионального развития должны быть монокультурными, учитывающими особенности разных социальных и этнических групп, их историческую и социально-культурную специфику [34].

6. Профессиональное развитие как открытая система – трудовая жизнь неспособна к постановке нормативных задач развития. Ключевые, важные для человека события жизни должны рассматриваться как ненормативные [31].

7. Профессиональное развитие как субъективная интерпретация – изучение особенностей личностного восприятия карьеры существенно расширяет содержание концепта «профессиональное развитие» [23].

8. В качестве наиболее подходящей по данным критерием М.А. Бендюков называет концепцию поливариативной карьеры D. Hall, F. Marvis, согласно которой современная карьера определяется как совокупность всех ситуаций реализованного выбора векторов профессионального и должностного продвижения. При этом карьера как процесс управляется субъектом, причем критерием успешности оказывается субъективное значение – осознание своей успешности. Иными словами, концепция поливариативной карьеры отдает приоритет индивидуальным (в основном, когнитивным и оценочным) факторам, которые позволяют человеку эффективно адаптироваться и развиваться в условиях ненормативных жизненных событий и нелинейных выборов [4].

Подход М.А. Бендюкова к классификации теорий зарубежных исследователей, бесспорно, можно отнести к инновационному, актуальному для современного этапа развития общества. Выделенные критерии можно рассматривать как концептуальные положения, использование которых открывает перспективы для создания новых моделей профессионального развития как в зарубежной, так и отечественной науке.

Главенствующая роль мотивации в профессиональном развитии педагога отмечена в трудах и других зарубежных авторов (J. Ottoson, R.T. Stout и др.). Так R.T. Stout говорит о четырех видах мотивации учителей в профессиональном развитии, считает, что сильная мотивация педагога может нивелировать факторы, которые не поддерживают изменения [39].

J. Ottoson сравнивает мотивацию с ключом, открывающим эффективное профессиональное развитие педагога. При этом в числе не менее важных факторов называет образовательные (владение профессиональными умениями и методами обучения), инновационные (современные практики и стратегии) и поддерживающие (сотрудничество с коллегами, социальными партнерами) и т.д. [33].

Таким образом, проблема профессионального развития актуальна для зарубежных исследователей. Она представлена как многогранный феномен, требующий дальнейшего изучения в связи с изменениями, происходящими в обществе. Поиск факторов эффективного профессионального развития, безусловно, важен для разработки новых подходов к организации непрерывного профессионального развития педагогов

Литература

1. Анцыферова Л.И. Психология формирования и развития личности // М.: Наука. 1981. 366 с.
2. Ахола Т., Фурман Б. Краткосрочная позитивная психотерапия. (Терапия фокусирования на решения) // СПб.: Речь. 2000. 216 с.
3. Безрукова В.С. Педагогика: Учеб. для инж.-пед. спец // Екатеринбург: Изд-во Свердловского инж.-пед. ин-та. 1993. 320 с.
4. Бендюков М.А. Психология профессионального развития в условиях рынка труда (теоретический анализ) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. 2006. N 7(17): Психолого-педагогические науки (педагогика, психология, теория и методика обучения). С.65-78.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания // М.: Медиум. 1995. 323 с.
6. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии // М.: Изд-во Педагогика. 1989. 192 с.
7. Борисова Е.М. О роли профессиональной деятельности в формировании личности // Психология формирования и развития личности / Отв. ред. Л.И. Анцыферова // М.: Наука. 1981. С.159-176.
8. Волков И.П. Много ли в школе талантов? // М. Знание. 1989. 80 с.

9. Джерджен К.Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика: Сб. статей / Пер. с англ. А. М. Корбута / Под общ. ред. А. А. Полонникова // Минск: БГУ. 2003. 232 с.
- 10.Кларин М.В. Инновационные модели обучения в зарубежных педагогических поисках // М.: Арена, 1994. 223 с.
- 11.Климов Е.А. Психология профессионала // М.: Изд-во «Институт практической психологии». Воронеж: НПО «МОДЭК». 1996. 400 с.
- 12.Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Коэволюция: человек как соучастник коэволюционных процессов // Устойчивое развитие: наука и практика. 2002. № 1. С.5–18.
- 13.Кондаков И.М., Сухарев А.В. Методологические основания зарубежных теорий профессионального развития // Вопросы психологии. 1989. №5. С.158-164.
- 14.Лихачев Б.Т. Педагогика. Курс лекций // М.: Владос. 2010. 647 с.
- 15.Мозгарев Л.В. Условия профессионального развития педагогов в системе повышения квалификации: дисс. к. пед. наук: 13.00.08 // Воронеж. 2001. 202 с.
- 16.Постановление правительства РФ от 4.10.2000 г. №751 г. Москва «О национальной доктрине образования в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2000/10/11/doktrina-dok.html>.
- 17.Приказ Минтруда России от 18.10.2013 N 544н (ред. от 05.08.2016) «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» (Зарегистрировано в Минюсте России 06.12.2013 N 30550) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2013/12/18/pedagog-dok.html>
- 18.Психология. Словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского // М.: Политиздат. 1990. 494 с.
- 19.Селевко Г.К. Современные образовательные технологии: учеб. Пособие // М.: Народное образование, 1998. 256 с.
- 20.Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. от 08 декабря 2011 года №2227-р [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/pril/63/14/41/2227_strategiia.doc
- 21.Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)
- 22.Aittola T. Uuden opiskelijatyypin synty. Jyvaskylan yliopisto: Jyvaskyla Studies in Education. Psychology and Sosial Research, n-o 93. 1992.
- 23.Argyris C., Putnam R. & McLain Smith D. Action science. San Francisco: Jossey-Bass. 1985.
- 24.Bordin E. S. Research strategies in psychotherapy. N. Y., 1974. 272 p.
- 25.Borgen F. H. Megatrends and milestones in vocational behavior: A 20 year counseling psychology retrospective // Journal of Vocational Behavior 39: 263–290. 1991.
- 26.Collin A. & Young R. New Directions for Theories of Career Human Relations. Volume 39. Number 9. 1986. P. 837–353.
- 27.Crites S. The vocational choice. – N.Y., 1964.
- 28.Guskey T.R., & Sparks D. Exploring the Relationship between Staff Development and Improvements in Student Learning. Journal of Staff Development, 1996, 17, 34-38.
- 29.Huteau M. Comment analyser et evaluer les interventions educatives afin d'ameliorer leur efficacite? Orientation Scolaire et Professionnelle 17: 125–141 1988.
- 30.Jones G.R. Socialization tactics, self-efficacy, and newcomers' adjustment to organizations. Academy of Management Journal, 1986, 29, 262-279.
- 31.Keskinen, A. & Vahamottonen T., Parrila R. A conceptual framework for developing an activitybased approach to career counselling International Journal for the Advancement of Counselling 17: 19–34, 1994.
- 32.Moser U. Zur psychoanalytischen Theorie der Berufswahl: Sublimierung, Identifizierung und berufliche Identität // Psychologie. Schweizerische Zeitschrift für Psychologie. 1963. N 1. S. 1-18.

33. Ottoson J. After the applause: Exploring multiple influences on application following an adult education program. *Adult Education Quarterly*, 1997, 47(2), 92-107.
34. Richardson M.S. Work in People's Lives: A Location for Counseling Psychologists. *Journal of Counseling Psychology*. 1993. Vol. 40. № 4. С. 425-433.
35. Roe A., Siegelman M. The origin of interests. Washington: APGA, 1969. 98 p.
36. Ross J.A. The impact of an inservice to promote cooperative learning on the stability of teacher efficacy. *Teaching and Teacher Education*, 1994, 10, 381-394.
37. Siefert K. H. Theorien der Berufswahle urn der beruflichen Entwicklung // Seifert K.H. Eckhardt H.H., Jaide W. *Handbuch der Berufs psychologie*. Göttingen, 1977. S. 173-279.
38. Sparks D. Beginning with the end in mind. *School Team Innovator*, 1995, 1(1), 74.
39. Stout R.T. Staff development policy: Fuzzy choices in an imperfect market. *Education Policy Analysis Archives*, 4(2). Retrieved March 31, 2009.
40. Super D.E. Theory of vocational development. – *J. Amer. Psychol.*, 1953, V. 8. №5.
41. Хяюрюнен Ю. Обучение и профессиональная карьера. Развитие и точка зрения на карьеру. Papers of expert course Approaches and methods of organizing and practicing careers counselling in various contexts. Moscow-Helsinki 10-26 January 1996. С. 9.

УДК 378.1

ВТОРИЧНЫЙ АНАЛИЗ ДАННЫХ МОНИТОРИНГА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Т.В. Уражок, магистр социологии,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет» («МГОТУ»), г. Королёв, Россия

В статье рассматривается анализ эффективности деятельности организаций высшего образования Московской области на основе данных портала ГИВЦ и отчетов о самообследовании. Существуют различия в уровне инновационной активности у вузов, которые имеют разный организационно-правовой статус.

Инновационная активность, инновационный потенциал, высшее образование, эффективность.

SECONDARY ANALYSIS OF MONITORING DATA ON THE EFFECTIVENESS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

T.V. Urazhok, Master of Sociology
State Budget Educational Institution of Higher Education of the Moscow Region
«Technological University» («MGOTU»), Korolev, Russia

The article deals with the analysis of effectiveness of higher education institutions of Moscow Region based on the data of Main Information and Calculating Center and reports of universities survey. There are differences in the level of innovation activity among universities having various regulatory status.

Innovation activity, innovative capacity, higher education, effectiveness.

Оценка эффективности деятельности высших образовательных учреждений является важным и неотъемлемым параметром в исследовании инновационной активности вузов. Главная сложность в выявлении данного показателя заключается в обнаружении различий между данными, содержащимися на официальных сайтах высших образовательных учреждений, между данными поданными вузами на портал ГИВЦ Мониторинг.

Московская область является одним из быстрорастущих и высококонкурируемых рынков высшего образования. Доля Московской области в 2017 году в сфере подготовки обучающихся по программам высшего образования составляет 2,07% от общего контингента обучающихся по Российской Федерации. Всего в Московской области функционирует 67 организаций высшего образования, согласно данным главного информационно-вычислительного центра Министерства образования и науки Российской Федерации, из них 39 являются государственными организациями, а 28 – частными. Следует отметить, что по сравнению с 2016 годом в Московской области произошло значительное сокращение вузов, так в прошлом году общее количество организаций высшего образования составляло 91 единицу, из которых 42 – государственные и муниципальные, 41 – частные. Это связано с тем, что, начиная с 2014 года по настоящее время реализуется Распоряжение Правительства РФ от 30 апреля 2014 г. № 722-р «О плане мероприятий («дорожная карта») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки», согласно которому одним из главных мероприятий по совершенствованию системы высшего образования является проведение ежегодного мониторинга эффективности высших образовательных учреждений в период с 2014-2018 годы, а также реализация программы совершенствования сети государственных образовательных организаций высшего образования, в том числе путем реорганизации и присоединения организаций и их филиалов в период с 2014-2017 годы [1]. Самый главный показатель оценки данных мероприятий – число неэффективных вузов и их филиалов. Также не менее важным импульсом к сокращению вузов является старт проекта 5-100 от Министерства образования и науки РФ, основная цель которого максимизировать конкурентную позицию группы ведущих российских университетов на глобальном рынке

образовательных услуг и исследовательских программ [8]. В Московской области в 2016 году подверглись реорганизации 12 филиалов и 1 вуз, в 2017 году в стадии реорганизации находится 1 филиал.

Таким образом, генеральная совокупность исследования составила 67 организаций высшего образования (N=67).

Автором были рассмотрены образовательные организации высшего образования Подмосковья, принявшие участие в мониторинге, не являющиеся филиалами и не находящиеся в стадии реорганизации. Таким образом, было отобрано 23 вуза Московской области.

Вид выборки: фокусированная квотная выборка. Квота – «головной вуз», не находящийся в процессе реорганизации и – в статусе филиала.

Объем выборочной совокупности – 23 вуза Московской области (n=23).

Исследование было проведено в сентябре-октябре 2017 г. Анализ инновационного потенциала 23 вузов Московской области проводился по определенным показателям. Рассмотрим данные более подробно.

Рассмотрим первый показатель, который будет подвержен анализу – распределение вузов по организационно-правовой форме на рисунке 1.

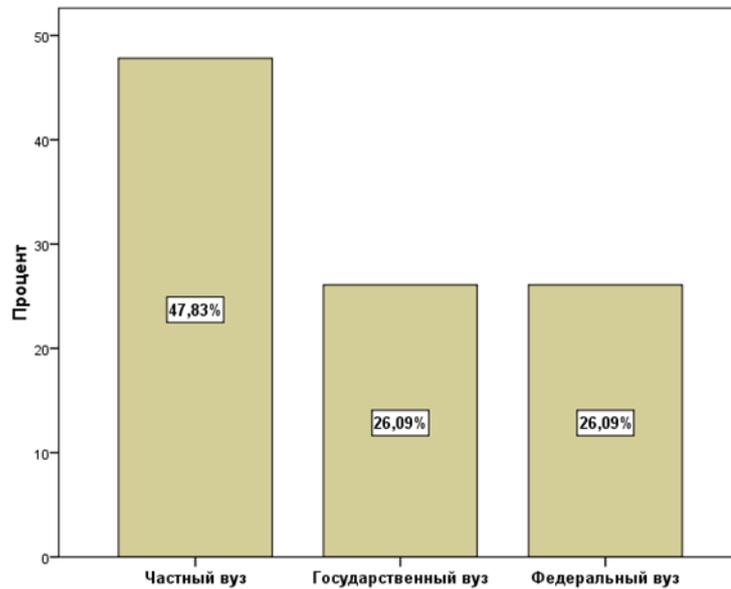

Рисунок 1 – Распределение вузов Московской области по организационно-правовой форме (в % от общего числа опрошенных)

Из данного рисунка видно, что в Московской области количество частных и государственных вузов находится примерно на одном уровне. Следует отметить, что государственные вузы подразделяются на федеральные и классические государственные высшие образовательные учреждения. Федеральные высшие образовательные учреждения являются крупными региональными образовательными центрами, которые обладают сильной финансовой поддержкой со стороны Министерства образования и науки РФ, а также которые могут обеспечить высокий уровень образования, исследований и научных разработок. Организационно-правовой статус вуза «государственный» означает, что вуз относится к классическим университетам, которые не имеют крупных финансовых вложений со стороны Министерства образования и науки.

Следует отметить, что современные тенденции таковы, что в Московской области идет сокращение высших образовательных учреждений, которые не выполнили четырех и более показателей, установленных Департаментом государственной политики в сфере высшего образования Министерства образования и науки РФ. Как показывает статистика, в 2017 году подвержены реорганизации 3 частных вуза, которые выполнили менее четырех показателей – Автономная некоммерческая организация высшего образования «Международный институт менеджмента ЛИНК», Автономная некоммерческая организация высшего образования «Сергиево-Посадский гуманитарный институт» (АНО ВО СПГИ), Институт экономики. У данных высших образовательных учреждений отсутствуют отчеты о результатах самообследования, а у Международного института менеджмента и Сергиево-Посадского гуманитарного института не работают официальные сайты.

Второй показатель, который будет подвержен анализу – «организации высшего образования со спецификой деятельности» (рисунок 2).

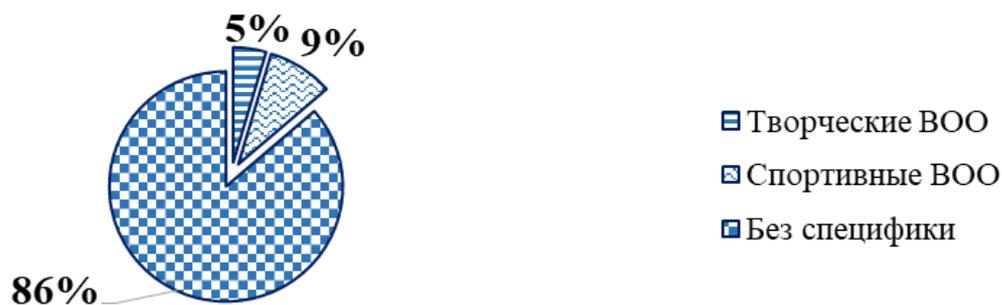

Рисунок 2 – Организации высшего образования Московской области со спецификой деятельности (в % от общего числа опрошенных)

Из данного рисунка видно, что абсолютно большинство составляют организации высшего образования, не имеющие специфики деятельности (86%), на втором месте находятся высшие образовательные учреждения спортивной направленности (9%) – это Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Подольский социально-спортивный институт» (НОУ ВПО "ПССИ") и Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московская государственная академия физической культуры», также 5% составили организации высшего образования творческой направленности – это Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт культуры».

Следующим немало важным показателем оценки высших образовательных учреждений Московской области является распределение контингента студентов по форме обучения (рисунок 3).

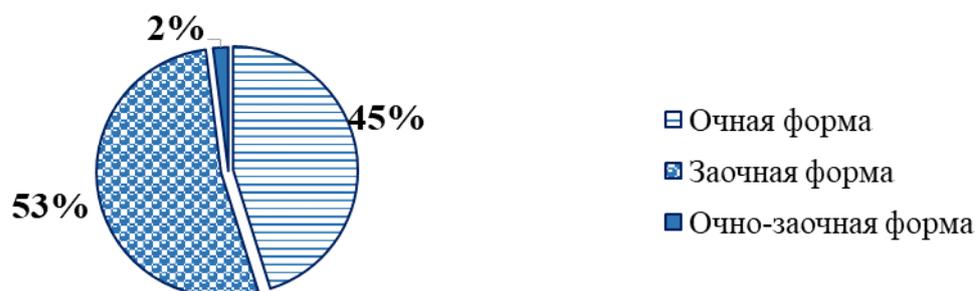

Рисунок 3 – Распределение контингента студентов по форме обучения (в % от общего числа опрошенных)

Анализ выявил практическое равное количество обучающихся на очной и заочной формах обучения. Следует отметить, что очно-заочная (вечерняя) форма обучения практически отсутствует или выражена очень малым контингентом студентов: в 5 государственных вузах отсутствует данная форма обучения. Следует отметить, что заочная форма и очно-заочная форма обучения во многом превосходит очную у большинства негосударственных вузов (9 вузов) и у одного государственного вуза (ФГБОУ ВО МО «Гжельский государственный университет»).

Следующим не маловажным показателем является исследование распределения контингента студентов по отраслям знания (рисунок 4).

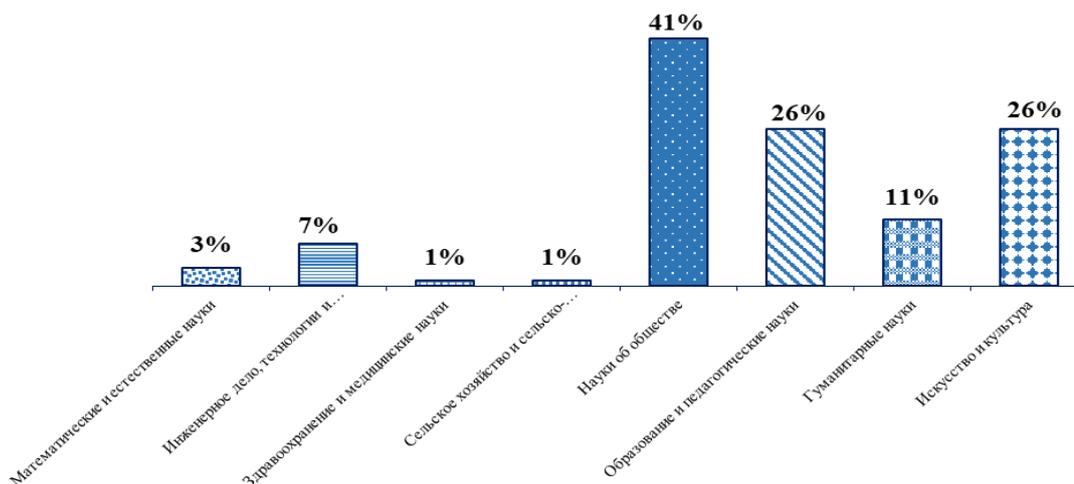

Рисунок 4 – Распределение контингента студентов по отраслям знания (в % от общего числа опрошенных)

Из рисунка 4 видно, что абсолютное большинство составляют науки об обществе (41%), практически четверть студентов обучаются в области образования и педагогических наук (26%), практически на равном положении находятся гуманитарные науки и искусство и культура, контингент студентов на направлениях инженерного дела составил 7%. Следует отметить, что в Московской области отсутствуют вузы, реализующие направления подготовки военной направленности (оборона и безопасность государства, военные науки).

В рамках исследования инновационного потенциала был произведен анализ общего объема средств, поступивших от выполнения НИОКР, выполненных собственными силами. Следует отметить, что данный показатель позволяет проанализировать насколько вуз развивает научную деятельность и сколько финансовых средств он готов на нее выделять. Рассмотрим данный показатель на рисунке 5.

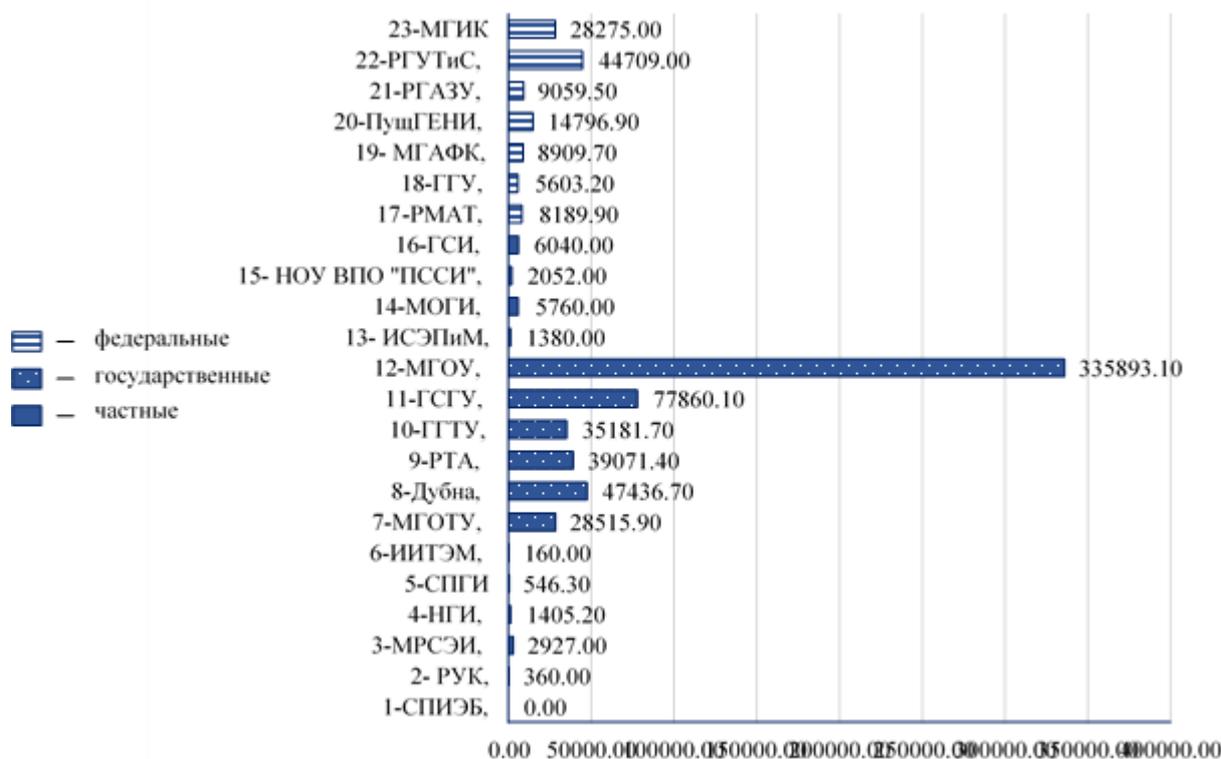

Рисунок 5 – Общий объём средств, поступивших от выполнения НИОКР, выполненных собственными силами (в % от общего числа опрошенных)

Таким образом, в ходе анализа было выявлено, что выделение средств на оказание НИОКР у частных и государственных высших образовательных учреждений различается. Рассмотрим более детально объем финансирования НИОКР у частных вузов. Как показал анализ, у первых семи вузов (СПИЭБ, РУК, ЛИНК, МРСЭИ, НГИ, СПГИ, ИИТЭМ) один из самых слабых показателей финансирования НИОКР. Следует отметить, что в ходе анализа не удалось получить данные у Международного института менеджмента ЛИНК и у Сергиево-Посадского гуманитарного института (СПГИ) в связи с тем, что сайта данных организаций высшего образования не функционируют, а также на портале ГИВЦ они числятся как вузы, не выполнившие четырех и более показателей и находящиеся на стадии реорганизации. В таком же положении находится частное учреждение высшего образования «Институт экономики» (ИЭ). Однако можно отметить, довольно высокие объемы финансирования среди частных вузов: у Подольского социально-спортивного института (НОУ ВПО «ПССИ»), Гуманитарно-социального института (ГСУ), Российской международной академии туризма (РМАТ) и Московского областного гуманитарного института (МОГИ). Объем средств у данных вузов составил более 2 миллионов рублей, что является удовлетворительным показателем и говорит о том, что вузы стремятся развивать научную деятельность.

Анализ объема финансирования НИОКР у государственных вузов показал, что все высшие образовательные организации стараются ежегодно увеличивать объемы финансирования. Самый сильный показатель в этой области у Московского государственного областного университета – 335 893,10 тысяч рублей. В 2017 году прирост в показателе Е.2 Научная деятельность у МГОУ составил 4%, а финансирование НИОКР на одного научно-педагогического работника составило 466,39 тысяч рублей. Следует отметить, что практически у всех государственных вузов можно наблюдать прирост в данном показателе. Один из самых впечатляющих результатов в показателе Е.2 показал ГБОУ ВО МО «Технологический университет» («МГОТУ»), прирост которого в 2017 году составил 84%, а объем финансирования НИОКР в расчете на одного научно-педагогического работника составил 189,22 тысяч рублей. Также анализ позволил выявить, что доля доходов от НИОКР в общей структуре доходов организации высшего образования практически во всех государственных вузах составляет от 2,44-5,05%, кроме «вузов-лидеров». Удельный вес доходов от НИОКР в общих доходах образовательной организации у МГОУ составил 14,32%, у ГСГУ – 11,28%, однако исследование выявило высшее образовательное учреждение – Пушчинский государственный естественно-научный институт (ПушГЕНИ), обладающий значительно меньшим объемом финансированием НИОКР, чем у вузов-лидеров, всего 14 996,9 тысяч рублей, однако удельный вес доходов от НИОКР в общей структуре доходов составил 43,62%. Это связано с тем, что общая численность работников вуза составляет 40 человек, 3 из которых относятся к профессорско-преподавательскому составу и 10 – к научно-педагогическим работникам, то есть весь ППС участвует в научно-исследовательской деятельности.

Рассмотрим общую численность ППС (без внешних совместителей и работающих по договорам ГПХ) на рисунке 6.

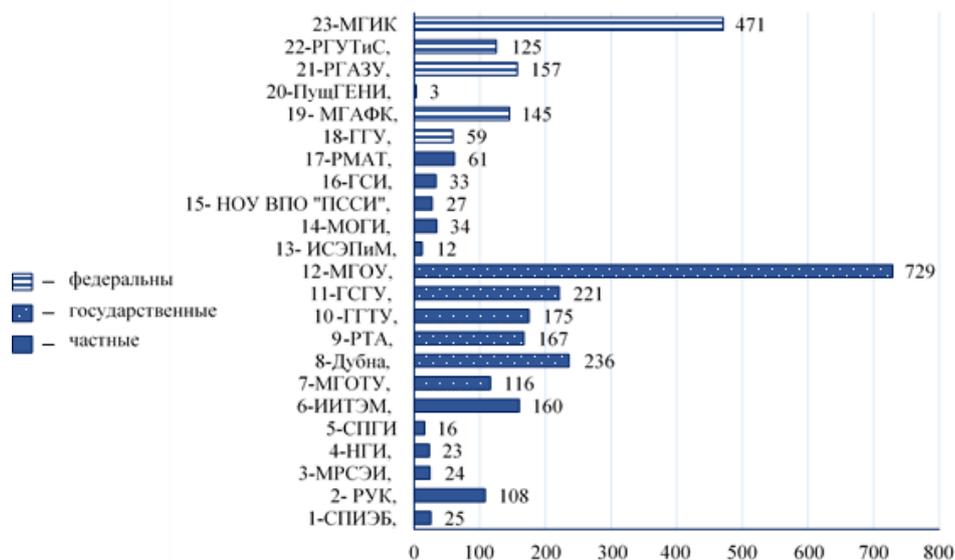

Рисунок 6 – Общая численность ППС (без внешних совместителей и работающих по договорам ГПХ) (в % от общего числа опрошенных)

Каждое высшее образовательное учреждение проводит свою кадровую политику, однако можно отметить общие тенденции к формированию штатных преподавателей у государственных и федеральных вузов. Исключение составляет только Пущинский государственный естественно-научный университет (ПущГУНИ), который находится в подчинении у РАН и является неклассическим вузом.

Еще один показатель, который участвует в анализе эффективности вузов Московской области, период функционирования на рынке образовательных услуг:

1. Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Социально-правовой институт экономической безопасности» образована 20 января 2001 г.
2. Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации» образована в 1912 году.
3. Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский региональный социально-экономический институт» функционирует с 1994 года.
4. Автономная некоммерческая организация высшего образования «Новый гуманитарный институт» учрежден в 1995 году.
5. Автономная некоммерческая организация высшего профессионального образования «Институт информационных технологий, экономики и менеджмента» учрежден с 1996 года.
6. Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет» образовано 16 июля 1998 года.
7. Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Университет «Дубна»» образовано 27 сентября 1994 года.
8. Государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Российская таможенная академия» образовано 22 сентября 1993.
9. Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Государственный гуманитарно-технологический университет» учреждено с 1940 года.
10. Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет» образовано 15 ноября 1939 года.
11. Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области Московский государственный областной университет образовано 29 мая 1931 года.
12. Институт социально-экономического прогнозирования и моделирования образован 3 июня 1997 года.
13. Московский областной гуманитарный институт образован 1 сентября 1996 года.
14. Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Подольский социально-спортивный институт» (НОУ ВПО «ПССИ») образовано 6 июня 2003 года.
15. Образовательное частное учреждение высшего образования «Гуманитарно-социальный институт» функционирует с 2000 года.
16. Образовательное частное учреждение высшего образования «Российская международная академия туризма» образовано с 1969 года.
17. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Гжельский государственный университет» образовано 4 февраля 2002 года.
18. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московская государственная академия физической культуры» образовано в 1931 году.
19. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пущинский государственный естественно-научный институт» образовано 29 октября 1992 года.
20. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный аграрный заочный университет» образовано 24 июня 1930 года.
21. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет туризма и сервиса» образовано 13 августа 1952 года.
22. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт культуры» образовано 10 июля 1930 года.

Следует отметить, что практически все частные университеты являются молодыми высшими образовательными учреждениями, образованными в 90х годах. Исключение составляет Российский университет кооперации, который является одним из старейших университетов России, образованным в 1912 году как Высшая кооперативная школа. Среди государственных университетов старейшим университетом является МГОУ, образованным в 1931 году, а самым молодым является «Технологический университет» (1998 год).

Следует отметить, что изначально Технологический университет был образован как негосударственное высшее образовательное учреждение, однако ему удалось в 2007 году перейти в статус государственного высшего образовательного учреждения, что является большим достижением для столь молодого вуза. Среди федеральных университетов самым старейшим является Российский государственный аграрный заочный университет, образованный 24 июня 1930 года, самым молодым федеральным вузом является Гжельский государственный университет (2002 год).

Рассмотрим один из важных показателей научного потенциала - количество цитирований публикаций, изданных за последние 5 лет (РИНЦ) на рисунке 7.

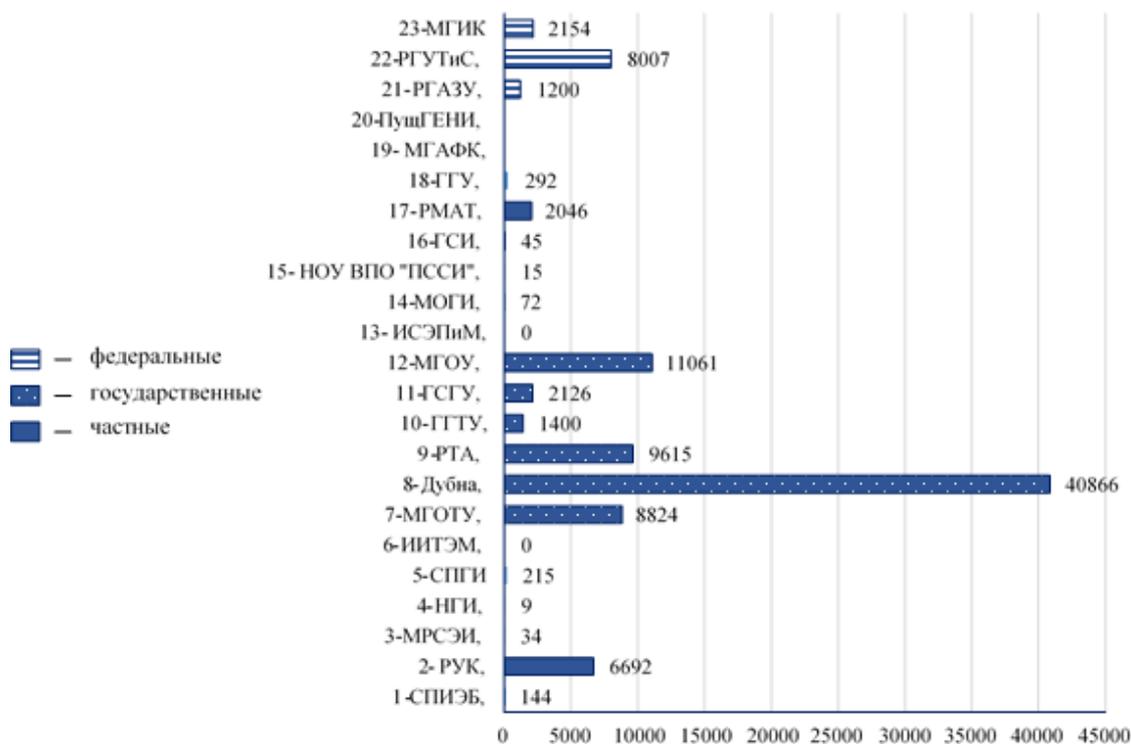

Рисунок 7 – Количество цитирований публикаций, изданных за последние 5 лет (РИНЦ) (в % от общего числа опрошенных)

Из данного рисунка видно, что в период с 2012-2017 годы достаточный уровень публикационной активности можно наблюдать у государственных вузов, среди представленных федеральных университетов только у трех наблюдаются положительные сдвиги в области приумножения публикационного потенциала. Среди частных вузов только у РУК и РМАТ можно наблюдать прирост, у остальных высших образовательных учреждений данный показатель находится на низком уровне.

Следует отметить, что такие результаты у государственных вузов связаны с тем, что они находятся в условиях жесткой конкуренции, особенно с последними тенденциями к реорганизации и присоединению вузов к более крупным учреждениям, игнорирование определённых показателей, особенно сферы научного потенциала, увеличивает эти риски. Так в 2016 году Московский государственный университет леса (МГУЛ) был реорганизован и присоединен к МГТУ им. Н.Э. Баумана и на сегодняшний день является Мытищинским филиалом МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Расположим вузы в иерархическую структуру по уровню публикационной активности за последние 5 лет в таблице 1.

Таблица 1 – Иерархия вузов по уровню публикационной активности

№	Вуз	Количество цитирований публикаций, изданных за последние 5 лет (РИНЦ)	Статус
1	Университет «Дубна»	40866	государственный
2	МГОУ (областной)	11061	государственный
3	Российская таможенная академия	9615	федеральный

4	Технологический университет	8824	государственный
5	РГУТиС,	8007	федеральный
6	Российский университет кооперации	6692	частный
7	Московский государственный институт культуры	2154	федеральный
8	Государственный социально-гуманитарный университет	2126	государственный
9	Российская международная академия туризма"	2046	частный
10	Московская государственная академия физической культуры	1433	федеральный
11	"Государственный гуманитарно-технологический университет	1400	государственный
12	Российский государственный аграрный заочный университет	1200	федеральный
13	Пушкинский государственный естественно-научный институт	365	федеральный
14	"Гжельский государственный университет	292	федеральный
15	Социально-правовой институт экономической безопасности,	144	частный
16	Московский областной гуманитарный институт	72	частный
17	Сергиево-Посадский гуманитарный институт	63	частный
18	Гуманитарно-социальный институт	45	частный
19	"Московский региональный социально-экономический институт,	34	частный
20	Подольский социально-спортивный институт	15	частный
21	Новый гуманитарный институт	9	частный
22	Институт социально-экономического прогнозирования и моделирования	0	частный
23	ИИТЭМ,	0	частный

Также не менее актуальным показателем, отражающим интеграцию вуза в международное пространство, является удельный вес численности иностранных студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, в общей численности студентов (рисунок 8).

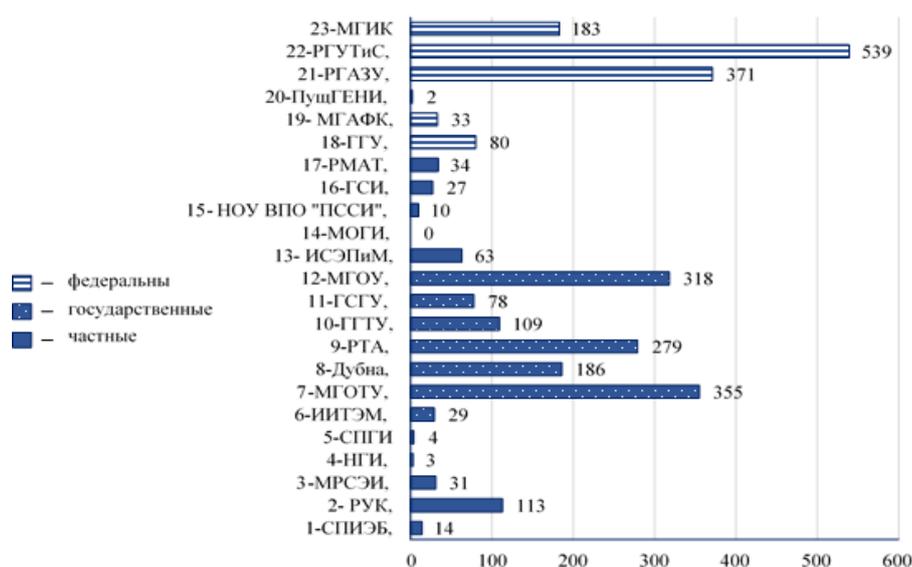

Рисунок 8 – Удельный вес численности иностранных студентов, обучающихся по программам ВО (в % от общего числа опрошенных)

Как показывают данные из рисунка 19, все высшие образовательные учреждения стремятся к интеграции в международное образовательное пространство, наибольшее количество обучающихся присутствует в государственных и федеральных вузах. Из частных вузов можно отметить РУК с самым большим количеством иностранных студентов среди частных вузов, так как данное высшее образовательное учреждение обладает очень сильной ресурсной базой, доставшейся ему еще со временем Советского союза.

Таким образом, в ходе анализа было выявлено, что все высшие образовательные учреждения выполняют требования Приказа Рособнадзора от 29.05.2014 N 785 «Об утверждении требований к структуре официального сайта образовательной организации в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и формату представления на нем информации». У исследуемых 22 высших образовательных учреждений работают официальные сайты, а также присутствует в открытом доступе необходимый пакет документов, который включает в себя:

- отчет о результатах самообследования за 2016 год;
- план финансово-хозяйственной деятельности;
- устав организации высшего образования;
- миссия организации высшего образования;
- свидетельство о государственной аккредитации;
- лицензия;
- образовательные стандарты;
- структура организации высшего образования;
- приказы о зачислении/отчислении/переводе, стоимости обучения.

Следует отметить, что во время проведения анализа у следующих вузов отсутствовали данные на портале «ГИВЦ Мониторинг»:

- Автономная некоммерческая организация высшего образования «Международный институт менеджмента ЛИНК»;
- Институт экономики.

У данных высших образовательных учреждений не работают официальные сайты, а также они не выполнили более четырех показателей Министерства образования и науки и находятся в стадии реорганизации. Также следует отметить Автономную некоммерческую организацию высшего образования «Сергиево-Посадский гуманитарный институт» (АНО ВО СПГИ), который присутствует в базе «ГИВЦ Мониторинг» и подает ежегодно свои показатели деятельности, однако официальный сайт данного института не функционирует.

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что наиболее активными высшими образовательными учреждениями являются вузы в статусе «государственный», так как они находятся под жестким прессингом со стороны Министерства образования и науки и обладают ограниченными финансовыми ресурсами, не у всех вузов присутствует поддержка со стороны фондов научной деятельности и иных внебюджетных фондов, также не все вузы выполняют объем хоздоговорных НИР более чем по 10 видам работ. Ежегодно данные вузы поднимают уровень своих наукометрических показателей на уровень выше, чем те же федеральные университеты.

Федеральные вузы развиваются стабильно, выполняя основные показатели не выше и не ниже требуемого уровня.

Также исследование выявило, что частные вузы находятся в затруднительном положении в связи с тем, что у большинства из них малый набор студентов очной формы обучения, значительно малый объем финансирования НИР и НИОКР, низкая публикационная активность, контингент занятых студентов в основном в гуманитарных науках и науках об обществе. К сожалению, частные вузы не обладают достаточным количеством инновационного потенциала, чтобы в полном объеме выполнять основные показатели эффективности деятельности, также нельзя не отметить сложившийся стереотип в общественном сознании о том, что негосударственный диплом не ценится на рынке труда.

Для того чтобы посмотреть, действительно ли статус вуза будет влиять на инновационную активность, сравним вузы с различным статусом по пяти показателям:

1. Общая численность иностранных студентов.
2. Количество цитирований публикаций, изданных за последние 5 лет (РИНЦ).
3. Общая численность ППС (без внешних совместителей и работающих по договорам ГПХ).
4. Общий объем средств, поступивших (за отчетный год) от выполнения НИОКР, выполненных

собственными силами.

5. Количество студентов.

Данные показатели были проанализированы с помощью критерия χ^2 Пирсона. Нулевая гипотеза была принята, а альтернативная отвергнута. Можно сделать вывод, что гипотеза о том, что вузы, имеющие разный статус, будут иметь различную инновационную активность, статистически не подтвердилась, несмотря на то, что у государственных вузов показатели инновационной активности выше, чем у частных учебных заведений.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 30 апреля 2014 г. № 722-р О плане мероприятий («дорожную карту») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки».
2. Когтева У.А., Черняк Т.В. Подходы к оценке эффективности деятельности современного российского вуза в организационно-управленческом аспекте. Развитие современной цивилизации: ответы на вызовы времени // М: Общество с ограниченной ответственностью «Научный консультант». 2016. С. 143-151.
3. Кирилина Т.Ю., Кирилина Н.А. Анализ влияния уровня образования на конкурентоспособность населения // Социально-гуманитарные технологии. 2017. Т. 3. № 3. С. 85-92.
4. Кирилина Т.Ю. Возможности использования информационных технологий в образовательном процессе. В сборнике: Инновационные технологии в современном образовании сборник трудов по материалам II Международной научно-практической интернет-конференции. 2015. С. 157-161.
5. Лапшинова К.В., Белова О.А. Внутренний мониторинг качества образовательных услуг в условиях модернизации системы высшего образования в странах таможенного союза и странах СНГ // Перспективы, организационные формы и эффективность развития сотрудничества ВУЗов стран Таможенного союза и СНГ / сборник научных трудов международной научно-практической конференции: Королев МО: // ФТА. 2013. С. 287-292.
6. Лапшинова К.В., Ткаченко А.В. Развитие социально-гуманитарного знания в переходный период модернизации российской системы высшей школы и ее интеграции в международное научно-образовательное пространство // Инновационные технологии в современном образовании / сборник трудов по материалам II Международной научно-практической Интернет-конференции 19 декабря 2014 г. Королев МО: // Издательство «Алькор Паблишерс». ФТА. 2015. С. 214-217.
7. Лапшинова К.В. Инновационные методы обучения социологии // Инновационные технологии в современном образовании / сборник трудов по материалам II Международной научно-практической Интернет-конференции 19 декабря 2014 г. Королев МО // Издательство «Алькор Паблишерс». ФТА. 2015. С. 218-221.
8. Проект 5-100 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://5top100.ru/>.
9. Центральный федеральный округ. Московская область / Главный информационно-вычислительный центр Министерства образования и науки РФ. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://indicators.miccedu.ru/monitoring/_vpo/material.php?type=2&id=10302.